

С. Днепровский

ПО ДОЛИНАМ
И
ПО ВЗГОРЬЯМ

ПО ВЗГОРЬЯМ

С. Днепровский

ПО ДОЛИНАМ
И
ПО ВЗГОРЬЯМ

1035614

Хабаровская государственная
научная библиотека

ОБЩИЙ ФОНД
Книжной библиотеки

Хабаровское книжное издательство
1956

*Жене и другу
Александре Митрофановне Днепровской
посвящаю,*

АВТОР

Глава первая
ЗАБАЙКАЛЬЕ — АМУР

1

Быстрая и прозрачная Ингода огибает пригород Читы — Большой Остров. Здесь я родился, здесь прошли мое детство и юность.

Сюда из верхового ингодинского села Николаевское переехали мои родители — хлеборобы, разоренные хроническими недородами. Отец мой, Петр Васильевич, за десятилетнюю солдатскую службу прилачился к плотничьему делу и, поселившись в городе, стал основным кормильцем нашей большой семьи.

Сейчас Чита сильно разрослась. Построены новые крупные предприятия на Большом Острове. Появились поселения и за Ингодой, там, где раньше было столько черемухи. А тогда, на Большом Острове проживало не очень много народа: мещане — мелкие предприниматели, несколько чиновников и торговцев, извозчики и в небольшом числе — рабочие лесопильного завода местного капиталиста Игнатьева. Основная масса читинского пролетариата — железнодорожники — сосредоточивалась в главном пригороде — Чита-поселок или Дальний Вокзал, расположенный от нас на запад.

После обильных дождей Ингода обычно выходит из берегов и затопляет прилегающие к ней участки. Поэтому в те годы жители Большого Острова старались строиться

подальше от реки, за дамбой-насыпью, проходившей через весь остров от города до бывшей станицы Титовской. Мои родители облюбовали возвышенное место у самой реки (тогда еще можно было выбирать) и по Ингоде сплавом доставили сюда из деревни собственный дом.

Нашим соседом оказался владелец колбасного и квасного заводов Носырев, бывший деревенский кулак. По мере того, как богатели и жирели местные капиталисты — Носыревы, Солобоевы, Тягуновы, — у них разгорался аппетит на городские земли. Давно Носырев обращал волчьи взоры в сторону нашего участка, решив завладеть им, чтобы расширить свои предприятия. И вскоре, при содействии подкупленных судейских чиновников, он добился принудительного выселения нас из усадьбы.

Отец мой перенес на себе по бревну на лужайку, против прежней усадьбы, половину дома, разделенного сениями. Но мать — вечная труженица, простая женщина-крестьянка, привычная к нужде и горю, — не выдержав на этот раз чудовищного произвола, сказала:

— Помру, а из своего дома не пойду.

Так и случилось: в день переезда, придя с базара в оставшуюся на старой усадьбе половину дома, она умерла от разрыва сердца.

Но не долго услаждался своим богатством Носырев. Жена его, спутавшись с компаньоном по предприятиям неким Казановым, подстроила убийство своего мужа. Как-то поутру Носырева нашли с перерезанным горлом в спальне во вновь выстроенном им доме, на том самом месте, где стояла раньше наша хата.

Смерть матери и принудительное сселение потрясли семью. Отец стал чаще пить, и семья нередко голодала. Две мои старшие сестры-подростки поступили на завод и лишь по воскресным дням посещали школу грамоты. А младшая сестренка и вовсе осталась неграмотной. Да и я, окончив трехлетнюю начальную приходскую школу, вынужден был податься в деревню, пасти скот. Но мне удалось все же скоро снова поступить учиться.

По совету близких людей, отец продал дом и поместил меня в городское училище. С продажей дома семья разбредлась. Старшая сестра Александра вышла замуж за крестьянина села Домна. Туда же переехали батрачить отец с младшей дочерью Марией. Я остался в городе у

средней сестры Веры, вышедшей замуж за рабочего лесопильного завода. Жили мы теперь в предместье Терембиловка, за Горбатым мостом.

Говорят, что рос я не в меру застенчивым мальчугом и часто о чем-то мечтал. Помню родную Ингоду, горы, неширокие поля, озера, ласково согретые чудесным забайкальским солнцем.

Весной, лишь только на полях появится ургуй — забайкальский подснежник, — а в горах, когда еще кругом черно, распустится лиловатый багульник, я с друзьями-мальчишками целыми днями пропадал на рыбалке, бродил по Сохатино или на Каменушке.

Чита, окаймленная с юго-востока и с северо-запада горами, славится своими окрестностями. Всего лишь в восьми-пятнадцати километрах от города, в долине Ингоды, расположены минеральные источники Ближней и Дальней Молоковки; в пяти километрах на запад находится большое рыбное озеро Кенон, а рядом с ним — грязевое целебное озеро Угдан и тут же, по соседству, минеральный источник Карповка.

Но влекли меня больше всего Ингода и Сохатино. Далеко был слышен шум вливающегося в реку горного ручья Граматухи. Рядом небольшое озеро с густыми порослями черемухи, шиповника и боярышника. Плотно с обеих сторон сжимают Ингоду горы, слева сплошь покрытые сосной, а справа — лиственницей. И без того стремительная река низвергается здесь каскадами, в которых по мелководью порой разбивались плоты, а в бурных потоках тонули люди.

Жутковато становилось, когда голос, отраженный скалами, раскатывался многоголосым эхом. А на главном утесе Сохатино стоял крест, манивший нас связанной с ним легендой о гибели молодого офицера, неудачника в любви, бросившегося с утеса в реку и разбившегося насмерть.

За городом многое для нас, юнцов, казалось таинственным, питало воображение и мечту. Поэтому-то так и влекли нас, маленьких рыбаков, Сохатино, Граматуха и бурливая Ингода.

Около полвека отделяет меня от этих детских увлечений. Конечно, теперь Сохатино уже не то: лес частично вырублен и отступил в глубь гор, не шумит, как прежде, Граматуха, спокойнее течет Ингода. Но воспоминание о

них навсегда сохранилось в моей памяти, как невозвратимая мальчишеская пора.

Позже, уже подростком, когда учеников отпускали на лето, я спешил в село, где жили отец и сестры. Каникулы проводил в обычном крестьянском труде — на пахоте и сенокосе. А в свободное время, вместе с зятем Тимофеем Перфильичем Сумароковым, страстным охотником и рыбаком, отправлялся на озера, которых немало в долине Ингоды и ее притока Какова; помнится, особо крупные караси ловились в озере Развилки.

Просторы Забайкалья, сдержанная в своей силе красота лесов и гор, нелегкий крестьянский труд наложили, должно быть, свой отпечаток на душу паренька, развили в ней любовь к природе и восприимчивость. А интересы взрослых — тружеников деревни и городской окраины сызмательства стали моими самыми близкими и главными интересами...

Когда с началом русско-японской войны 1904—1905 годов через Читу пошли в Маньчжурию воинские эшелоны, а назад потянулись до отказа набитые ранеными и калекami санитарные поезда, начались в домах и на улицах новые разговоры.

Неудачный ход войны и огромные жертвы возбуждали народ, порождали различные слухи и толки, накаляли атмосферу.

Надвигалась гроза народной революционной бури. Кое-что чувствовали и мы — ребята — ученики приходской школы, единственной на Большом Острове. Были мы по-особенному приподняты, возбуждены.

Ежедневно выстраивала нас в ряды учительница Мария Брониславовна Борщевская и с пением «Марсельезы» и «Варшавянки» водила по улицам Большого Острова. Потом наша славная Мария Брониславовна внезапно исчезла из школы: то ли арестовали ее, то ли она скрылась. Болезненно переживали мы потерю учительницы, к которой успели крепко привязаться. Долгое время у нас не было учителя, а потом, словно в злую насмешку, пришел Петр Иванович — пьяница и забулдыга.

Больше уже не ходили мы классами по пригороду и не распевали «Марсельезы», но все равно песни революции оставались для нас самыми любимыми...

1905 год проходил в Чите бурно. Руководимые большевиками передовые пролетарии Читы, и в первую оче-

редь рабочие железнодорожных мастерских, вместе с революционными солдатами восстали против царского самодержавия.¹

Это восстание так же, как и Декабрьское вооруженное восстание в Москве, было с бесчеловечной жестокостью подавлено царизмом. Подошедшие одновременно с востока и запада карательные экспедиции царских палачей Ренненкампа и Меллер-Закомельского залили Читу кровью. Палачам удалось схватить не успевшего скрыться председателя Читинского Совета солдатских и казачьих депутатов Григоровича — Антона Антоновича Костюшко-Валюжанича² и ряд других революционеров.

По приказу генерала-вешателя Ренненкампа 2 (15) марта 1906 года в Чите состоялась публичная казнь товарищей И. Н. Григоровича (Костюшко-Валюжанича), Э. В. Цупсмана (помощник начальника станции Читавокзал), П. Е. Столярова (рабочий-слесарь) и И. А. Вайнштейна (приказчик Общества потребителей Забайкальской железной дороги).³

¹ Руководящую роль в организации восстания играл Читинский комитет социал-демократов, во главе которого стояли такие видные большевики, как И. Н. Григорович (А. А. Костюшко-Валюжанич), В. К. Курнатовский, Николай Большой (Н. Н. Баранский), М. К. Ветшкин. Позже, в 1906 году, значительную работу вели в Читинском комитете молодые большевики М. И. Губельман, В. Д. Чаплинский, И. А. Бабайлов и другие. Живейшее участие в руководстве восстанием принимал командированный сюда из Иркутска за оружием старейший деятель большевистской партии Иван Васильевич Бабушкин.

² Родился А. А. Костюшко-Валюжанич в июне 1876 года в Казани в семье офицера. Учился в Псковском кадетском корпусе, а затем в Павловском военном училище, по окончании которого недолгое время служил подпоручиком стоявшего в Пскове Несвижского гренадерского полка. В дальнейшем он — студент института, а потом горного училища в Екатеринославе, активный революционер, социал-демократ. За революционную деятельность был судим и после тюремного заключения сослан в Якутск вместе со своей невестой — молодой революционеркой Таней Жмуркиной. Здесь он явился одним из активнейших участников вооруженного восстания протеста политических ссыльных, за что снова был осужден на двенадцать лет каторги и посажен в Иркутскую каторжную тюрьму. 30 августа 1905 года, перебив железную решетку окна тюремной камеры, Григорович бежал из тюрьмы в Читу. Работая здесь в железнодорожных мастерских в качестве слесаря, а затем чертежника, талантливый организатор-пропагандист Григорович-Костюшко завоевал огромное доверие у трудящихся и в дни вооруженного выступления возглавил восставших рабочих Читы.

³ Вместе с ними к смертной казни были приговорены: рабочий

Неизгладимый след оставила в моей памяти зверская расправа кровавых царских палачей над верными борцами революции.

Как сейчас, вижу перед собой подножие Титовской сопки, где в солнечное погожее воскресенье на виду у всего города было совершено черное злодейское дело. Палачи сознательно выбрали праздничный день, ибо рассчитывали превратить казнь в средство устрашения трудящихся масс. Но они добились обратных результатов: публичная расправа над лучшими сынами народа еще больше революционизировала массы, усилила ненависть к кровавому царю и его извергам.

В часы казни сопка была покрыта народом. Собрались не только жители города и городских окраин, но и крестьяне из окрестных деревень. Я видел, как по насыпи, соединяющей город с Большим Островом, провели под усиленным конвоем осужденных к месту казни. В одном из них я узнал Вайнштейна — молодого служащего-приказчика; с его сестрой я учился в школе.

Меня трясло как в лихорадке от мысли, что вот сейчас эти хорошие, честные, чистые люди умрут. Вместе с ватагой мальчишек я шел к месту казни. На горе заканчивались последние приготовления, выстраивались солдаты. Сердце учащенно билось, а мысль неотступно твердила, что вот с минуты на минуту совершится злое, неотвратимое...

Костюшко громко крикнул:

— Братья-солдаты! Мы умираем в борьбе за свободу, за лучшее будущее всего народа. Да здравствует революция!

Столяров, обращаясь к народу, произнес:

— Призываю вас к дальнейшей революционной борьбе. Пожар революции только разгорается — он не погаснет. Мы погибали за рабочее дело. Нам возврата нет.

Иван Семенович Кривоносенко — глава известной читинцам революционной семьи; ревизор Павел Иванович Кларк — революционер, позднее эмигрант и активный коммунист; Алексей Кириллович Кузнецов — видный ученый-краевед, главный организатор Читинского музея. Но смертную казнь им заменили потом каторгой. На каторгу был осужден и несовершеннолетний сын Павла Ивановича Кларка — Борис Кларк, известный в дни борьбы за Советы красногвардейский командир в Чите, а затем командир особой сотни Аргуньского революционного казачьего полка. В 1918 году Б. П. Кларк был убит при подавлении восстания белых казаков в поселке Каштак, под Читой.

Но вы, оставшиеся жить, должны начатое дело довести до победного конца. Солдаты, стреляйте прямо в грудь, чтобы я не мучился!

Раздался залп, затем второй... Лишь после второго залпа падают мертвыми Столяров, Цупсман и Вайнштейн. Но Костюшко остается невредим и продолжает стоять у столба: солдаты стреляли мимо него. И тут неожиданно он увидел недалеко свою рыдающую жену Таню...¹

Грянул еще залп, и с перебитыми ногами, но еще живой Костюшко свалился к подножию столба. Подбежавший поручик Шпилевский, командовавший казнью, добил его из нагана...

Место казни стало священным для передовых рабочих и учащейся молодежи Читы. Я часто приходил сюда и думал о мести царю и его слугам.

В городском училище я полюбил серьезную книгу. Учитель русского языка Иннокентий Николаевич и учитель естествознания Илья Андреевич сумели привить нам интерес к знаниям.

Илья Андреевич увлекательно рассказывал о жизни растений и животных, возбуждал стремление глубже познать законы природы. Но особенным уважением пользовался учитель русского языка. Когда перед уроком в конце длинного коридора появлялась невысокая, сутуловатая фигура Иннокентия Николаевича с длинными, зачесанными назад русыми волосами и заветным томиком в руке, звонкие голоса возвещали: «Будет чтение!» Тотчас же прекращалась обычная возня. Появление учителя мы приветствовали дружным вставанием. В классе наступала полнейшая тишина: все замирали в предвкушении занимательной истории. Учитель с большим мастерством читал нам рассказы Толстого, Горького, Чехова...

Отсюда пошла любовь к хорошей книге, к художественному произведению. Многие из нас увлекались клас-

¹ Таня Костюшко (Жмуркина), с маленьким сыном Аликом, родившимся в Иркутской тюрьме, прибыла в Читу в ноябре 1905 года после освобождения из тюрьмы, в связи с пересмотром дела, по которому она так же, как и ее муж, была осуждена на двенадцать лет каторги.

сической литературой в противовес пинкертоновщине и прочей дребедени о героях сыска, бывшей в то время в большом ходу. Особенно мне нравились Гончаров, Григорович, Тургенев, Аксаков, Гоголь, Пушкин, Гюго и Чехов.

Городское училище я окончил одним из первых учеников и, выдержав большой испытательный конкурс, поступил в только что открывшееся Читинское землемерное училище. Половина учащихся в нем получала стипендии (при условии хороших отметок). Поэтому-то сюда и стремились попасть юноши из городской и деревенской бедноты.

Специальные предметы и необходимость их серьезного изучения, наряду с обильной муштрой, включительно до закона божия, отнимали у нас много времени. Но привитый ранее интерес к литературе не только не снизился, а еще больше возрос. Огромное влияние оказывал на учащихся замечательный педагог — преподаватель словесности и литературы Василий Львович Теремец, уже пожилой человек, обаятельный, глубоко прогрессивный. О независимости и твердости его демократических убеждений было много разговоров.

Рассказывали, как в бытность его директором учительской семинарии, туда пожаловал наместник края генерал Селиванов — человек жестокий и грубый. Не выдержав оскорбительных выходок наместника, Теремец позвал швейцара и велел подать генералу шубу...

Должности директора Теремец вскоре лишился, был понижен и теперь преподавал нам литературу. Однажды, когда на уроке к нему обратились с вопросом, что следует читать, он, не колеблясь, предложил: — Чернышевского «Что делать?», Оммулевского «Шаг за шагом».

О вольностях Теремца реакционер-директор училища, конечно, знал и постарался позднее избавиться от него. А книги, которые нам назвал педагог-демократ, быстро стали нашими любимыми. Нам, забайкальцам и сибирякам, близка была жизнь и самого Оммулевского — Иннокентия Васильевича Федорова. Родился он в 1836 году на Камчатке, жил и учился в Иркутске и Петербурге. За свои революционные убеждения сидел в Петропавловской крепости и Литовском замке. Умер в страшной нищете в 1883 году. Герой его романа «Шаг за шагом» Светлов так же, как и мы, хотел лучшей жизни для края и для

России. А одно стихотворение Оммулевского, обращенное к Иркутску, запомнилось на всю жизнь:

Могу сказать, что в те года
Все жизнью умственной кипело,
Учились юноши тогда
Смотреть на будущее смело;
Стремилась дружно молодежь
Усвоить лучшие заветы,
И мы не ставили ни в грош
Корыстной мудрости советы...

Когда у нас стал выходить подпольный революционный ученический журнал, ему было присвоено название «Шаг за шагом». Рахметовы, Кирсановы, Светловы являлись любимыми нашими героями.

Жил я в ту пору снова на Большом Острове, на постоялом дворе, терпя, как и многие мои товарищи по училищу, тяжелые материальные лишения. И все же, несмотря на это, несмотря на огромную перегрузку учением, я продолжал много читать. Только теперь на первом плане была революционная литература, сохранившаяся каким-то образом в местной библиотеке после бурных революционных лет.

Увлекался я воспоминаниями народников-семидесятников, перечитывал роман Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов». Глубокое впечатление оставила книга Августа Бебеля «Женщина и социализм». А такие произведения, как «Положение рабочего класса в Англии», «Экономическое учение Карла Маркса», «Эрфуртская программа», «Коммунистический Манифест», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», я внимательно изучал. Это уже было серьезное знакомство с марксизмом.

Шел 1912 год. Расстрел на Ленских золотых приисках безоружных рабочих-стачечников всколыхнул всю пролетарскую Россию. Новый революционный подъем в стране оказывал свое влияние и на читинскую учащуюся молодежь. Из передовых учащихся землемерного училища, учительской семинарии, мужской и женской гимназий организуются тайные литературные и революционные кружки. Молодежь читает рефераты, с жадностью поглощает политическую литературу. Но, конечно, определенного, твердого мировоззрения у участников этого движения еще не было...

Исключительным событием для меня и моих товарищей стало появление в 1912 году газеты «Правда». Особенно большое впечатление осталось после статей В. Ильина (так подписывался В. И. Ленин). Мы знакомимся с Лениным по этим статьям впервые, потому что из ленинских произведений в ту пору в местной библиотеке имелось лишь «Развитие капитализма в России». И то, что было еще в значительной мере неоформленным, под влиянием «Правды» постепенно выкристаллизовывалось в стройное, революционно-марксистское мировоззрение. Но марксистом-большевиком я стал лишь после знакомства с рабочими-большевиками железнодорожных мастерских Чита-поселок.

Читинская подпольная организация социал-демократов (большевиков) не прекращала своей деятельности даже в годы самой свирепой реакции. Особенно она оживилась в предвоенные годы, в связи с общим революционным подъемом в стране. В период 1913—1916 годов в организации состояли местные ветераны революции, уцелевшие после ее поражения, а также товарищи, вернувшиеся по окончании срока ссылки, и беглецы, проживавшие нелегально. Основной ее костяк, как и в прежние годы, составляли рабочие читинских железнодорожных мастерских, среди которых особой активностью выделялись: И. Н. Росляков, Г. Т. Перевозчиков, Д. Н. Цибин, В. А. Тимкин, М. К. Кабанов, В. А. Караваев, а также приказчик И. А. Бабайлов, бывший шахтер И. Л. Ковалев, газетный работник Б. А. Александров, учителя А. И. Блинные, Н. Е. Широких, Таубе, несколько позже — П. К. Номоконов и М. П. Малышев.¹

Большевики-подпольщики Читы, как и вся партия в целом, направляли рабочее движение к одной цели — к подготовке революции. Они вели большую политическую работу среди рабочих, крестьян, казаков, сельских учителей и учащихся, руководили стачечной борьбой, распространяли рабочую печать — газету «Правда» и журнал «Просвещение». Проводя тайную революционную работу в массах, они стремились сделать своими опорными пунктами и легальные организации.

Одной из таких организаций была потребительская ко-

¹ М. П. Малышев в 1921—1922 годах был министром просвещения ДВР.

операция, ставшая к тому времени в Забайкалье фактором большого политического значения.

Забайкалье являлось пионером кооперативного движения на Дальнем Востоке. Здесь впервые, еще в 1899 году, возникло Общество потребителей Забайкальской железной дороги. В 1913 году имелось уже сорок три потребительских общества, объединившихся в том же году в первое на Дальнем Востоке Забайкальское товарищество кооперативов. В этом товариществе, как и в отдельных потребительских кооперативах, находили пристанище и работу ссыльные и проживавшие нелегально социал-демократы (большевики). Рабочие кооперативы и многие сельские и станичные потребительские общества находились всецело под влиянием большевиков. В «Трудовом союзе» на Дальнем Вокзале душой и организаторами дела являлись большевики, активные члены читинской подпольной организации Росляков, Перевозчиков и Ефимович (Илья Андреевич Белоусов), бежавший из тюрьмы и работавший бухгалтером. Кооператив на Арбагарских коях возглавлял старейший большевик А. А. Ширямов, впоследствии член Забайкальского обкома партии и в 1920 году председатель Иркутского ревкома, подписавший приговор о расстреле Колчака. В руководстве товариществом кооперативов принимали непосредственное участие такие видные большевики, как В. Н. Соколов¹ — редактор кооперативного журнала «Наше дело» и Н. К. Сенотрусов², через которого в основном осуществля-

¹ Член партии с 1898 года, Василий Николаевич Соколов и его жена Елена Демьяновна Соколова-Струнина, член партии с 1903 года, прибыли в Читы из ссылки в 1914 году и активно работали в подпольной большевистской организации. В 1918 году В. Н. Соколов до отъезда в Москву возглавлял Совет Народных Комиссаров области и одновременно областной и городской партийные комитеты.

² По происхождению казак Цаган-Олуевской станицы на реке Ононе, Николай Константинович Сенотрусов семнадцатилетним юношей по окончании фельдшерской Читинской школы становится членом РСДРП и с головой уходит в подпольную революционную работу. Арестованный, как член боевой группы в 1906 году в дни вооруженного восстания в Забайкалье, он бежит из тюрьмы. В 1908 году был вторично арестован и после двух лет пребывания в тюрьме сослан в Якутскую область. По прибытии из ссылки в Читы весной 1914 года Николай Константинович становится душой подпольной большевистской организации. Как член правления Забайкальского союза кооперативов он ведал организационно-инструкторским отделом. В годы становления Советской власти Н. К. Сенотрусов был областным комиссаром продовольствия.

лась живая практическая связь подпольной организации с широкими массами крестьянства и казачества.

Успехи деятельности большевиков в кооперации крайне беспокоили читинскую охранку. Забайкальский сатрап, военный губернатор Кияшко секретно предупреждал своих подчиненных, что «социал-демократические партии постановили воспользоваться кооперативным движением как средством для образования сети революционных ячеек, проводя в состав правлений кооперативных организаций своих агентов и единомышленников. Во главе всех кооперативных организаций стремится стать Забайкальское тор.-пром. товарищество кооперативов, руководимое соц.-дем... Особенно, — требовал губернатор, — следует установить наблюдение за кооперативными инструкторами».¹

А о том, как отражалась в сознании молодежи работа большевиков в кооперации, я могу судить на своем примере. Попав на собрание забайкальских кооператоров, собравшихся в Чите для организации товарищества кооперативов, я впервые увидел Ивана Николаевича Рослякова. Он представлял рабочий кооператив дальневостальцев «Трудовой союз». Его простую, искреннюю речь рабочего-большевика кооператоры слушали с большим вниманием. В перерыве состоялось мое с ним знакомство, и с этой встречи у нас завязалась длительная дружба. Через него я сошелся с другими работниками партии и в ноябре 1913 года вошел в подпольную организацию социал-демократов (большевиков). Маленькая квартирка Росляковых на Дальнем Вокзале была постоянным пунктом, где происходили собрания партийной группы большевиков. В последующей борьбе за Советы Иван Николаевич возглавлял комитет амурских железнодорожников.

Самым молодым из подпольщиков был Сережа Широких (Полянский), вошедший в нашу организацию в конце 1914 года. Совсем юнцом, с начального класса учительской семинарии, он появился у нас в числе первых семинаристов. С удивительным усердием Сережа набрасывался

¹ Альманах «Забайкалье» № 3, 1949, стр. 173. Кары на головы кооператоров-большевиков не замедлили посыпаться. В марте 1916 года полиция разогнала кооперативный съезд и арестовала в Чите некоторых его участников, в том числе В. Н. Соколова, за антиправительственные речи и резолюцию, принятую съездом.

вается на марксистскую литературу. Несмотря на молодость (ему было 16—17 лет), он уже тогда выделялся широкой начитанностью и эрудицией. Отличительными чертами его были искренность и твердость убеждений, сильная воля и бесстрашие, глубокая вера в победу рабочего класса.

Партия в дальнейшем высоко оценила самоотверженного и талантливого революционера, поручая ему ответственные посты и задания: председатель комиссии в Прибайкалье по борьбе с контрреволюцией, министр юстиции в правительстве Дальневосточной республики. Когда контрреволюционная буржуазия, возглавляемая эсерами, подняла в Якутии мятеж против Советов, Широких назначается комиссаром посланного на подавление мятежа отряда известного партизанского командира, дедушки Каландарашвили. После ряда успешных боев в глухой тайге с бандами эсера Куликовского отряд попал в засаду белых. В завязавшейся горячей схватке Каландарашвили был убит, а С. Широких во главе отряда пробился к Якутску. Здесь ему пришлось отправиться в качестве парламентаря на переговоры с изолированными в одном из предместий Якутска белогвардейцами. По дороге туда он был убит предательской пулей из-за угла.

Замечательный актив будущих большевиков, сыгравших значительную роль на Дальнем Востоке в борьбе за Советскую власть, возникает среди учащихя землемерного училища и учительской семинарии. В числе его можно назвать Фрола Балябина — в 1918 году он командовал Даурским фронтом против банд атамана Семенова; Василия Бронникова — впоследствии командир первого Аргуньского революционного казачьего полка; Ивана Кириллова — в 1918 году комиссар Нерчинского совдепа; Георгия Богомякова — в том же году комиссар штаба Забайкальского фронта; Степана Киргизова — впоследствии видный партизанский командир Восточного Забайкалья; Клима Козлова, Федора Пронина, Арнольда Иванова¹ — в 1918 году члены Забайкальской ЧК; Георгия Плотникова.

Трое первых поступили в Читинское землемерное училище в 1911 году одновременно со мной. Все они были по наружности очень разные. Балябин — аргуньский ка-

¹ Расстрелян колчаковцами в Амурской области.

зак Чалубучинской станицы — был старше и крупнее всех, обладал большой физической силой, бесстрашием. Кириллов отличался спокойным, уравновешенным, мягким характером. Бронников — казак Кубухайской станицы на Ононе, очень живой, начитанный, чуткий товарищ, с твердыми убеждениями, был завзятым спорщиком.

Всех нас единили в крепкую семью великие ленинские идеи.

Лично моя общественно-политическая деятельность началась в тот же предреволюционный период (1913—1916 годы). По поручению подпольной организации большевиков я создаю кооперативы среди крестьян и казаков Ингодинского района, рабочих-шахтеров Черновских копей и в предместье Читы — на Большом Острове; мне же на правах инструктора (бухгалтера) надо было ими руководить.

Вскоре пришлось выбирать — или землемерное дело, или кооперация. Сочетать учебу с моей новой работой не удавалось. Решив целиком посвятить себя общественно-политической деятельности, я покинул училище.

Вместе со своим другом И. Л. Ковалевым,¹ также членом подпольной организации, мы перебрались из города в село Домну на Ингоде, где организовали общество потребителей.

Важным событием периода первой мировой войны стало в Чите издание большевиками еженедельной газеты «Забайкальское обозрение», проводившей ленинскую линию в вопросах войны и революции. Газета начала выходить 5 октября 1915 года. В первый состав редколлегии входили Н. К. Сенотрусов и я. Официальным редактором-издателем газеты состоял петербургский рабочий-путиловец И. А. Дубов (после его ареста — В. П. Павлова). Ближайшим сотрудником и соредактором был В. Н. Соколов. Газета имела большое влияние среди рабочих, крестьян, казаков, учащихся и передовой интеллигенции не только в Забайкалье, но и далеко за его пределами.

Легальное издание революционного марксистского ор-

¹ Иван Львович Ковалев, крестьянин из Прибайкалья, позже рабочий-шахтер, а затем заведующий магазином, соприкасаясь с широкими массами членов кооператива в селе Домна, вел революционную, антивоенную пропаганду. Став жертвой доноса, он попал в тюрьму. Позже, в январе—феврале 1920 года, Ковалев становится видным партизанским командиром.

гана в период империалистической войны — редкий случай в истории большевистской печати того времени. Конечно, нелегко было в условиях свирепой реакции, особенно после ареста думской фракции большевиков и закрытия «Правды», издавать большевистскую газету с антивоенным направлением. Не всегда можно было ставить политические вопросы остро и открыто. Но при всех этих трудностях защита интересов большинства народа — лозунг газеты «Забайкальское обозрение» — проводилась последовательно и с подобающим мужеством.

Газета разоблачала империалистический характер первой мировой войны.

«Народы истребляют друг друга в кровопролитнейшей войне... К этим жертвам присоединяется страшное хозяйственное бедствие, — говорилось в передовице первого номера. — Если империалистическая война не завершится войной гражданской, то это будет означать остановку социального развития, гибель цивилизации...» Газета пропагандировала большевистский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. «Развертывающиеся события приводят к необходимости участия в ликвидации войны самих народов в лице большинства», — утверждало в одной из передовиц «Забайкальское обозрение».

Одним из ответственных редакторов газеты в конце 1915 года стал Михаил Васильевич Фрунзе. В Чите он появился в августе 1915 года, нелегально после ареста в ссылке и побега по дороге в иркутскую тюрьму. У нас он жил под именем Владимира Григорьевича Василенко с августа 1915 года по март 1916 года в доме Михневича по Уссурийской улице (ныне ул. Чкалова, № 67). Работая статистиком переселенческого управления, М. В. Фрунзе разъезжал по области в качестве агента справочного бюро по обследованию рабочего вопроса на промышленных предприятиях. Эти поездки он широко использовал в агитационно-пропагандистских целях. Будучи членом подпольной организации большевиков, Михаил Васильевич оказывал большое влияние на работу организации. При удобном случае он выступал с публичными лекциями. Об одной такой лекции, прочитанной в городском общественном собрании 17 января 1916 года на тему «Современная Германия», сообщалось в газете «Забайкальское обозрение».

«Лекция, — писала газета, — имела большой успех, и аудитория дружно аплодировала лектору».

Конечно, вряд ли слушатели могли и предполагать, что под именем скромного статистика и на удивление прекрасного лектора скрывался уже тогда известный революционер-большевик товарищ Арсений, дважды смертник, ставший впоследствии знаменитым советским полководцем.

Но «статистика» Василенко подозревали жандармы. Михаилу Васильевичу пришлось срочно скрываться. В марте 1916 года под видом больного он выехал из Читы в Москву.

3

В одну из своих поездок к домненским кооператорам я встретил и полюбил молодую девушку — учительницу сельской школы — Сашу, дочь крестьянина из села Николаевского. Отец мой тоже был родом из этого села. Я и Саша оказались земляками. Но нас сблизило не только землячество. Саше, как и мне, нелегко удалось пробить дорогу в жизнь. Пришлось преодолеть большие невзгоды, чтобы получить среднее образование и стать сельской учительницей. Была она жизнерадостной, правильно смотрела на мир. Вскоре она стала моей спутницей в жизни и борьбе.

Счастье наше прервала мобилизация. Царизм, терпевший на фронте поражение за поражением, под метелку заметал в армию и тех, кого раньше не призывали. Меня направили в 30-й Сибирский стрелковый полк, стоявший в Красноярске, а Саша переехала в Амурскую область.

Уволен я был из армии в канун февральской революции и сразу же поехал к семье. Саша в это время работала учительницей начальной школы в глухой деревушке Добрянке. Работу я рассчитывал найти в кооперации. Вскоре так и случилось: меня зачислили инструктором областного союза амурских кооперативов. Последовал новый переезд — в Благовещенск, а Сашу перевели учительницей в село Большую Сазанку на Зее. Осенью у нас родилась дочь.

Февральская буржуазная революция 1917 года застала меня уже в Благовещенске. На другой день после

свержения царя в Благовещенском народном доме состоялось большое собрание. Не скажу, чтобы я слишком уже правильно в это время ориентировался в конкретной обстановке. Лишь позднее ленинские «Письма издалека» и особенно его Апрельские тезисы внесли полную ясность во все вопросы. Но когда с трибуны посыпались здравницы по адресу князя и помещика Львова, капиталиста Гучкова и главы кадетской партии Милукова, я основательно задумался. Навряд ли враги перестали быть врагами! А когда ораторы потребовали продолжать «до победного конца» начатую буржуазией и помещиками войну, я уже не мог выдержать... Неважно, что меня еще никто не знает в Благовещенске и что аудитория многолюдная и не совсем привычная.

Моя речь против империалистической бойни и буржуазного Временного правительства вызвала бурю негодования. Раздавались возгласы: «Долой пораженцев!» В зале устроили обструкцию и сорвали выступление. Было ясно, что «хозяевами» здесь пока являлись меньшевики и эсеры и что задача момента — в собирании и организации большевистских сил и в завоевании масс на свою сторону.

В начале февральской революции благовещенские большевики были еще малочисленны и не могли полностью, сразу же отмежеваться от меньшевиков. В первое время они пошли на создание объединенной социал-демократической организации. Между прочим, в первой половине 1917 года такое же положение имелось и в некоторых других городах Сибири и Дальнего Востока, где рабочий класс — основная база большевистской партии — невелик и за годы царской реакции был обезглавлен.

Внутри объединенной организации все время шла борьба с меньшевиками. В августе 1917 года большевики Благовещенска окончательно разорвали с ними и создали самостоятельную партийную организацию. Вначале это было небольшое ядро в четырнадцать человек, в основном рабочих. Среди них были Федор Никанорович Мухин, Федот Николаевич Сюткин, Яков Григорьевич Шафир, Кидал, я и другие.

Почти одновременно возникла большевистская организация в Свободном во главе с В. В. Поповым, работавшим в управлении Амурской железной дороги. В нее

входили И. Н. Росляков, Виктор Жуков, Георгий Сорокин, Савельев, Яков Молчанов и другие.

Чуть позднее была создана самостоятельная партийная организация большевиков в Зее. Ее возглавлял Георгий Павлович Боровинский. Члены организации А. Н. Седиков, Малых и другие играли видную роль в последующих событиях на Зее.

Среди названных товарищей в моей памяти особенно запечатлелись Мухин, Сюткин и Попов.

Федор Никанорович Мухин — рабочий-электромонтер, старый большевик, активный участник революции 1905 года в Забайкалье. Спасаясь от ареста, он бежал в Амурскую область, где жил нелегально под именем Александра Чижикова. В Благовещенске в 1907 году Мухин создал подпольную группу социал-демократов (большевиков). Но по-настоящему организаторский талант Мухина как большевика — вожака масс развернулся во время борьбы за Советы, когда он в 1918 году стал руководителем Советской власти на Амуре, а после падения Советов — одним из главных организаторов партизанского движения в области.

Впервые я встретился с Ф. Н. Мухиным в марте 1917 года. Он только что был демобилизован из армии, где служил солдатом в местной дружине. Помню, Федор Никанорович долгое время не расставался с солдатской шинелью и картузом. Высокий, широкоплечий, он вечно ходил с трубкой, которую выпускал, должно быть, лишь во время сна. Говорил Мухин просто, несколько грубовато, без особого ораторского искусства, но всегда доходчиво и убедительно. Любое бурное собрание он мог успокоить с двух слов.

Так было, например, на митинге в кинотеатре «Мираж» в первые дни установления в Амурской области Советской власти. Многие служащие и чиновники учреждений, спровоцированные меньшевиками и эсерами, отказались работать под руководством советских комиссаров. На собрании был представлен весь ораторский меньшевистско-эсеровский «цвет» Благовещенска. Но ни одному оратору — ни большевику, ни противной стороне — не удавалось закончить речь до конца. Рабочие кричали ораторам-большевикам: «Правильно! Bravo!», — и одновременно раздавались эсерово-меньшевистские вопли: «Долой! Слыхали немецких шпионов!...». «Долой прислуж-

ников империализма!» — неслись в свою очередь крики по адресу эсерово-меньшевистских ораторов.

И вот на трибуну поднимается большой, могучий человек — председатель исполкома Федор Мухин — и спокойно, громким басом начинает:

— Ну что же, кричите и мне «долой». Кричите, слышали!? Или, может быть, все же выслушаете, что я скажу?..

И тотчас же наступила в зале удивительная тишина, которая почти не нарушалась, пока Мухин не закончил свою довольно длинную речь...

Федота Николаевича Сюткина я впервые увидел в Благовещенске в марте 1917 года на съезде кооператоров. Он прибыл на съезд со станции Гондатти (ныне Шимановская), где работал в кооперации и жил с семьей. Своей простотой, искренностью и твердостью убеждений Федот Николаевич быстро завоевал большую популярность среди крестьянства. Уже в это время он был убежденным марксистом-большевиком, хорошим оратором-массовиком, а в дальнейшем — одним из лидеров амурских большевиков, бессменным председателем почти всех съездов трудящихся области. При Советах, в 1918 году, Сюткин назначается комиссаром продовольствия.

Владимир Васильевич Попов, человек среднего роста, с окладистой рыжей бородой, выделялся своей постоянной собранностью и аккуратностью. Трудящиеся Амура любили его выступления, в каждой из его речей ощущались хорошее понимание обстановки, кристальная честность и принципиальная выдержанность.

Под влиянием большевиков, терпеливо и настойчиво разъяснявших массам контрреволюционную сущность буржуазного правительства Керенского и предательскую соглашательскую роль партий эсеров и меньшевиков, в настроении трудящихся Благовещенска и Амурской области происходили разительные перемены.

Сторонники большевиков теперь уже насчитывались тысячами. Характерным в этом отношении был состоявшийся в конце 1917 года кооперативный съезд области. Он прошел под знаком борьбы против эсерово-меньшевистской агентуры буржуазии и принял резолюцию «Вся власть Советам». Это была крупная победа большевистской партии среди крестьянства Амура. Но Октябрь на Амур, как и в некоторые другие районы Дальнего Вос-

тока (Забайкалье и др.), пришел с запозданием. Объяснялось это оторванностью области от решающих пролетарских центров страны, малочисленностью рабочей пролойки и относительной слабостью большевистских организаций.

Советская власть в Благовещенске и Амурской области была провозглашена в феврале 1918 года. Ей сразу же пришлось выдержать жестокий бой с врагами революции. Благовещенская «белая гвардия», сильные на Амуре кулаки, верхушка казачества подняли мятеж против Советов. Возглавлял его Гамов — атаман Амурского казачьего войска, бывший член Государственной думы третьего созыва от партии кадетов.

Белогвардейцам удалось арестовать исполком Совета.

Весть о белогвардейском мятеже молниеносно разнеслась по городам и деревням Амура. Тысячи вооруженных крестьян, поднятых большевиками, стекались со всей области к деревне Астрахановке под Благовещенском. За ними следовали сотни подвод с продовольствием. С Амурской железной дороги, из Свободного, со станции Завитая и других поселков области, а также из Хабаровска стягивались отряды красногвардейцев. На защиту Советов собралась грозная, подлинно народная армия.

Утром 12 марта 1918 года под руководством большевистского военно-оперативного штаба в составе Губельмана, Комарова, Голика и Аистова началось генеральное наступление на город, захваченный белыми...

Отряд вооруженных крестьян, в котором участвовал и я как красногвардеец, вел упорный бой с группой мятежников, засевших в большом доме золотопромышленника Иванова на Амурской улице. Пользуясь прочной защитой, белогвардейцы упорно сопротивлялись. За попытку взять вражескую позицию штурмом многие смельчаки, ветераны войны заплатились жизнью. Настала ночь, а белогвардейцы продолжали отстреливаться. Лишь после поджога дома сопротивление оказалось сломленным, но сам Иванов в суматохе сумел улизнуть.

Так приходилось выбивать врага и многим другим красногвардейским отрядам.

Разгром мятежников был полный. Спасая свои шкуры, местные активные белогвардейцы вместе с Гамовым бежали в китайский город Сахалин.

Быстрая ликвидация контрреволюционного мятежа в Благовещенске и почти одновременный разгром белых банд Семенова в Забайкалье показали, что никакая внутренняя контрреволюция и здесь, на Дальнем Востоке, уже не в силах повернуть историю вспять. Родная Советская власть пользовалась горячей поддержкой самых широких народных масс.

По-новому, по-советски начало складываться народное хозяйство. Перед партийной организацией встали большие вопросы строительства новой жизни, началась огромная созидательная работа. Нам, кооператорам, пришлось, например, многое сделать, чтобы предотвратить попытку американских компаний оставить Амур без хлеба.

Дело в том, что сельское хозяйство Амурской области по тому времени было более механизировано, чем во многих других районах страны. Но местный рынок сельскохозяйственных машин почти полностью находился в руках американской компании Мак-Кормик. Десятки агентов этой компании сновали по приморским, амурским и забайкальским деревням, распространяя жатки, плуги и другие машины.

В Благовещенске американцы открыли торговую контору под названием «Международная компания жатвенных машин в Америке» со складами в Ивановке, Тамбовке и других селах Амурской области. Эта контора под именем просуществовала до установления Советской власти. Агенты компании, верные своим хозяевам, немало приложили усилий в 1918, первом для Советской власти году на Амуре, чтобы сорвать сбор богатейшего урожая. Они прекратили продажу амурским крестьянам шпатага для уборочных сноповязальных машин. Сбору урожая угрожал срыв. Предотвратить его удалось с помощью кооперативных организаций, нашедших шпатаг на месте и обеспечивших им крестьян. Это позволило ликвидировать вылазку американских агентов и во-время убрать урожай.

Если к этому добавить, что в то время Дальний Восток жил за счет завозимого из-за границы хлеба, а начавшая империалистическими державами экономическая блокада закрыла дорогу маньчжурской пшенице в край, станет ясно, насколько важна была эта победа.

Созидательная мирная работа в крае была прервана в 1918 году иностранной военной интервенцией. Дальний Восток стал одним из фронтов войны советского народа против иноземных захватчиков. Как и в других районах страны, активным организатором и участником интервенции явились империалисты Соединенных Штатов Америки, встретившие Октябрьскую революцию в России с лютой ненавистью. Они ставили целью не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти.

Такие же хищнические цели преследовали японские милитаристы, вынашивавшие планы отторжения советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. 12 января¹ 1918 года во Владивостоке, в бухте «Золотой рог», неожиданно появился японский флот, а в начале апреля того же года японцы и англичане высадили в городе свои десанты.

В связи с этим В. И. Ленин телеграфировал Владивостокскому Совету: «Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил».²

Это предвидение полностью подтвердилось. Сосредоточившиеся во Владивостоке бывшие пленные чехословаки, направлявшиеся во Францию в количестве пятнадцати тысяч человек, спровоцированные иностранными консулами, 29 июня 1918 года произвели переворот, захватили в городе власть и арестовали председателя Совета Константина Суханова, который вскоре был зверски убит.

Во Владивостоке образовалось контрреволюционное правительство эсера Дербера. По существу же власть сосредоточилась в руках интервентов.

Но предпринятое мятежниками наступление на запад успеха не имело: оно натолкнулось на сильное сопротивление частей Красной гвардии, перешедших в контраступ-

¹ По новому стилю.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 199.

ление. Возник Уссурийский фронт. Тогда империалисты скинули свои маски и перешли к открытым действиям: 3 августа 1918 года правительство США возвестило о начале интервенции на советском Дальнем Востоке.

По согласованному между США, Японией, Англией и Францией плану японские милитаристы бросили для захвата советского Дальнего Востока большое число дивизий. 16 августа 1918 года во Владивостоке высадился 27-й американский полк, который прямо с парохода был направлен на Уссурийский фронт на помощь терпевшим поражение белогвардейцам. Вслед за ним высадился 31-й полк и другие части 8-й американской дивизии в общем количестве свыше девяти тысяч солдат.

Прибыли во Владивосток также английские и французские части. Открытое вмешательство американских и других империалистов вызвало сильное негодование среди трудящихся Дальнего Востока. Пятый чрезвычайный дальневосточный съезд Советов, происходивший в Никольск-Уссурийске (ныне Ворошилов) 28 августа 1918 года, заявил: «Акт вторжения японских, американских, английских и французских войск в пределы Дальнего Востока мы считаем, как самое грубое оскорбление и возмутительное нарушение суверенных прав трудового народа России»...¹

Пользуясь своим подавляющим превосходством в живой силе и военной технике, интервенты быстро продвигались на запад, занимая города, станции и села Приморья, расположенные на железной дороге. Малочисленные красные части не могли противостоять вооруженной до зубов армии интервентов.

Из Маньчжурии на Читу наступал Семенов, получивший от иностранных консулов в Харбине огромную материальную и финансовую поддержку. 26 августа 1918 года советские войска оставили Читу. Отряды Красной гвардии отступили в пределы Амурской области.

4 сентября 1918 года под натиском интервентов пал Хабаровск. В городе установился кровавый режим атамана Калмыкова, жертвой которого стали тысячи рабочих, крестьян, революционных казаков. Арестованных расстреливали на месте или уничтожали в «вагонах смерти». Вот как описывал эти расправы коммунист и

¹ «Дальневосточные известия», 30 августа 1918 года.

советский деятель Борис Глебович Жданов, бежавший вместе с другими семьёю коммунистами из «вагона смерти»:

«Темная дождливая ночь. Холодный ветер бушует в черном просторе Амура. Сердитые волны бьются о каменные утесы высокого берега. Длинный железный мост, фантастически освещенный ночными огнями, кажется висящим в пропасти черного безграничного пространства. По длинному коридору моста тихо пробирается поезд с потушенными огнями и останавливается, не доходя середины. Из бронированного вагона вытаскиваются один за другим замученные жертвы, сверкают шашки, кинжалы, раздаются предсмертные вопли и стоны — и окровавленные трупы сбрасываются в черную бездну»...

Все туже и туже затягивалась петля вокруг советского Амура. В Амурскую область стекались из Сибири, Забайкалья, Приморья и Приамурья остатки красногвардейских частей, партийные и советские работники. Красногвардейцы рассасывались по области, партийцы уходили в подполье, многие подались в тайгу, в приисловые районы.

Мне, тогда члену правления областного союза кооперативов, ведавшему организационно-инструкторским отделом, удалось скрыть под видом инструкторов группу перешедших на нелегальное положение советских работников Сибири и Забайкалья (товарищей Сенотрусова, Шилова, Караваева, Зельника, Коржнева, Миронова, Чаплинского, Резникова, Бочкарева, Атавина, Ольгина, Сентарецкого, Козлова, Арнольда Иванова и др.). Положение разъездных инструкторов дало возможность этим товарищам проводить среди крестьян и рабочих области широкую политическую агитацию за Советы и в дальнейшем возглавить там партизанское движение, а после одержанной в 1920 году победы над интервентами — и Советы Амура.

Под натиском интервентов 18 сентября 1918 года пал Благовещенск; амурские большевики — рабочие, матросы — отступили последними из города: одни на пароходах вверх по реке Зее, в глубокую тайгу, другие рассеялись по деревням.

В Благовещенске с помощью интервентов возникло правительство эсера Алексеевского, вскоре замененное правлением атамана Гамова.

Интервенты и белогвардейцы установили в области режим террора и насилий: сжигали деревни, арестовывали, пороли, расстреливали жителей. В числе первых был арестован и расстрелян Самуил Федорович Шадрин — заместитель председателя областного исполкома, местного амурского казак. Вскоре расстреляли и Федота Николаевича Сюткина — комиссара продовольствия, попавшего в руки белогвардейцев. В олекминской тайге были настигнуты белым отрядом под командой подпоручика Ивана Захаренко и расстреляны Владимир Васильевич Попов — председатель Свободненского совдепа — и еще пять товарищей. Одновременно там же убили видного руководителя сибирских большевиков — председателя Центросибиря Николая Николаевича Яковлева и члена Центросибиря Федора Михайловича Лыткина.

На черной совести интервентов лежит пепел сожженной ими Ивановки, мучения и казни шахтеров Сучана, железнодорожников Уссурийской дороги, крестьян Приморья и Забайкалья.

Врагам удалось расправиться и с вожаком трудящихся Приамурья Федором Никаноровичем Мухиным. Он был предательски схвачен белогвардейской разведкой в памятные мартовские дни 1919 года.

К этому времени Мухин нелегально перебрался из области в Благовещенск для связи с подпольным комитетом большевиков и организации восстания. В момент ареста под видом истопника он скрывался в школе имени Отечественной войны 1812 года по Иркутской улице.

Арестовали Мухина при следующих обстоятельствах.

Когда агенты контрразведки окружили школу и вошли в машинное отделение, навстречу им вышел высокий бритый человек. На вопрос, кто он, неизвестный хладнокровно ответил:

— Я монтер.

«Монтера» предупредили не уходить из помещения.

Во время обыска машинного отделения Мухин (это был он) пытался скрыться в одной из ниш. Но агенты контрразведки, обыскавшие все закоулки, заметили это. Подойдя к нише, один из них крикнул:

— Выходи, кто есть, или будет брошена бомба!..

В появившемся из ниши «монтере» опознали Ф. Н. Мухина.

Весть об аресте председателя Совета, лидера больше-

виков и руководителя многих восстаний в области, мгновенно облетела город. Буржуазия ликовала.

Мухина приговорили к расстрелу. Но палачи поспешили с расправой: при выходе из контрразведки его застрелили, якобы при попытке к бегству. Это было 9 марта 1919 года в Благовещенске на Офицерской улице (ныне Мухинской). Чтобы внушить народу, что нет больше живого Мухина, палачи выставили его труп для всеобщего обозрения.

В эти же, печальной памяти для амурцев мартовские дни, были вывезены из благовещенской тюрьмы и зверски изрублены интервентами и белогвардейцами шестнадцать комиссаров и советских работников, среди которых погибли лучшие большевики Амура.¹

5

Ни казни и расправы, ни сожжение деревень и карательные экспедиции не могли потушить нарастающее сопротивление иноземным захватчикам.

На борьбу с интервентами и белогвардейцами по призыву большевиков, как и по всему Дальнему Востоку и Сибири, поднялись тысячи рабочих и крестьян Амура. Партизанские отряды уничтожали мелкие части интервентов и белогвардейцев, спускали под откос воинские эшелоны противника, жгли мосты, громили военные базы врага.

Знаменитый рейд тысяч восставших зазейских крестьян — Ивановка—Белогорье—Москвитино—Чудиновка—Павловка — навсегда войдет в историю борьбы Красного Амура с интервентами и предателями Родины.

Во время этого рейда восьмитысячная армия партизан нанесла противнику ряд серьезных поражений. Так, под деревней Белогорье был окружен и полностью уничтожен отряд интервентов в количестве четырехсот человек. Еще более крупный отряд интервентов был уничтожен в Чудиновском бою, под городом Свободным.

Позднее амурские партизаны под командованием Задерновского в бою на опытном поле Гош, у деревни Мар-

¹ Шафир, Поспелов, Шумилов, Мельниченко, Хабаров, Чумах, Федин, Шестапалов, Шемякин, Белин, Воробьев, Костанчук, Шелковников, два брата Семенченко, Зубок.

гаритовки, нанесли врагу крупнейшее поражение: в итоге этого боя интервенты оставили только убитыми до семисот человек, включая своего командира полковника Сузуки, да ранеными около одной тысячи человек.

...С каждым днем все шире разворачивалось партизанское движение; под руководством партии большевиков разгорелась народная война против интервентов и белогвардейцев.

Чтобы принять участие в этой всенародной борьбе, я возвратился на Амур из Западной Сибири, где временно скрывался.

Моя семья, как и прежде, жила в селе Большая Сазанка. Я направился туда. Меня не ждали — свалился как снег на голову, и радость была превеликая.

В школе, где жила и учительствовала Саша, в день моего приезда собрались мои друзья-крестьяне. Они рассказывали о росте революционных настроений в селе, о желании многих уйти в партизанские отряды, о начавшемся восстании в селе Мазаново на реке Зее. Я говорил им о борьбе рабочих, крестьян и революционного казачества Сибири и Забайкалья.

За оживленной беседой незаметно прошел вечер. Условились собраться на другой день, чтобы обсудить вопрос об оказании помощи мазановцам. Но нашлись предатели, сообщившие о моем приезде и собрании в школе.

В ту же ночь, под утро, из города Свободного в Большую Сазанку нагрянули враги. Я и Саша еще не спали, когда вокруг школы раздался японский говор, и в двери сильно застучали. Стало ясно, что школа окружена.

Обыск производили японец, унтер-офицер, видимо, начальник отряда, и белогвардеец-контрразведчик. Японец долго всматривался в найденные портреты Горького и Толстого, а контрразведчик спрятал в портфель компрометирующее меня письмо, которое Саша забыла уничтожить.

В баню, куда поместили меня, приводили одного за другим всех крестьян, бывших вечером в школе.

Стояли сорокаградусные морозы, когда нас повезли на подводах в Свободный. Японцы, закутанные с головы до ног в шубы, меха, все же мерзли. Поэтому останавливались греться в каждой попутной деревне. На одной из

остановок меня отозвал в сторону японец, тот самый, что производил обыск, и на ломаном русском языке, сопровождая речь жестами, тихо сообщил:

— Ваша не бойтца, наша колить, стрелить не будут, я японска журналист, я видел там, школа — Горький, Толстой.

Японец слово сдержал. Нас благополучно доставили в свободненский штаб и посадили в холодный сарай. Позднее стало известно, что другая группа арестованных в тот же день была расстреляна на пути в Свободный. Это был обычный способ расправы интервентов с арестованными.

Плотно прижавшись друг к другу, мы, одиннадцать человек, сидели на соломе у стенки сарая. За малейшее движение и даже шопот часовой, стоявший тут же в сарае, был прикладом.

Утром к нам пожаловал японский офицер. Ехидно улыбаясь, он достал из кармана и медленно развернул беленький сверточек. В руке сверкнул револьвер. Офицер навел его на меня:

— Бурсовикá? Пуф!.. Менсовикá? Хоросо!

Вопросы он задавал с некоторой паузой, как бы ожидая ответа. Не дождавшись ничего, с теми же словами обратился к сидевшему рядом со мной крестьянину-бедняку Гордею Дзюба, а потом обошел всех арестованных. Никто не издал ни единого звука, лишь Дзюба мне шепнул:

— Должно разыгрывает?

— Да, — вполголоса ответил я.

Часовой, видимо, услышал наш шопот, и больно ударил меня прикладом по ноге. По лицу офицера расплылась широкая улыбка; браунинг очутился в кармане, а в руке появилась баночка с леденцами. Поочередно он стал угощать арестованных леденцами, но никто до них не дотронулся. Это его разозлило. Он пнул ногой одного из арестованных, громко выругался и быстро вышел из сарая...

Три дня мы сидели в холодном сарае. Нас не кормили и не допрашивали. Мучила жажда, и мы незаметно для часового собирали на стенках снег, просочившийся снаружи.

В конце третьего дня неожиданно в сопровождении японского офицера к нам вошел русский прапорщик.

В руках он держал дымящийся чайник, кусок хлеба и пару чашек. Я его узнал, это был Педяш — офицер старой армии, работавший после демобилизации бухгалтером на железной дороге; он сочувствовал большевикам, а в колчаковскую армию попал по мобилизации (позже он дезертировал). По просьбе Саши и наших друзей ему, как офицеру, удалось войти в доверие к японцам и оказать нам неоценимую услугу.

Молча передав дорогую для нас посылку, Педяш удалился. Ушел с ним и японец. Сразу стало как-то легче; ясно было, что о нашем местопребывании знают и беспокоятся близкие. Чаепитию уже не препятствовал и часовой.

Следующей ночью нас привели в японский штаб к майору и поставили на колени. Майор скалил зубы, ухмылялся, но ни о чем не спрашивал. Не менее двух часов мы стояли на коленях, а когда от изнеможения сиделись, то часовые поднимали прикладами. Часа в четыре ночи нас вывели во двор и выстроили вдоль забора. Раздалась команда, солдаты загрели затворами. Кто-то из арестованных вполголоса сказал:

— Видно, конец.

— Не волнуйтесь, держитесь, товарищи, — негромко сказал я. Гордей Дзюба поддержал:

— Большевики поставили нас, крестьян, на правильный путь; если придется — умрем, как настоящие революционеры, не струсим.

Начальник отряда громко окликнул «цобо», что означало замолчать.

Тут же нас построили по два человека и в тесном окружении солдат, державших винтовки на изготовку, повели за город.

Стояла темная морозная ночь. Пели петухи, значит, скоро рассвет. На каждого арестованного — по два солдата, бежать трудно. Ожгла страшная мысль:

«Неужели в самом деле ведут на расстрел, в кустарник, между Свободным и Суражевкой... Но почему тогда не связали? Обычно связывают».

Дорога, по которой нас вели, была хорошо знакома. Здесь я проходил не раз, когда приезжал из Благовещенска в Свободный, чтобы навестить Сашу в Большой Сланке, повидать маленькую дочь и проведать старика отца.

В голове теснились невеселые думы. Как переживали и волновались родные в момент обыска и ареста, особенно когда обнаружилось злополучное, не уничтоженное Сашей письмо. А когда повели, отец стороной шел за мной. Я различал сквозь темноту его обычную быструю походку. Видно отец шел по пятам, наблюдая, куда поведут сына. А наутро, когда повезли, нас провожало почти все село.

Хотелось жить и жить; было много сил, желаний. Так мало еще совершено и так много надо сделать для Родины, народа...

Когда миновали кустарник, появилась надежда. Вскоре показались уличные огни Суражевки. Невольно вырвался вздох облегчения.

Нас передали в суражевскую белогвардейскую тюрьму. Невеселое было наше житье! Почти каждый вечер из коридорчика неслись душераздирающие крики: то начальник тюрьмы, бандит Серебряков, истязал арестованных. Однако до меня и моих товарищей очередь не дошла. В Амурской области на смену палаческому режиму полковника Шемелина пришла снова казачья власть атамана Гамова, решившего «поиграть в либерализм», чтобы умиротворить восставший народ. В частности, была проведена разгрузка тюрем.

За нас вступилось сельское общество, и мы оказались на свободе. Я узнал, что посещение Педяшем японского сарая организовала с помощью друзей-подпольщиков Саша. И она же добилась через сельское общество Большой Сазанки нашего освобождения.

В Благовещенске, куда я вскоре пробрался, стало известно об аресте моих друзей по читинской землемерке — Фрола Балябина, его брата Георгия Балябина, Георгия Богомякова и Ивана Кириллова.

На Забайкальском фронте Фрол Балябин в дни борьбы с бандами Семенова был помощником Сергея Лазо, а под конец, как уже говорилось, командовал Даурским фронтом. Отступая вместе с Лазо из Забайкалья, он и другие товарищи по договоренности с Лазо перешли китайскую границу в районе станицы Игнашинской на Амуре. Они надеялись потом пробраться в горные районы Забайкалья для участия в партизанской борьбе.

В городе Маго, на китайской территории, их заметили, арестовали как подозрительных и доставили в саха-

лянскую тюрьму. Об этом сообщил Фрол Балябин через записку, переданную мне русским милиционером. В записке указывалось местопребывание арестованных. Рассчитывая на продажность китайской полиции, подпольная организация большевиков решила их выкупить. С этой целью я и Валентина Петровна Сенотрусова-Сосина, жена большевика-подпольщика Николая Константиновича Сенотрусова, направились в Сахалин.

Миниатюрную, моложавую Валю легко было принять за девочку-подростка, и она не могла, как мне казалось, вызвать особых подозрений у начальника тюрьмы. Поэтому переговоры пришлось вести ей.

Молоденькую, прилично одетую женщину, полицейский чиновник принял достаточно вежливо. Хорошо владея русским языком, он спросил:

— Что-с будет угодно русской барышне?

— У меня имеются сведения, что вы задержали наших знакомых, работников «Амурского кооператора», находившихся в командировке и случайно оказавшихся на вашей территории. Это недоразумение. Я прошу их освободить, — ответила Валя.

«Амурским кооператором» назывался областной союз потребительских обществ.

С чуть заметным ехидством, но с прежней вежливостью, полицейский ответил:

— Нет, нет, кооператоров не арестовывали и не было у нас таких. Вчера ваши благовещенские власти забрали у нас четырех человек. Но они оказались большевиками, и видными. Один — забайкальский комиссар...

Взглянув испытующе на Валю, он добавил: — Я полагаю, эти большевики не имеют ничего общего с теми, которые вас, барышня, интересуют.

— Нет, это другие, — ответила Валя, едва скрывая охватившее ее волнение.

Так мы и вернулись в Благовещенск сильно обеспокоенные за жизнь своих товарищей.

Через несколько дней я снова получил записку от Фрола Балябина, уже из благовещенской тюрьмы. Он писал: «Иду на допрос. Пишу последний раз. Прощай, друг».

По приказу Семенова моих друзей увезли на бронепоезде в Читу. В пути Фрола, обладавшего большой физической силой, приковали цепью к стене вагона, видимо, опасаясь его бегства.

Фрол Балябин, его брат Георгий, Богомяков, Кириллов после пыток были казнены в макковеевском застенке палачами атамана Семенова.

Не счесть, сколько товарищей мы тогда потеряли. Мой однокашник, близкий друг по читинской землемерке Вася Бронников (командир первого Аргуньского революционного полка на Даурском фронте в 1918 году) после падения Советской власти в Забайкалье пробрался в свой родной Кубухай. Здесь он был схвачен белыми и заключен в читинскую тюрьму. После пыток его и еще шесть человек вывезли из тюрьмы и расстреляли там же, в Макковеево.

В память этих большевиков-революционеров, красных командиров, в Чите названы улицы, а по Шилке и Амуру совершает почтово-пассажирские рейсы большой пароход «Фрол Балябин»...

Обстановка совершенно не позволяла мне оставаться дальше в Благовещенске. Проводив отца в Забайкалье, я нелегально, под именем Степана Павловича Власова, — казака станицы Константиновской Амурского войска, — вместе с Сашей и дочерью направился на пароходе в низовья Амура, в город Николаевск.

Глубокой ночью, за Хабаровском, пароход был внезапно остановлен калмыковским белогвардейским отрядом. От сильного стука в дверь каюты я проснулся. Саша еще не спала и открыла дверь.

— Ваши документы? — спросил обвешенный оружием и гранатами здоровенный казак-калмыковец.

От неожиданности я растерялся: при мне было несколько запасных бланков паспортов, врученных амурскими подпольщиками. Выручила Саша. Она предъявила свой паспорт и мой документ на имя казака Власова. Калмыковец выхватил их из рук.

— Ну, кто там едет? — послышался грозный окрик офицера.

— Да, свой, станичник, ваше благородие, — успокоительно ответил казак.

Утром меня встретил на палубе парохода мой знакомый, который тоже направлялся в низовья Амура. Называя меня настоящим именем, он рассказал, как ночью калмыковцы все перерыли у него в каюте и что в случае ареста он имел в виду сослаться на меня, человека, который хорошо его знает.

Впервые я почувствовал, как опасно нелегальному встречать знакомых, могущих невольно его выдать.

В Николаевске-на-Амуре мне посоветовали выехать в приисковый рабочий район Керби. Свои люди, работавшие тогда в Усть-Амурском союзе кооперативов, — Н. Н. Матвеев-Бодрый, Ф. В. Железкин и другие — помогли мне устроиться бухгалтером Кербинского кооператива «Золотое руно».

Глава вторая

КЕРБИ

1

Шел овсянный славой героической борьбы приамурских партизан 1919 год. Я пробирался по реке Амгуни в поселок Керби, расположенный в глухой приамгуньской тайге.

Попасть туда было нелегко: для выезда из Николаевска нужно достать пропуск в колчаковской разведке. Очень смущал меня и плохо изготовленный документ на имя амурского казака Власова и внешний не казачий вид природного «чалдона» трудно принять за казака. Но убраться из Николаевска нужно было во что бы то ни стало. Задерживаться в городе нельзя: нередко на улице встречались знакомые — легко провалиться.

По местным условиям выехать из Николаевска можно только пароходом. После некоторых размышлений я все же решил направиться в контрразведку.

В комнате за столом, где выдавались пропуска, сидела молодая девушка. Рядом, наклонившись к ней, стоял усатый хорунжий. Они мило любезничали, и я своим появлением, видимо, помешал. Предъявив свой документ, и попросил дать мне разрешение для выезда из города, намеренно умалчивая, куда еду. Хорунжий, взглянув на документ, подозрительно заинтересовался:

— Вы амурский казак?

— Да.

— Куда едете?

Сказать: «Керби» — значит поставить себя в поле зрения разведки, тем более, что я направлялся туда для подпольной работы. Надо замести следы.

— В Тыр.

Тыр — нивхское название небольшого поселка-пристани на Амуре. Услышав это название, хорунжий еще более насторожился:

— Вы там живете?

Я чуть было не произнес «да», но, спохватившись, ответил:

— Нет.

— Зачем же едете?

— Командирует Усть-Амурский союз кооперативов для ревизии тамошней рыболовецкой артели, — сказал я наугад.

Телефонный звонок в союз кооператоров разоблачил бы меня. Но хорунжий был, видимо, недогадлив. К тому же его подруга выражала явное нетерпение:

— Будет вам ко всякому придираяться...

Сказав это, она решительно поставила пропускной штамп на мой документ и тем самым прекратила неприятный диалог, который неизвестно, чем бы закончился. Позже, когда этот хорунжий был пойман партизанами и расстрелян как садист-палач, я узнал, что он житель Тыра.

Вечером я снова увидел его. Он с плетью в руке, вдвоем с каким-то офицером поднимался на пароход, отходящий в Керби. Посадка становилась рискованной. «Будет проверять документы», — мелькнула мысль. Хорунжий несомненно запомнил меня. Чтобы замести следы, я тут же решил ехать амурским пароходом, отходившим на Благовещенск в тот же вечер, имея в виду сделать пересадку на амгуньскую линию, не доезжая Тыра.

Провожали меня Саша с двухлетней дочуркой на руках и друг Вадимов, прибывший в Николаевск несколько раньше. Саша оставалась в городе до моего сигнала о приезде в Керби. Вместе со мной, по рекомендации Вадимова, ехал Даниленко — рабочий из Благовещенска, который скрывался у своих родичей на рыбалке в шести-десяти километрах вверх по Амуру. К нему теперь я и направлялся с намерением пересечь там на амгуньский пароход.

На «Бароне Корфе», ходившем по амурской линии, снова промелькнула фигура хорунжего с неразлучной плетью. Но, затерявшись на палубе в толпе пассажиров, я избежал встречи с ним.

Пароход отошел. Позади мелькнули последние огоньки города, и я облегченно вздохнул.

Вскоре мы сошли на пристани Тахта и, дождавшись рассвета, переправились на нивхской лодке на левый берег Амура, а через полчаса уже были на рыбалке Даниленко.

Очередной рейс в Керби должен был совершать пароход «Муром», шел он через три дня. Наступило томительное ожидание.

Стояли жаркие августовские дни. Летний ход рыбы закончился. Осенняя путина была еще впереди, и рыбаки ждали этой страдной поры, когда неделя лова обеспечивает с лихвой годовую бюджет семьи.

Широким могучим потоком несет свои воды в океан великая река. На правом берегу расположились нивхские стойбища и небольшие поселки с нивхскими же названиями: Тахта, Кабач и другие. Левый берег — низменный, с многочисленными зелеными островками и песчаными косами. В половодье вода заливает их и потому оседлая жизнь тут почти отсутствовала.

Дальше, вглубь от левобережья Амура, на сотни километров, к отрогам Бурейского хребта, тянется заболоченная тайга — леса чередуются с обширными кочковатыми марями. Летом в этих местах не ступит человеческая нога, зато какое приволье зверю и птице! Зимой здесь — прекрасная охота, но охотников мало, район очень слабо заселен. Охотничий промысел больше развит на правобережье, в горных лесах хребта Сихотэ-Алиня, между Амуром и Татарским проливом.

Но главным богатством низовий Амура была тогда рыба. Сплошными косяками шел амурский лосось в период пугины. Кета, горбуша движутся из Охотского моря вверх по Амуру, заполняют притоки, чтобы дальше разойтись на нерест по горным речкам и каменистым ручейкам. Каких только преград не приходится пробивать лосою, чтобы, наконец, где-либо в зеркально-светлой воде выметать икру. Потом, уже весной, вылупившиеся из икринок мальки скатятся в океан с тем, чтобы кормиться там положенные годы и снова повторить путь своих родителей. А для тех уже нет возврата: отметав икру и заложив новое потомство, они неминуемо гибнут.

Многое я узнал и о коренных жителях амурского низовья — нивхах, ульчах.

Своеобразной, полудикой жизнью жили тогда нивхи. Внутри юрт и землянок грязно и смрадно, стоит нестерпимая вонь от юколы — вяленой на солнце рыбы. На лодках, а то и в берестяных оморочках мужчины, женщины, дети, невзирая на погоду, совершают свои опасные рейсы по страшному в шторм Амуру. Сплошь неграмотные, жестоко эксплуатируемые купцами, отравляемые спиртом, нивхи быстро вымирал.

Только при Советской власти они, как и все другие малые народности, узнали настоящую жизнь. Покончено с эксплуатацией, ликвидирована неграмотность, организованы колхозы. Вместо хижин появились просторные теплые дома. И те, которых при царизме не считали за людей, стали равноправными гражданами великой советской Родины. Но тогда перемены только начинали доходить до них, и я узнавал быт людей, отстававших на многие столетия.

Прошло три дня. По расчетам «Муром» должен был пройти до полуночи, но, видимо, запаздывал. Лодка держалась наготове. Наконец послышался шум колес, рассекавших воду. Рыбаки быстро вывезли меня на фарватер. Как и предполагалось, пароход шел в Керби, но никакие настойчивые просьбы не помогли. «Муром» не остановился.

И снова три мучительных долгих дня, и снова тот же результат: пароход «Амгунец» тоже не взял одинокого пассажира. А ведь у меня не терпящие отлагательства поручения. А Саша уже тревожится, не получая от меня известий.

Лишь на девятый день, возвратившись снова в Тахту, на правый берег Амура, я попал на пароход «Муром», опять шедший в Керби.

За посадкой людей с палубы парохода внимательно наблюдал молоденький белогвардейский офицерик. Меня неприятно передернуло. Сначала даже подумал: «Не выдержаться ли от поспешки, не затеряться ли в толпе, собравшейся, как обычно, к приходу парохода?» Но потом решительно взшел по трапу.

Оказалось, что офицер и с ним вооруженный солдат едут также в Керби. Сообщил об этом пассажир, откомендовавшийся служащим лесничества. Я сказал ему, что еду работать бухгалтером местного кооператива «Золотое руно», и у нас сразу же нашлась общая тема для

разговоров. В беседу вмешался офицер, успевший свести знакомство с моим собеседником.

— Еду за дезертиром, прапорщиком Сорокиным. Оказался, сукин сын, большевиком, найду и расстреляю на месте. — И, не спуская с меня глаз, как бы между прочим, он спросил: — Куда едете?

Я снова повторил о своей будущей работе и добавил, что в Тахте останавливался по поручению Усть-Амурского союза кооперативов.

Офицер, видимо, успокоился и больше на протяжении всего пути не приставал ко мне. Да и я старался держаться в стороне от его компании.

Еще засветло «Муром» вошел в Амгунь и повернул на север.

Был теплый августовский вечер. Справа и слева широко раскинулись золотистые просторы, скрываясь где-то за горизонтом. Берега пустынные, лишь в устье Амгуни расположилось небольшое нивхское стойбище. Пароход не быстро двигался вперед по извилистому руслу.

От Николаевска до Керби свыше пятисот километров, из которых четыреста — по Амгуни. Керби — конечный пункт судоходства. А дальше, до самых истоков, Амгунь почти необитаема, если не считать Каменку и Дуки — поселки по три-четыре дома — и двух-трех стойбищ негидальцев. На полпути от Николаевска до Керби расположился наиболее крупный амгуньский населенный пункт Удинский склад — до трех десятков домов. Здесь резиденция окружающих приисков.

За Удинским складом Амгунь местами сжимают горы, и течение реки становится стремительным. На перекатах вода бурлит, взлетает кверху, как в кипящем котле.

В таких местах таежная река замечательно красива, но для движения трудна. Через наиболее быстрые перекааты пароход движется «на помочах». Сначала вверх по реке заводится якорь на крепких канатах, а затем приходится подтягиваться лебедкой. Борьба с перекатами иногда продолжается часами.

Я поместился в трюме для третьего класса, до отказа наполненном мужчинами, женщинами и детьми — жителями амгуньских деревушек и рабочих приисковых поселков. Основная масса пассажиров состояла из золотискателей и рыбаков.

Отсюда и главная тема разговоров — о золотодобыче, о рыбной путине.

Нерадостные разговоры!

Амгунские прииски находились в закате своей былой славы. Время когда-то гремевшей Амгунской золотопромышленной компании, акционерами которой состояли видные царедворцы, давно прошло. Прииски забрасывались, разведка не производилась, новые россыпи не осваивались, а старые владели жалкое существование. Хозяева приисков, по преимуществу мелкие предприниматели, видимо, плохо верили в прочность колчаковского режима.

Жалобы на хозяев, на скудный заработок, на полуголодное существование, нескрываемая злоба и ненависть к белогвардейскому режиму и интервентам — такова главная тема путевых бесед, реплик и от всего сердца брошенного ругательства.

Не легкой была жизнь и крестьян немногочисленных амгунских поселений. Крупные предприниматели во главе со всемогущим николаевским рыборотровцем Люри установили в низовье Амура, ниже города Николаевска, систему рыбных ловушек-заездков, перегораживающих реку. Перекрыв ход лосося, они хищнически вылавливали идущую на нерест рыбу и имели высокие прибыли, зато у рыбаков-крестьян и нивхов вверх по Амуру и Амгуну уловы резко падали; из-за заездков кета и горбуша попадали туда лишь в малых количествах.

Жалобы и брань крестьян по адресу рыбопромышленников — владельцев заездков — перекликались с жалобами и недовольством рабочих-золотоискателей.

— Скоро ли конец белогвардейцам, и когда уйдут проклятые иностранцы? — спрашивал вполголоса мой сосед по койке, рабочий веселогорских приисков.

— Скоро, браток, скоро. Слышал: идут партизаны! — отвечал лежавший рядом рыжебородый крестьянин из деревни Красный Яр на Амгуну.

Идут партизаны! Эта тема стала одинаково излюбленной в разговорах и у горожан и у жителей золотой тайги. Всюду ощущались предвестники близкой грозы и бури, которая сметет ненавистных оккупантов и их белогвардейских прихвостней...

Владельцем пароходов «Муром» и «Амгунец» был некий Демка Генрихсен — «гроза амгунских берегов», как не без основания называли его в прибрежных поселках.

Он сам за капитана водил наш «Муром». Демка слыт беспримерным хамом и живодером. Среднего роста, толстый, лет под сорок, он беспрерывно суетился, бегая по верхней палубе, поминутно бранясь и сквернословя. Особенно он бесновался, когда пароход преодолевал трудные перекаты. В такие минуты в ход пускались даже зуботычины. И кого только не обидел Демка! Амгунь была его вотчиной. Других пароходов не было, и он являлся монополистом: «Хочу везу, хочу не везу!» Ссориться с ним было нельзя, и обитатели побережий пока обиды сносили.

Миновав устье Немелена, левого притока Амгуни, берущего начало в дебрях якутской тайги, и обогнув последний островок, «Муром» подошел к Керби. Здесь размещались земская управа и резиденция Амгунской золотопромышленной системы.

Поселок этот вытянулся в одну улицу на полтора километра вдоль левого берега Амгуни. В нем имелись почта, радиостанция, телефон для связи с приисками, школа и другие учреждения.

В сентябре 1938 года Керби прогремел на весь мир. Неподалеку от него среди глухой амгунской тайги приземлился самолет, совершивший беспосадочный перелет Москва—Дальний Восток. Машину вели три отважные летчицы: Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова. Миллионы советских людей следили с огромным волнением за розысками героического экипажа и потом за выручкой его из суровых таежных дебрей.

Славным дочерям советского народа было присвоено звание Героев Советского Союза. Поселок Керби получил имя Полины Осипенко, в честь знаменитой летчицы.

Но и в годы героической партизанской борьбы Керби стал широко известным. Здесь завершилась Николаевская эпопея — одна из самых драматических страниц в летописи борьбы русского народа на Тихом океане — борьбы за честь и независимость Родины, за Советскую власть, за социализм.

На новом месте я временно остановился у председателя кооператива Гаевого и с очередным рейсом поджидал теперь Сашу из Николаевска. Беспокоило только од-

но: как бы при посторонних неожиданно не встретиться с кем-либо из старых знакомых, из-за этого вся моя конспирация могла рухнуть.

С этой мыслью я впервые появился в конторе кооператива. Правление его уже было в сборе. Неожиданно сзади на мое плечо опустилась чья-то тяжелая рука:

— И вы тоже здесь?

Мурашки забегали по спине, а в голове промелькнуло: сейчас назовет настоящим именем. Но этого не случилось. Я медленно повернулся. Передо мной стоял высокий человек, с черной окладистой бородой, и улыбался. Я смутно припоминал, что где-то его встречал, но где — сразу не мог вспомнить.

— Не узнали? А мы встречались в Николаевске, в союзе кооперативов полмесяца назад. Я Шамколович.

Я вспомнил и сразу отлегло: значит, собеседник знает меня только как Власова.

Шамколович прибыл в Керби накануне моего приезда в сопровождении многочисленной семьи и теперь заведывал складом здесь же, в кооперативе. Позже выяснилось, что настоящая фамилия его Архипов и что он также скрывается, живет нелегально.

Вскоре на пароходе «Муром» приехала в Керби Саша. После пережитых волнений и тревог мы снова были вместе, настроение стало радостным, бодрым. Поселились мы в верхнем конце поселка, у самой реки, в отдельном домике из двух комнат. Амгунь, подмывая песчаный берег, подходила здесь почти под самый дом.

Из окон открывалась великолепная панорама. У противоположного берега зеленели острова, за которыми простиралась бескрайняя тайга.

Накануне население района пережило тревожные дни. Сюда на поиски «беглых комиссаров» прибыл белогвардейский карательный отряд из Николаевска. Хорошо, что о приезде его узнали заранее, и поэтому многие из опасавшихся расправы ушли в тайгу, но все же по наущению местных белогвардейцев каратели расстреляли на Веселой Горке двух рабочих, некоторых «подозрительных» выпоролы.

Когда каратели уехали в Николаевск, беглецы возвратились из тайги. В поселке появилась группа молодых людей — членов рыбо-лесной артели «Труд», — участников борьбы за Советы в 1917—1918 годах в Николаевске.

Одни из них тогда состояли в Красной Гвардии, другие работали в советском аппарате. Скрываясь от белогвардейцев, они подались в Керби, организовали кооперативную рыбо-лесную артель, зажили коммуной.

Среди коммунаров особенно выделялся Никифор Фидишопович Чибисов, большевик-рабочий из Иваново-Вознесенска, лет под тридцать, широкоплечий, выше среднего роста, спокойный, уравновешенный, с твердым, волевым характером. На Нижнем Амуре он служил в царской армии и по демобилизации остался в Николаевске. При Советской власти Чибисов работал в облисполкоме.

Хорошее впечатление производил и другой член коммуны — Макар Коняшин. Он был влюблен в дочь хозяйки домика, в котором поместилась контора кооператива, поэтому часто забегал к нам. С ним-то в первую очередь я и познакомился, а через него и с остальными коммунарами.

Из других коммунаров активностью выделялись Иван Васильевич Кузнецов и Петр Худяков. По возвращении из тайги Худяков поселился на Веселой Горке; работая в приисковой конторе, он тесно связался с рабочими.

Тяжело жилось рабочему люду амгуньской золотой тайги. Рабочие-поденщики и старатели ютились в землянках и бараках, скученно как в муравейнике, жестоко эксплуатировались своими хозяевами, питались кое-как. Хлеб и чумиза составляли почти единственную пищу китайского и корейского рабочего.

Лишь немногим лучше жили рабочие русские. Случалось, что иной старатель намочит за сутки два-три золотишка золота и оно пойдет хозяевам по «казенной» цене. Но зато продукты и товары из хозяйских кладовых шли по спекулятивным ценам. Кооперативная торговля, не охватывая рабочих-старателей непосредственно в тайге, лишь в малой степени смягчала хозяйскую кабалу.

Условия труда были крайне тяжелы: четырнадцатичасовой рабочий день, примитивные орудия — лопата, кайла, ручной лоток — вся «техника». Механизация, которая теперь в СССР является основой золотодобычи, в те годы была несбыточной мечтой: лишь одна-две драги применялись на земляных работах богатейшей Амгуньской компании.

Семена революции падали в золотой тайге на подготовленную почву...

Расширяя связи, я быстро свел знакомство с радистом Курьяновым. Несмотря на молодость — ему исполнилось не более тридцати лет, — Иван Александрович Курьянов успел уже стать опытным полярником-связистом.

Бессменно пять лет он проработал радистом в Анадыре — самой северной тогда полярной станции, затем два года служил на радиостанции в крепости Чырырах под Николаевском и вот уже второй год проживал в Керби.

По вечерам я теперь часто заходил к нему. Семья его жила во флигельке, около радиостанции. Мария Петровна Курьянова, по обыкновению, угощала крепким чаем, а Иван Александрович с большим увлечением рассказывал про север, попутно неодобрительно отзывался о колчаковщине и выражал явные симпатии большевикам. Среди кербинцев он пользовался уважением.

Я был несказанно рад, что в лице радиста оказался свой человек. Уже в ближайшие дни он сообщил, что местные золотопромышленники забеспокоились. Боясь появления в Керби партизан, они шлют настоячивые телеграммы в Николаевск с требованием о присылке на зимовку охранного отряда.

Навигация заканчивалась, и появления охранников можно было ожидать со дня на день. Коммунары снова подались в тайгу. Я и Саша оставались на месте, решив выждать развития событий. Вскоре Курьянов сообщил, что на зимовку в Керби пароходом «Муром» отправлен сводный японо-белогвардейский отряд.

Пароход делал последний рейс и по расчетам должен был появиться два дня тому назад, но его все еще не было. Керби тогда не имело ни телеграфной, ни телефонной связи с низовьем Амгуни, оставалось только гадать о причинах задержки. Придет или не придет пароход? Вот вопрос, который в эти дни не выходил из головы у каждого из нас, беглецов.

Настало воскресенье. Томимый той же мыслью, я пошел в лес, рассчитывая, как только послышится пароходный свисток, спуститься к пристани и проследить приезд «гостей».

Стояла жара, но здесь было прохладно. Лишь изредка лесное безмолвие нарушалось взлетом рябчиков да шорохом змеек. Тишина и прохлада действовали успокаивающе. С горки открывался чудесный вид на Амгунь,

откуда из-за острова должны были появиться каратели.

Вскоре отчетливо послышались отдаленные всплески воды и шум работающего механизма. Я с тревогой направился к пристани. Когда подошел поближе, пароход уже приставал к причалу, но это был не «Муром», а «Амгунец». На борту его военных не имелось.

С «Амгунцем» приехал хорошо мне известный инструктор Усть-Амурского союза кооперативов Василий Иванович Нечаев с женой. Брюнет, лет под тридцать, среднего роста, угрюмый, неразговорчивый, он производил тяжелое впечатление, особенно при первом знакомстве. Сам он называл себя анархистом «кропоткинцем», но в борьбе за первые Советы в Сибири шел, однако, с большевиками, был комиссаром Совдепа в Иркутской губернии, участвовал в боях с колчаковцами, отступил вместе с красногвардейскими частями на Амур и летом 1918 года оказался в Благовещенске, где и с ним познакомился. Попав на кооперативную работу, Нечаев, как истый кропоткинец, увлекается идеей «чистой кооперации», пишет статьи и выступает с речами на тему: «Кооперация — путь бескровной революции». Оратор он был неплохой, но большевики — Николай Константинович Сенотрусов, Иван Осипович Черненко и другие, работавшие тогда в Амурском союзе кооперативов, разбивали впрах нечаевскую мелкобуржуазную путаницу. Он был весьма самолюбивым, поражения злили его, и отношения у нас временами складывались прохладные.

С приходом интервентов на Амур Василий Иванович скрывался сначала в тайге, а затем бежал в Николаевск и оттуда приехал теперь в Керби. Встреча со мной, видимо, его обрадовала. Но и я был рад его приезду, так как надеялся использовать Нечаева в предстоящей борьбе.

Василий Иванович рассказал, что в пути, ниже Удинска, они встретили отправившийся назад «Муром» с отрядом японцев и белогвардейцев на борту. Пароход, шедший последним рейсом по изрядно обмелевшей реке, застрял выше Удинска на перекате и не смог пробиться вперед. Снявшись с переката, он повернул обратно. Зимовка в Керби не сулила ничего приятного командованию отряда, и оно не настаивало на продвижении вперед. Но той же, очевидно, причине охранники не воспользо-

вались и «Амгуньцем». Мелкосидящий «Амгунец» также совершал последний рейс, но ему удалось проскочить перекаты.

Все мы были несказанно рады неудаче, постигшей японцев и белогвардейцев. Малочисленная же полиция, разбросанная по приискам, особой опасности для нас не представляла...

Сентябрь был уже на исходе, но настоящие заморозки еще не наступили. Стояла теплая погода, сравнительно редкая в это время на Амгуни. Заканчивался перелет птиц. Леса и кустарники сбрасывали золотую листву. Мари стали синими от избытка голубицы. Крупная, особенно вкусная после того как ее прихватил первый заморозок, она сплошь покрывала ветки кустарника и от малейшего прикосновения сыпалась на землю. Не требовалось усилий, чтобы за несколько минут наполнить ягодой ведра. Было много брусники и грибов, а на островах — спелой черемухи и рябины.

К этому времени относится моя поездка вверх по Амгуни, в крохотное негидальское стойбище Котелок. Негидальцы — небольшая, родственная эвенкам народность, отдельные семьи которой проживают по рекам Немелену — притоку Амгуни — и Уде, впадающей в Охотское море. Легенда их гласит, что ранее они жили на берегу Чукчагирского озера, к югу от Керби. После побоища с другими племенами уцелевшие семьи покинули старое стойбище. А Чукчагирское озеро, окруженное лесами и марями, богатое рыбой, а летом и дичью, стало необитаемым. Редкий охотник забредает туда: не пускают суеверия.

По роду своей жизни охотники и рыбаки — негидальцы — появлялись в Керби летом по Амгуни на своих берестяных оморочках, часто — вместе с детьми; зимой они на собаках привозили туда рыбу, дикое мясо, пушнину.

Местные спекулянты, пользуясь невежеством, темнотой, слабостью негидальцев к вину, спаивали и обирали их. Особенно в этом «занятии» подвизался местный кербинский живодер Лукашка: хитростью он заманивал к себе охотников и, напоив их самогомом, забирал добычу.

О появлении нового бухгалтера в кербинском кооперативе негидальцы узнали сразу же. В тайге любая новость, пусть самая ничтожная, разносится с удивительной быстротой: тайга и пространство не служат ей препятствием.

Охотнику-негидальцу ничего не стоит ради новости отправиться (особенно на лыжах зимой) за десятки и сотни километров, лишь бы первому донести ее до земляков. А тут, между Керби и Котелком, и расстояние-то было небольшое.

Знакомством с жителями Котелка я обязан негидальцу Иннокентию Семенову. Человек лет двадцати восьми, единственный грамотей, он выделялся из своих сородичей и пользовался у них большим авторитетом. Его нареченной невесте Наре исполнилось десять лет, и Иннокентий был еще холост.

В первую же встречу с ним я посоветовал организовать охотничье-рыболовную артель из негидальцев, установить связь с кооперативом «Золотое руно» для сбыта своих продуктов и освободиться от лукашек и им подобных. И вот Иннокентий прибыл за мной на своей оморочке.

Собрание состоялось в юрте. На полу и на нарах сидело десятка полтора старых и молодых мужчин. Две женщины — старая — мать Иннокентия и помоложе — его сестра — отделявали вышивкой олени торбаза, видимо, готовясь к зиме; дети были удалены в другую юрту.

Посредине, в камельке, горели дрова. Дым лишь частично уходил в отверстие потолка, и потому в помещении было темно и смрадно.

Я рассказал о сущности, цели и порядке организации артели; дым разъедал глаза, и я поминутно выбегал из юрты. В эти небольшие паузы меня заменял Иннокентий: на родном языке он разъяснял сказанное мною. Негидальцы охотно согласились организовать артель.

Потом они ватагой провожали меня до Амгуни, называли хозяином, посещением были довольны и в знак признательности решили доставить меня до Керби «по-особенному».

В оморочку, куда я сел, спустилось трое молодых гребцов. Лодочка почти до краев погрузилась в воду. Поджав ноги, я замер. Началась искусная, ритмичная работа гребцов. Оморочка стрелой неслась вниз по реке. Солнце клонилось к закату, ярко озаряя своими золотистыми лучами черемуховые острова и песчаные косы. Вокруг — ничем не нарушимая, чарующая, таежная тишина.

Но вот и Керби! Невольно я пожалел, что так быстро закончилась чудесная, как в сказке, прогулка по реке. Высадив гостя на берег, негидальцы стремглав понеслись обратно.

Наступил октябрь. Амгунь как-то сразу остановилась, хотя еще вчера шла густая шуга, и пьяный негидалец Петрушка с женой и ватагой полуголых детишек совершал на оморочке заключительный рейс: из Котелка он кочевал в другое стойбище, на Немелен, — ближе к охоте, как он объяснил.

Последняя почта из Николаевска прибыла еще с «Амгуньцем». Теперь наступил перерыв связи до декабря включительно, когда установится санный путь. Лишь радист Иван Александрович неутомимо следил за эфиром, стараясь поймать всякую радостную весть.

А события назревали с грозной и неумолимой силой. Час расплаты с интервентами и белобацитами приближался. Это чувствовалось в нервных, беспокойных передачах Камчатки, Охотска, Чнырраха и особенно Хабаровска, с радиостанциями которых маленькая, затерявшаяся в глухой тайге рация Керби держала связь.

Окончание навигации означало и окончание подвоза товаров. Поэтому жители Приамгуны старались запастись в кооперативе продуктами на зиму до открытия новой навигации. Но кооператив «Золотое руно» далеко не полностью обеспечил завоз продовольствия, и частные торговцы, обычно не дремавшие в подобных случаях, подзапаслись, выжидая благоприятного момента для спекуляции.

С прекращением связи с Амуром для многих обывателей Керби наступал период безделья. Чтобы рассеять скуку, они собирались почти каждый вечер к кому-либо из друзей-соседей: пили, ели, играли до утра в «стуколку», сплетничали.

Из тайги окончательно возвратились коммунары. Я теперь ближе сошелся с ними. Это были частью твердые большевики, как Чибисов, Кузнецов, Коняшин, частью большевистски настроенные товарищи. На них можно было вполне положиться.

Среди коммунаров оказался любитель-актер Михайлов, весельчак, балагур, душа артели.

Чтобы расположить к себе население, отвести людей от самогона и картежной игры, не дать опуститься и

кое-кому из коммунаров, мы организовали драматический кружок и народные чтения. Просветительная работа велась под флагом кооперации: это была неплохая ширма от полицейского глаза.

Наша затея не понравилась местным предпринимателям и кулакам. Используя своего прихвостня — учителя Пансо, — они также создали драмкружок.

Кербинцы, многие из которых вообще не видели представлений, немало были поражены такому событию: сразу два «театра».

Михайлов с увлечением готовил первый спектакль. Для начала решили выступить с двумя пьесами: «От нее все качества» Л. Толстого и «Предложение» А. Чехова. Спектакль поставили в помещении земской управы. Кружок Пансо не отставал, и первое его выступление оказалось назначенным в тот же день и час в помещении школы. Но зрители были на стороне кооператоров. Наша постановка прошла с большим успехом: зал был переполнен, актерам много аплодировали, особенно за «Предложение».

В очередное воскресенье в той же земской управе кружок кооператоров подготовил первое народное чтение. Зрительный зал опять с трудом вместили всех желающих послушать. Для начала взяли «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева. С ним вышел Тихомиров — начальник радиостанции, — прекрасный чтец. Помню, как после первых слов чтеца зрительный зал замер в напряженной тишине. К концу рассказа в зале многие плакали, рыдания душили и чтеца. Когда рассказ был окончен, никто не поднялся с места. И герои рассказа, и чтец, и слушатели слились воедино.

Собравшиеся сюда люди хорошо помнили кровавый царский строй, многие на себе испытали его тяжелую руку, а теперь переживали еще более кровавый, палаческий режим колчаковщины.

И напряженное внимание, и слезы слушателей выражали не только сочувствие повешенным революционерам, но и протест против сегодняшних палачей-интервентов и белогвардейщины, злобу и гнев, которые прорвутся при первом же толчке.

Спектакли и народные чтения в глухом таежном поселении в период свирепой реакции явились большим событием для кербинцев. Народ с интересом отнесся к

нашим культурным мероприятиям: о них говорили повсюду. Окрыленные успехом, мы дружно готовились к очередному спектаклю. На этот раз решили показать пьесу А. П. Чехова «Медведь».

Но события вскоре пошли по другому пути.

Глава третья

ПЕРЕВОРОТ

1

Закончилась осенняя распутица, и установилась морозная амгуньская зима. На этот раз она оказалась необычайно снежной. Снега глубоко засыпали наш поселок. Вдоль тротуаров проделывались проходы — «траншеи», в которых люди скрывались почти с головой. По заснеженным просторам с трудом пробивались узкие дороги, по которым можно передвигаться только запрягая коней «гуськом». Но при встречах трудно разъехаться: кто-либо должен обязательно «проплыть» в глубоком снегу, чтобы проложить себе объезд.

После двухмесячного перерыва в Керби прибыла почта. В запоздалых белогвардейских газетах трубились о сокрушительных победах над партизанами в различных районах Дальнего Востока. Но за победными реляциями ощущалась тревога. Без особого труда можно было заключить, что у колчаковцев, атамановцев и их хозяев — интервентов — неблагополучно. Красная Армия по ту сторону Урала нанесла сокрушительное поражение войскам Колчака, и его армия катится теперь по Сибири на восток, а в районах Приморья, Хабаровска и Благовещенска возросла активность партизан.

...Первое заседание по организации подпольного большевистского революционного комитета состоялось на нашей квартире. У нас происходили репетиции очередных спектаклей, о чем знали все соседи. И то, что к Власовым часто приходят всем известные в поселке активисты (они же и актеры), казалось ни у кого не могло вызвать подозрений.

В назначенный час собрались все товарищи, с которыми была установлена надежная связь. Присутствовали

Курьянов, Чибисов, Кузнецов, Шамколович, Нечаев и другие; веселогорских рабочих представлял Худяков.

Пользуясь газетным материалом и информацией Курьянова, я кратко сообщил о развитии событий и предложил создать подпольный революционный комитет, задачей которого поставить организацию повстанческого отряда, вооруженное восстание и захват власти в районе. Сформировав сильный отряд, мы сможем двинуться в низовья Амгуни и Амура, чтобы поднять там партизанское движение.

Началось горячее обсуждение. Почти все согласилось с планом, но нашлись и сомневающиеся. Они говорили об оторванности района, советовали подождать дальнейшего развития событий в области. Особо сложным оказался вопрос о вооружении. Каратели, побывавшие здесь летом, конфисковали оружие и теперь оно оставалось главным образом у местной буржуазии, у охотников-негидальцев и, конечно, у полиции. Рассчитывая на охотников, особенно на негидальца Иннокентия Семенова и на личную дружбу с ним, вооружение повстанцев я взял на себя.

Подпольный ревком избрали закрытым голосованием в составе Курьянова, Чибисова, Шамколовича, Нечаева, Кузнецова, Шумбасова, Филина, Уткина и меня. Филин, Уткин и Шумбасов — постоянные жители Керби. Первый из них — работник связи, беспартийный, второй — Уткин — охотник, постоянно живущий со своей женой якуткой в тайге, в двадцати-тридцати километрах от Керби. Об Уткине говорили, как о человеке преданном Советской власти, честном, популярном среди охотников, особенно негидальцев. Шумбасов — местный рабочий, беспартийный большевик, славный товарищ. У него была большая семья, но он, не колеблясь, одним из первых примкнул к нам, подпольщикам.

Непосредственную организацию вооруженного восстания поручили оперативной четверке в составе: меня (председатель), Курьянова, Чибисова и Кузнецова.

Началась вербовка повстанцев. Прикрытием подпольной деятельности продолжала оставаться культурно-просветительная работа. Готовились встреча Нового года и очередной чеховский спектакль.

Встреча Нового года прошла с большим успехом, была многолюдной, самодеятельной. Выступали ораторы из

подпольщиков. Они недвусмысленно намекали на скорое наступление светлых, радостных дней. Полиция, находившаяся на Веселой Горке, никак не реагировала. Празднование еще больше сблизило людей и подняло авторитет его организаторов.

Шли дни, но организация повстанческих сил и подготовка вооруженного переворота подвигались медленно. Наши сведения о ходе вербовки повстанцев среди рабочих в приисковых районах были скудными. А главное затягивалось решение вопроса с оружием, поскольку негидалец Иннокентий Семенов — главная наша надежда — находился на охоте. Мы понимали, что медлить нельзя: санный путь установился, и в любую минуту можно ждать белогвардейских карателей. Наверняка о появлении в Керби новых людей и их активности, пусть просветительной, колчаковские «правители» Николаевская знали. Такие опасения высказывались и на первом заседании ревкома; было ясно, что откладывать нельзя — нужно форсировать восстание.

Вопрос об оружии в эти дни не выходил из головы, тем более, что создавалась благоприятная обстановка для переворота. Правление кооператива вместе с районной земской управой созывало собрание жителей Керби, чтобы обсудить условия продовольственного займа у местных золотопромышленников.

«Как было бы хорошо, — думалось нам, — воспользоваться собранием для свержения колчаковской власти».

В один из вечеров, после очередного заседания повстанческого штаба, происходившего на этот раз у Курьянова, я разговорился с Сашей о предстоящем выступлении.

— Семенова нет. Придется идти в Котелок и попытаться самому достать оружие у негидальцев.

— Скажи, что оружие нужно кооперативу для сопровождения золота с Веселой Горки. К тебе негидальцы относятся хорошо, они поверят, — подсказала Саша.

Это предложение мне понравилось. Долго в тот вечер мы говорили с женой о предстоящих событиях. Мы еще не спали, когда в квартиру влетел радостный, возбужденный Иван Александрович Курьянов.

— Ура, Степан Павлович! — едва поздоровавшись, проговорил он. — Только что перехватил передачу из

Охотска: там — Советская власть; Красная Армия взяла Иркутск; взяты Верхнеудинск и Чита!¹

Оказалось, что он, закончив свою обычную передачу в Николаевск, как всегда, перешел на вольный эфир.

Сначала радист поймал Хабаровск, затем Петропавловск-на-Камчатке: ничего нового, обычная белогвардейская брехня.

И вдруг — Охотск... Мгновенно его охватило волнение. Оттуда радировали о перевороте и восстановлении Советской власти в Охотске, о замечательных победах Красной Армии. Поспешно записав передачу, Иван Александрович бросился к нам.

Весть о том, что Советская власть неподалеку — в Охотске, — что освобождена родная Чита, — потрясла нас. Я обнял и поцеловал Ивана Александровича, затем Сашу. Дочь спала. Тихо, чтобы не разбудить ее, я снял с кровати свою шубу (в комнате было прохладно), накрыл дочь сашиним пальто и быстро оделся.

— Ты куда так поздно? — спросила жена.

— Медлить, Сашенька, нельзя. Надо обсудить обстановку. Сходим за Чибисовым и Кузнецовым и скоро вернемся, — успокаивающе ответил я.

Никифор Чибисов и Иван Кузнецов жили вместе с коммунарами в другом конце Керби. Наше позднее появление оказалось для коммунаров неожиданным. Наскоро отговорившись неотложностью кооперативных дел, вся оперативная четверка направилась к нам.

Почти до утра мы просидели за обдумыванием деталей восстания. План свелся к следующему: общее собрание граждан Керби по вопросу о хлебном займе у золотопромышленников наметить на ближайшее воскресенье; обеспечить многолюдность собрания и, главное, присутствие на нем золотопромышленников и их прихвостней с тем, чтобы тут же их обезвредить; для привлечения людей на собрание завтра же оповестить население, что после деловой части будет поставлена пьеса А. Чехова «Медведь»; прервать телефонную связь с Веселой Горкой

¹ Весть о взятии Читы и Верхнеудинска оказалась преждевременной. Борьба за Читиную область шла почти весь 1920 год, ее упорно удерживали семеновско-каппелевские банды при активной поддержке японцев. Верхнеудинск также был освобожден от белогвардейцев только в 1920 году.

и захватить там, а также во всем приисковом округе власть; обезвредить и разоружить полицию; в оставшиеся до собрания дни во что бы то ни стало достать оружие; план и дату переворота держать в строгом секрете; заседание подпольного ревкома созвать накануне выступления.

Товарищи ушли. Я прилег, но от сильного возбуждения не мог заснуть — терзала мысль об оружии: «Почему не идет Иннокентий? Дадут ли негидальцы оружие?» Решил твердо: «Завтра же после обеда пойду в Котелок».

На другой день с утра была хорошая погода, но после полудня неожиданно подул сильный ветер. Началась метель.

Посещение стойбища в этот день пришлось отложить. А к вечеру разразился небывалый снежный буран.

Всю ночь, заметая окна и двери, бушевала пурга. А утром следующего дня снова стало почти тихо. Но как все вокруг неузнаваемо изменилось. Дома утонули в снегу. Едва заметно над сугробами чернели трубы. Повсюду вокруг возвышались снежные «горы» и «утесы». Двери не открывались: их плотно прижал снег. Невозможно было идти не только в Котелок, но даже без лыж пройти по поселку, пока не закрепится снег.

Так иногда в амгуньской тайге люди становятся «пленниками» своенравной зимы.

Рано утром следующего дня, когда мы только что приготовились позавтракать, весь в снегу, с убитой дикой козой за плечами неожиданно появился Иннокентий Семенов. Приход его очень обрадовал и меня и Сашу.

— Заждались, Иннокентий Сидорович. Где пропал? — спрашивал я, крепко пожимая руку негидальцу, когда он еще отряхивал с себя снег у порога.

— Только вернулся с охоты. Мне передали, что ты, Степан Павлович, наказывал зайти, вот я и поспешил, — как бы оправдываясь, ответил Семенов.

— Откуда добыча?

Усевшись к столу, охотник рассказал, как на пути из Котелка, вблизи Ахтомовского озера, он заметил стадо коз. Животные бежать не могли — они тонули в глубоком рыхлом снегу. Иннокентий нагнал их, палкой убил одиннадцать штук и вот принес гостинец.

— Зачем заказывал прийти, Степан Павлович? — спросил Семенов после небольшой паузы.

Я давно присмотрелся к этому очень хорошему человеку, а после организации охотничьей кооперативной артели подружился с ним. Как председателя и счетовода артели обучал Семенова счетному делу. Не раз он говорил, что негидальцы только на новые порядки и надеются, иначе племя совсем вымрет.

— Нужно оружие, Иннокентий Сидорович, — отвечал я. — Ты можешь помочь: возьми его у своих охотников и доставь сюда сегодня же. Сорочичам надо объяснить, что оружие понадобилось кооперативу для сопровождения золота с Веселой Горки в Керби.

— Будет сделано, как велишь, Степан Павлович, — отозвался Семенов.

— Не откладывая, сегодня же надо доставить и как можно больше... двадцать-тридцать винтовок, бердан и всего, что будет. Только никто не должен знать, для чего оружие. Понял?

— Не беспокойся, Степан Павлович, будет сделано, — повторил негидалец и в знак согласия крепко пожал руку сперва мне, затем Саше, к которой всегда питал особое уважение за чуткость, внимательность, гостеприимство.

В тот же день вечером, но еще засветло, на улице слышался лай собак. То Иннокентий Семенов на партах вез дорогой груз: аккуратно завернутые в звериные шкуры берданы и винтовки с некоторым запасом патронов. Меня дома не было. Когда я пришел домой, оружие уже находилось под кроватью.

Был как раз канун воскресенья. В эти часы, последние перед восстанием, заседал почти в полном составе подпольный революционный комитет. С Веселой Горки от Худякова были получены хорошие вести: основное ядро там подготовлено, ждут сигнала.

Ревком одобрил план переворота, который сводился в деталях к следующему: до начала собрания оружие спрятать за кулисами, под видом бутафории; как только откроется собрание, я как предревкома возьму слово и провозглашу Советскую власть; в ту же минуту вооруженные повстанцы — «артисты» — появятся из-за кулис и займут выходы; после доклада «о текущем моменте» всех отпустить, за исключением явных контрреволюционеров.

В составе повстанческого отряда в Керби теперь насчитывалось до пятидесяти человек, не считая веселогорских рабочих, — главной боевой силы для последующей борьбы. Этих сил было достаточно для разоружения местной полиции и захвата власти.

2

Собрание, как и рассчитывали повстанцы, оказалось многолюдным. Привлекли народ не только злободневная тема — продовольствие, — но и обещанный спектакль. Присутствовали и многие контрреволюционеры — промышленники, кулаки.

Собрание открыл председатель земской управы Полетаев.

— Предлагаю избрать председателя собрания, — сказал он.

Кто-то, не из числа подпольщиков, громко выкрикнул: — Власова!

Я подумал: «Странно, как же мы не предусмотрели вопроса о председателе? — и внутренне обрадовался: — Хорошо, если выберут, это упрощает дело; в качестве председателя собрания проще осуществить задуманное».

Назвали еще одну кандидатуру — матерего кулака-белогвардейца. Но я был избран огромным большинством голосов. Полетаева выбрали секретарем собрания.

Наступила ответственная минута. Я сильно волновался, но внешне старался быть спокойным. Готовился к этому часу долго и упорно, и теперь беспокоила одна мысль — не ступешаться, не допустить заминки.

На столе лежала повестка дня:

1. О продовольственном займе;
2. Разное;
3. Художественная часть — пьеса А. Чехова «Медведь».

Я, как бы собираясь с мыслями, медленно прочитал вслух повестку и отдельно, чтобы довести до сознания каждого, сказал:

— Но, граждане, сейчас будем обсуждать не это... Иное время настало: от имени тайного, а теперь явного революционного комитета объявляю, что нет больше власти колчаковского земства, а есть власть ревкома, Советская, рабоче-крестьянская власть... Предлагаю первым вопросом поставить доклад «о текущем моменте». Что же

касается продовольствия, то этот вопрос разрешит сам ревком.

В зале от неожиданности все оцепенели. Люди не сразу поняли, во сне это или наяву, шутит или серьезно говорит Власов.

Но лишь кончил я последнюю фразу, как из-за кулис у стола президиума появились вооруженные «артисты» с красными повязками на рукавах.

Теперь все поняли, что с ними не шутят и Советская власть — живая действительность. Резко изменилось лицо главара местных белогвардейцев, верного хозяйского пса Власьева; оно стало черным. Оцепенение было недолгим: его разрядил звонкий голос подпольщика Филина:

— Да здравствует Советская власть!

И в тот же миг загремели громкие аплодисменты, а на стене появилось красное полотнище: «Да здравствует Советская власть — власть рабочих и крестьян!»

Кто-то запел «Смело, товарищи, в ногу». Песню дружно подхватили, повскакали с мест.

С большим подъемом полилась боевая, могучая песня восставшего народа, которую все хорошо знали и с любовью пели в этом таежном уголке еще в дни борьбы за Октябрь.

Только жалкая кучка мироедов, сидевших отдельной группой, не принимала участия в торжестве. Как пришибленные, пригнулись они на скамейках, хотя несколько минут назад гордились тем, что вот, мол, весь народ будет просить у них хлеб взаймы...

Когда кончили петь, я предложил перейти к очередным делам.

— Не будет возражений изменить повестку дня и первым вопросом поставить «текущий момент»? — спросил я.

— Просим, просим, — раздались дружные голоса, поддержанные аплодисментами.

— Товарищи, выход из помещения до конца собрания закрыт, — громко предупредил Иван Кузнецов, стоявший с винтовкой в руке у стола президиума.

Я приступил к докладу о текущем моменте. В зале смолкли.

Раньше я часто выступал на собраниях как большевистский агитатор, особенно в предоктябрьский период

борьбы с эсерами и меньшевиками, но в эту минуту был особенно возбужден. Говорил о том, что накопилось на душе у меня, у всех: о кровавых делах колчаковских бандитов и интервентов, о сожженном селе Ивановка, о тысячах замученных и убитых русских людей. А когда я сказал о партии большевиков и великом вожде революции Владимире Ильиче Ленине, зал горячо зааплодировал.

С радостью встретили присутствующие сообщение о взятии красными войсками Иркутска и Читы. Говорил я о самоотверженной борьбе партизан Приамурья с японцами и белогвардейцами и призывал жителей Керби от имени ревкома дружно вступать самим и послать своих сыновей в создающийся Амгуно-Кербинский партизанский отряд для борьбы за освобождение Амгуни, низовьев Амура и города Николаевска-на-Амуре.

— Соблюдайте, товарищи, революционный порядок и спокойствие; контрреволюционеры и их приспешники за свои преступления ответят перед судом революционного трибунала, — закончил я свою речь.

Выступали Иван Александрович Курьянов, Финин и другие. Финин — местный житель — пользовался авторитетом у населения. Его простая, страстная речь, призывавшая трудящихся грудью защищать Советскую власть, была выслушана с большим вниманием. Затем был оглашен состав ревкома. Строго, несколько суховаты, Нечаев зачитал приказ ревкома:

— В двадцать четыре часа сдать оружие, имеющееся у населения (это касалось местной буржуазии).

— Не выезжать из района Керби без разрешения ревкома.

— Продовольственные запасы на складах золотопромышленников конфисковать.

Таковы были первые шаги революционной власти. Еще в ходе собрания Чибисов и Кузнецов с группой вооруженных повстанцев прервали телефонную связь с Веселой Горкой, по заранее составленному списку арестовали в поселке белогвардейских прихвостней.

Расходились кербинцы возбужденные.

— Вот так показали спектакль, вот тебе и Чехов! — добродушно восклицали многие.

Лишь заведомые белогвардейцы, так внезапно попавшиеся в ловушку, сидели мрачные, растерянные, окруженные кольцом вооруженных повстанцев.

— Ну-с, господа, вы арестованы, пойдете «на отдых», — обращаясь к ним, сказал радостный и возбужденный успехами восстания внезапно появившийся Никифор Чибисов. Он был сейчас комиссаром по безопасности и председателем следственной комиссии.

— Я протестую против ареста, — бросил главарь местных белогвардейцев Власьев. Другие арестованные пытались его поддержать.

— Разберет следственная комиссия, — коротко оборвал их Чибисов и предложил идти.

Все произошло, как по нотам. Но главное было впереди: теперь нужно было немедленно провести переворот на Веселой Горке, разоружить и обезвредить находившуюся там колчаковскую полицию.

Собравшийся ревком спешно обсуждал детали этой операции.

— Тебе, Никифор Филиппович, придется возглавить поездку на Веселую Горку, — обращаясь к Чибисову, сказал я.

Чибисов, как настоящий большевик, проявил выдержку, твердость, настойчивость по обезвреживанию в эту ночь кербинских белогвардейцев. Его считали наиболее подходящим для руководства выступлением рабочих на приисках. И он охотно согласился.

Также добровольно вызвались отправиться на Веселую Горку Нечаев, молодой татарин Ильясов — храбрый, преданный товарищ, Черенев — рабочий-красногвардеец из Черемхово, живший до сих пор в Керби нелегально под фамилией Красников. Черенев проявил некоторую горячность, но его настойчивым просьбам уступили. Пятым в боевую бригаду был включен член ревкома Кузнецов, имевший, помимо хороших боевых качеств, крепкие связи среди веселогорских рабочих.

После снежного бурана дорога еще не совсем установилась и поэтому лишь на другой день, поздно вечером, бригада добралась до прииска. Опираясь на заранее подготовленное ядро передовых рабочих, она в ту же ночь разоружила на Веселой Горке полицию. Но отсутствовали два активных белогвардейца — помощник начальника полиции Бучинский и старший урядник Немчинов. Надо было их изолировать.

На прииск Гонгрэн, расположенный вблизи Веселой Горки, где, по сведениям, находился Бучинский, немед-

ленно направились Черенев и Зиновьев (рабочий-большевик, скрывавшийся на приiske) и еще двое вооруженных рабочих. В сторожевой будке на Гонгрене светился огонек. Там был Бучинский. Он и его собутыльник — десятник Крестов — сидели за столом и играли в карты. На столе стояла бутылка самогона, находилась закуска и лежал наган. Дверь оказалась не замкнутой. Один из рабочих остался у окна, снаружи, остальные повстанцы вошли. Черенев, наведя револьвер на Бучинского, крикнул:

— Именем Советской власти вы арестованы!

Несмотря на внезапность, белогвардеец не растерялся. Он мгновенно схватил со стола наган. Револьвер Черенева дал осечку, а Бучинский, успев два раза выстрелить, убил наповал Черенева и ранил Зиновьева. Вошедший с ними в комнату бывший фронтовик рабочий Михаил Воронов послал пулю в Бучинского. Раненый белогвардеец упал на пол. Думая, что враг убит, и убедившись, что Черенев мертв, Воронов повел раненого Зиновьева на улицу. Десятник Крестов, забравшийся с испуга под стол, так и оставался там до конца перестрелки.

Обеспокоенные долгим отсутствием товарищей, Чибисов вместе с Ильясовым на рассвете поспешили на Гонгрэн, где и узнали о разыгравшейся драме. Прикидывавшийся мертвым Бучинский пытался отстреливаться. Его убили при перестрелке. Одновременно был обнаружен и другой белогвардеец — Немчинов, возвращавшийся с прииска Софийского на Веселую Горку.

Вечером на митинге горняки приисков горячо приветствовали свою родную Советскую власть и требовали возмездия за погибшего Черенева. Несколько десятков рабочих — русских, китайцев, корейцев — тут же вступили в Амгуно-Кербинский партизанский отряд. Для охраны приисков была создана рабочая милиция.

3

На другой день после переворота в Керби в помещении ревкома царило большое оживление. Сюда сходились граждане поселка, принося оружие и боеприпасы для создававшегося партизанского отряда. Сдавали оружие, боясь кары, и недруги. Вечером истекал срок,

назначенный ревкомом, и они знали, что Советская власть на ветер слов не бросает. Приносили большей частью берданы, винчестеры, наганы; винтовок почти не было. Но мы испытывали большую радость, ибо видели, что враги разоружаются и что есть возможность вооружить партизан, число которых увеличилось, особенно за счет молодых добровольцев.

Ревком заседал непрерывно, сколачивая партизанский отряд. С низовьев Амгуни могли в любое время нагрянуть белые, их надо встретить во всеоружии. Но и вопросы организации власти в районе, руководства большим приисковым хозяйством, продовольственный — также не терпели отлагательства.

Нам сообщили, что работник связи Громов, слышавший за белогвардейского прихвостня, но своевременно не обезвреженный, внезапно исчез и на почтовых лошадях помчался вниз по Амгуни. Сомнений не было, что местные контрреволюционеры послали его в Николаевск предупредить о перевороте. Но как вернуть его, если нет пути, кроме одного почтового тракта — узкой дороги, проторенной в глубоком снегу, где при встрече нельзя ни проехать, ни обогнать?

Из затруднения вывел опять негидалец Иннокентий Семенов:

— Поручите мне, я догоню Громова.

— Каким же образом? — полюбопытствовал Курьянов.

— На собаках, тут прямо поеду, короткий путь знаю, опережу его.

И он показал рукой прямо на лес, через Амгунь.

— Хорошо, Иннокентий, снова ты выручаешь нас, большую услугу оказываешь Советской власти... Поезжай, друг, поезжай, да без Громова не возвращайся, — сказал Курьянов.

— Доставь живого или мертвого, — добавил я, когда Семенов уже направился к выходу.

— Сказал привезу, значит, привезу.

— А с кем поедешь?

— С братом Петрушкой.

На собачьих нартах по прямой Семенову действительно удалось опередить беглеца. Сэкономив около двадцати километров, он с братом поджидал его в пятидесяти километрах от Керби на почтовом полустанке. Прибыв-

ший вскоре Громов, увидев вооруженных негидальцев, вконец перепугался. Доставили его в Керби на следующий день.

Телефонная связь с Веселой Горкой была восстановлена. Чибисов сообщил о разоружении полиции. Но утром следующего дня пришла тяжелая весть о гибели Черенева и ранении Зиновьева.

«Да, бескровных революций не бывает, жертвы неизбежны даже и здесь, в таежном захолустьи, при полной растерянности и малочисленности врага», — думал я, когда ожидал в ревкоме жену Черенева, которая узнала о гибели мужа.

Клава Черенева пришла в ревком сильно изменившаяся, осунувшаяся от тяжелой утраты. Она старалась сдерживать себя от душивших ее слез. Я рассказал все, что успел узнать по телефону об обстоятельствах гибели ее мужа.

— Он знал, на что шел, и я это знала, когда провожала, — мужественно выговорила Клава. — Теперь не вернешь. Только не оставьте меня и сына.

Через два дня Черенева хоронили в Керби, на площади, вблизи школы. Похороны превратились в демонстрацию трудящихся Керби.

Любовно оберегают сейчас труженики Амгуни могилу красногвардейца Черенева — верного сына партии и Родины, отдавшего жизнь свою за свободу и счастье народа, за родную Советскую власть...

С подъемом проходила организация партизанского отряда. Готовилось снаряжение, проводилось военное обучение молодых партизан под руководством бывшего старшего унтер-офицера, участника мировой войны Петрова. Отряд уже собирался в ближайшие дни двинуться из Керби в район Удинских приисков, как охотники-негидальцы сообщили, что из-под Хабаровска под командой «полковника» Тряпицына на Николаевск движутся большие отряды партизан. Ревком решил ускорить выступление амгуньцев, чтобы соединиться с приамурцами. Накануне выхода неожиданно в Керби появился крупный партизанский отряд коммуниста Будрина, посланного с Амурского партизанским командованием с заданием установить на Амгуни Советскую власть и мобилизовать силы для решающей битвы с белогвардейцами, засевшими в Николаевске.

ИДУТ ПАРТИЗАНЫ

Кумачом цвели знамена,
Из тайги на вражий стан
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

1

В Приамурье и его центре — Хабаровске — борьба с интервентами и белогвардейцами возобновилась сразу же после падения Советской власти и перехода в подполье уцелевших советских и партийных работников.

4 сентября 1918 года пал Хабаровск, а 11 сентября на нелегальном собрании большевиков был уже избран подпольный комитет под председательством рабочего Хабаровского арсенала, талантливого партийного организатора Д. И. Бойко (Бойко-Павлов).

Хабаровская подпольная организация, расширяя свои связи с рабочими и крестьянами, одновременно вела большую работу среди калмыковских частей, готова вооруженное восстание с целью уничтожения контрреволюционного офицерского состава и увода революционно настроенных солдат с их вооружением в область для усиления партизанского движения в Приамурье.

Восстание началось в ночь на 28 января 1919 года. Но в городе находились сильные американские и японские части, вмешательство которых позволило белогвардейцам удержаться. Восставшим не удалось уничтожить самого Калмыкова и его верных псов: Калмыков ускользнул со своими телохранителями. Были убиты главный военный руководитель гарнизона калмыковец полковник Бирюков и несколько офицеров; белогвардейцы понесли тяжелый урон. Однако артиллерийским и пулеметным огнем интервенты отрезали восставшим пути отступления из города, не всем повстанцам удалось вырваться из вражеского кольца, часть их была брошена американцами в концентрационный лагерь.

Стотысячная награда предназначалась тем, кто выдаст руководителей восстания. Предателей не оказалось. Восстание показало непрочность белогвардейского режима, дало новый толчок партизанскому движению.

Несмотря на жесточайший террор и преследования, в марте 1919 года в деревне Соколовке собрался съезд трудящихся Приамурья, избравший революционный штаб партизанских отрядов.

По призыву съезда трудящихся и военно-революционного штаба, возглавлявшегося коммунистом Бойко-Павловым, отовсюду — из приисковой тайги, деревень, поселков и городов — стекались партизаны группами и в одиночку, объединялись в мелкие и крупные отряды и наносили чувствительные удары по врагу. В 1919 году в Приамурье выросла грозная партизанская армия, сметавшая вражеские силы, вставшие на пути к свободной, счастливой жизни трудящихся.

В трескучие морозы и летний зной, по глубокому снегу и через топкие мари, сквозь тайгу и буреломы, зачастую голодные, плохо одетые и слабо вооруженные, шли партизаны и прокладывали путь к победе. Это были рабочие из Хабаровска, горняки с угольных копей и золотых приисков; крестьяне — бедняки и середняки — русские, нанайцы, нивхи, китайцы, корейцы и другие. Много в партизанской армии оказалось бывших красногвардейцев и красноармейцев, бежавших из колчаковского плена в Сибири или завезенных в «вагонах смерти» на Дальний Восток. Организаторами и руководителями партизанских отрядов были подпольщики-большевики, рассыпавшиеся после оккупации края по таежным приискам и селам.

Тактика партизан отличалась маневренностью. На основе опыта первых боев, с целью достижения большей гибкости и неуловимости, крупные партизанские отряды делились на мелкие. От прямых лобовых атак партизаны по мере возможности уклонялись, они прибегали к обходным движениям, неожиданным нападениям на железнодорожные и водные пути сообщения, станции и пристани, склады, базы, воинские эшелоны, воинские обозы.

Исключительно сложной проблемой являлся для командиров отрядов вопрос о вооружении. Часть оружия поступала от населения, в первую очередь охотников, по-

полнявших ряды партизан. Но чаще всего оружие добывалось у врага в боевых схватках и внезапных нападениях. Организованные в пунктах, не доступных для противника, мелкие мастерские по починке оружия являлись важным подспорьем в вооружении партизанской армии. Пулеметы и пушки добывались обычно в результате разгрома противника и захвата его баз. Понятно, что это составляло трудную задачу, и поэтому пулеметы и пушки являлись редкостью: они имелись лишь у крупных отрядов.

Продовольственное снабжение вызывало меньше трудностей. Крестьяне — бедняки и середняки, — активно участвуя в борьбе с интервентами и белогвардейцами, всюду сами шли навстречу, добровольно и бесплатно предоставляя отрядам необходимое продовольствие. Насильственные реквизиции применялись лишь в самых исключительных случаях — в зажиточных селах к кулакам.

Уже в первые месяцы организованной борьбы партизаны Приамурья в ряде боевых схваток с объединенными силами интервентов и калмыковских банд добились больших успехов.

Против партизан неоднократно посылались крупные японо-калмыковские карательные экспедиции. Однако движение народных мстителей не только не ослабевало, но разгоралось все сильнее. Огромного размаха достигла диверсионная подрывная борьба по линии железной дороги и водному пути с целью парализовать продвижение японских и американских войск из Владивостока в Восточную Сибирь.

Расширяющийся враг усиливает репрессии, стремясь прежде всего разгромить руководящую движением большевистскую организацию. Частично это ему удается: в октябре 1919 года с помощью предателей калмыковской разведке удалось арестовать и уничтожить руководство хабаровской подпольной организации большевиков. Однако и эта тяжелая потеря не остановила роста партизанского движения в Приамурье.

2 ноября 1919 года в деревне Анастасьевке (неподалеку от Хабаровска) созывается вторая областная объединенная партийная и партизанская конференция, сыгравшая важную роль в борьбе с интервенцией и положившая начало партизанскому движению в низовьях Амура.

На конференцию съехались представители хабаровской подпольной организации большевиков, командиры партизанских отрядов, члены ревштаба. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся в Анастасьевке, стал вопрос об освобождении Николаевска — очень важного опорного пункта интервентов.

Общее руководство партизанскими отрядами, на которые возлагалась эта задача, было поручено члену ревштаба коммунисту М. Б. Попко (сельский учитель); помощником его назначался командир одного из партизанских отрядов Яков Тряпицын.

Тряпицын родился в деревне Савастейки Муромского уезда Владимирской губернии в семье кустаря-кожевника, имевшего собственную мастерскую. Рослый, с огромной шевелюрой, с пронзительными серыми глазами, он внешне производил впечатление человека лет двадцати семи-двадцати восьми, хотя на самом деле был моложе. С 1916 года пошел добровольцем в лейб-гвардейский полк. Вернувшись из армии домой и не поладив с отцом, Тряпицын направился в Сибирь и в начале 1919 года попал во Владивосток, где работал грузчиком. В том же году вместе с группой грузчиков ушел в сопки на Сучан, к партизанам. Когда мелкие партизанские отряды были объединены под единым руководством ревштаба во главе с главкомом приморских партизан Сергеем Лазо, самостоятельный Тряпицын не захотел подчиниться и ушел под Хабаровск, где и был зачислен в партизанский отряд Вольного. Отличившись в ряде схваток с интервентами и калмыковцами, Тряпицын выдвигается командиром небольшого отряда и попадает на партизанскую конференцию. Причислял себя он к анархистам.

...Природа Нижнего Амура отличается своей суровостью и дикостью. Водоразделом между рекой и Татарским проливом служит покрытый сплошь лесами хребет Сихотэ-Алинь. Амур в нижнем течении богат протоками и озерами, по которым разрабатывались золотоносные россыпи.

В административном отношении низовья Амура входили в Сахалинскую область. Безлюдным в ту пору был этот край! Деревни располагались лишь по берегам Амура, на расстоянии двадцать пять-тридцать километров одна от другой, с населением по сорок-пятьдесят дворов. Самым крупным населенным пунктом низовий был город

Николаевск, стоящий на левом берегу Амура. Насчитывал он в то время пятнадцать-двадцать тысяч жителей, в его порт заходили морские суда из Владивостока, Сахалина, с Охотского побережья и Камчатки.

Рыба, золото, лес, пушнина — вот главные источники богатства края, но использовались они в то время слабо.

Население Нижнего Амура состояло тогда из русских крестьян-рыбаков, с заметной прослойкой кулачества; небольшого количества нанайцев, ульчей, негидальцев и нивхов — рыбаков и охотников, по преимуществу бедноты, эксплуатируемой различными спекулянтами; рабочих приисков, рыбалок, речного и морского флота. Большое число жителей в самом Николаевске составляли мещане, летом занятые также на рыбалках. И, наконец, имелась кучка богатеев — рыбопромышленников, торговцев и золотопромышленников во главе со всемогущим Люри — крупным местным кровососом. К этому нужно дополнить разного рода спекулянтов-хищников, спиртоносов, шнырявших по приискам, стойбищам и деревням, обиравших за спирт и водку охотников и рыбаков.

Частично осели в низовьях и уголовные элементы бывшей «сахалы» — ликвидированной сахалинской каторги.

Таков социальный фон, на котором развертывалось партизанское движение.

Низовья Амура издавна привлекали иностранных хищников своими богатствами. Японские капиталисты окопались здесь в качестве арендаторов рыбалок и торговцев. В самом Николаевске свил осиное гнездо миллионер, промышленник и спекулянт, японец Симада, по прозвищу «Петр Николаевич». Его поместье раскинулось на целый квартал. Чувствовал себя Симада в годы интервенции «царьком», он даже выпускал в 1919 году бумажные «деньги» со своим портретом, над которым было напечатано: магазин Петра Пиколаевича (вместо «Николаевича») Симада. За эти «деньги» отпускались в его магазине товары.

Немало осело на Амуре иностранных шпионов, орудовавших под видом владельцев прачечных, парикмахеров, фотографов, часовщиков.

В годы иностранной военной интервенции японские

капиталисты, действовавшие то открыто, то через подставных русских промышленников, самым хищническим способом эксплуатировали, а вернее, истребляли рыбные богатства Нижнего Амура, обрекая рыбацкое население целого края на обнищание. Это усиливало ненависть трудящихся к интервентам и к колчаковскому режиму. Оккупантов ненавидели еще и потому, что хорошо знали о зверском истреблении ими русского населения, не успевшего эвакуироваться с Южного Сахалина во время русско-японской войны 1904—1905 годов.

Если японские капиталисты проявляли особый интерес к рыбным богатствам Нижнего Амура, то американские капиталисты захватили крепкие позиции в золотом деле. Лучшие Орские золотые прииски, расположенные в районе озера Чля, между Амуром и Охотским морем, принадлежали американской акционерной компании и управлялись ее представителем Джорджем Дайером.

Были на Нижнем Амуре также и англичане. Один из них — промышленник Джон Фрид — занимал пост главного управляющего одного из самых крупных рыболовных предприятий в районе Николаевска.

И американские и японские интервенты придавали большое стратегическое значение низовьям Амура, Северному Сахалину и Охотскому побережью. Здесь они рассчитывали плотнее закрыть для Советской России выходы к Тихому океану и одновременно использовать амурскую речную артерию для захвата советского Приморья и Приамурья, включая города Владивосток и Хабаровск.

Появление партизан в низовье Амура всполошило интервентов и сразу же всколыхнуло крестьянство, рыбаков и рабочих-золотоискателей. Труженики области дружно поднимались на борьбу за изгнание иностранных захватчиков с родной советской земли и за уничтожение их подлых прислужников, предателей Родины — белогвардейцев.

Наступательный порыв партизан не могли остановить ни стужа, ни бездорожье, ни суровые таежные условия, ни отчаянное сопротивление колчаковцев. И здесь, как и в других партизанских отрядах, среди командиров оказалось немало боевых, замечательных большевиков, преданных Коммунистической партии товарищей, таких, как Будрин, Мизин и другие. Коммунисты боролись за внед-

рение дисциплины среди партизан, поднимали боевой дух, давали правильную политическую ориентировку движению. В этом отношении немалую роль сыграл бывший штабс-капитан, умный и волевой, начальник штаба двигавшихся к Николаевску партизан коммунист Тихон Борисович Наумов.

2

Ревштаб 4-го боевого района (так называлось Николаевское направление) обосновался сначала в селе Средне-Тамбовке, ниже Хабаровска, а затем, по мере движения вниз по Амуру, переехал в село Нижне-Тамбовское, здесь же был развернут тыловой госпиталь. Руководство отрядом в это время перешло в руки Тряпицына. Он сумел проявить себя под Киселевкой, поселком, где настроенные контрреволюционно казаки намеревались оказать вооруженное сопротивление красным.

Вблизи поселка уже оперировал так называемый морской партизанский отряд коммуниста Мизина. «Морским» он был прозван за отважную и удачную борьбу с речными карательными флотилиями белых в период навигации 1919 года.

Небольшая часть этого отряда под командованием Оцевилли-Павлуцкого подошла к Киселевке, намереваясь самостоятельно отвоевать ее у казаков.

Тряпицын прибыл в отряд Оцевилли-Павлуцкого один с предложением — подчиниться ему, как командующему фронтом. Его арестовали дозорные и доставили на собрание партизан и крестьян, где обсуждался «текущий момент».

— Кто является старшим отряда? — спросил Тряпицын, доставая свои документы и намереваясь их предъявить.

Оцевилли отозвался. Тряпицын рассказал о решении Анастасьевской конференции, о провале хабаровской подпольной организации, о плане движения на Николаевск и потребовал подчинения ему, как командующему этим направлением, указав, что отряд Мизина уже находится в его подчинении.

Кто-то из числа присутствовавших партизан спросил: — А не переодетый ли это агент белых? Может, доку-

менты у него подложные — раз хабаровская организация раскрыта.

— Почему бросил партизан и приехал один? Почему не взял кого-либо из знающих нас по отряду Мизина, если последний, говоришь, тебе подчинился? — слышались голоса.

Партизаны решили до выяснения вопроса оставить Тряпицына под арестом. На другой день, когда было получено подтверждение из Нижне-Тамбовского от ревштаба, Оцевилли подчинился Тряпицыну.

Оцевилли-Павлуцкий, горняк из района станции Могочи Амурской железной дороги, с этого момента стал близким человеком Тряпицына.

Во избежание потерь командование партизан решило склонить казаков Киселевки отказаться от сопротивления и разоружиться.

Группа бойцов, переодетая с целью маскировки в казачью форму, выехала в деревню Зеленый Бор и остановилась у местного кулака Максима Татаринцева. Обрадованный приходом «своих», вместо ожидавшихся красных, он стал рассказывать, кто из односельчан большевик, кто белый.

Один из «казаков» решил поухаживать за молоденькой дочкой Татаринцева. Разгоряченная любезностями бравого кавалера, она разболталась:

— А мы для угощения партизан, когда они к нам пожалуют, приготовили пятьсот штук пельменей.

— Ишь ты, а нас пельменями не хотите угощать!

— Нельзя.

— Почему нельзя?

И шопотом, чтобы никто не слышал, она поведала:

— Пельмени со стрихнином...

Чтобы спасти свою шкуру, Татаринцеву, скрепя сердце, пришлось раскрыть и передать в руки партизан тайный склад оружия, патронов и стрихнина.

Тем временем в деревне поджидался другой крупный кулак — Микрюков, — житель Зеленого Бора, посланный партизанами в Киселевку с поручением склонить казаков сдаться без сопротивления.

Члены семьи кулака оставались на это время заложниками. Микрюков у белых слыл за своего человека и его посылка считалась наиболее целесообразной. Но он вернулся ни с чем: казаки решили не сдаваться.

Тогда партизаны двинулись на Киселевку и у самого поселка рассыпались цепью. Командир отряда Тряпицын решил, что он сумеет справиться с несговорчивыми казаками лично. Он один поехал в Киселевку и, встретив там на улице вооруженных людей, заявил им:

— Я командир партизан, сопротивление излишне, предлагаю сложить оружие, безопасность гарантирую, на размышление даю 30 минут.

Казаки обещали подумать. Но вскоре выяснилось, что большая часть из них бежала к белым, отряд которых под командованием поручика Цуканова расположился на почтовом полустанке Пульса, ниже Киселевки. Послала погоню. Часть бежавших казаков была настигнута партизанским кавалерийским отрядом и уничтожена. Но бой с белыми вблизи поселка Пульса прошел неудачно для партизан: попав в засаду и потеряв несколько человек убитыми и ранеными, они отступили обратно к селу Циммермановка, где теперь находились основные партизанские силы. Сюда стягивались подкрепления.

Передав командование другому, сам Тряпицын с семьей партизанами двинулся через Киселевку в горные приисковые районы в обход белых, с целью пополнить партизанские отряды рабочими-горняками и выйти снова к Амуру где-либо у села Богородского, значительно ниже Циммермановки.

Вслед за уходом Тряпицына, воспользовавшись сильной снежной бурей, на рассвете белые под командованием поручика Токарева повели наступление на Циммермановку. Они охватили село с трех сторон. Но партизаны ждали этого наступления и, хорошо подготовившись, встретили белогвардейцев дружным ружейным огнем. Главный огонь партизан сосредоточивался по вражеским пулеметам, укрывавшимся на опушке леса справа от села. От метких выстрелов партизан белые несли большие потери, а их пулеметные расчеты оказались выбитыми. Сам Токарев, раненный в ногу, первый удрал с поля боя; вслед за командиром побежали и остальные. Из девяноста человек белых, участвовавших в наступлении, лишь двадцати трем удалось спастись. Партизаны потеряли троих убитыми и троих ранеными. В отряде погибло до тридцати лошадей.

Фронт красных продвинулся на сорок пять километров ниже по Амуру и теперь находился в пятнадцати ки-

лометрах от села Софийска, где сосредоточивались главные силы под командованием полковника Вица. Партизанский штаб решил не форсировать наступления, ожидая результатов похода Тряпицына.

Закончился удачей и этот обходной рейд. В приисковых районах горстка партизан пополнилась значительной группой рабочих и, пройдя более двухсот километров через тайгу по глубокому снегу, снова вышла на Амур. Молодой партизанский отряд занял село Богородское. Здесь в него вступило много местных крестьян. Таким образом, у Богородского скопились крупные партизанские силы, отрезавшие белый заслон полковника Вица от Николаевска. Партизанам удалось взять белогвардейский обоз, шедший из Николаевска с рождественскими подарками и с письмами для офицеров и солдат отряда Вица.

Из Богородского в направлении к Николаевску был послан отряд лыжников, чтобы перехватить белое подкрепление, направленное на помощь Вицу. Продвинувшись на сто километров ниже Богородского и заняв деревню Денисовку, лыжники вышли на подступы к городу. На пути в Денисовку отряд одержал блестящую победу: подкрепление для полковника Вица попало под деревней Михелевой в засаду и частью было уничтожено, частью захвачено в плен. Обрато в Николаевск удалось ускользнуть лишь немногим.

Располагая силами, более крупными, чем у полковника Вица, Тряпицын предложил командиру белогвардейцев устроить встречу.

После недолгого раздумья Виц согласился на переговоры в селе Мариинске, где находился его штаб. Белые были совершенно растеряны. Они никак не ожидали такого глубокого обходного маневра красных. Со стороны Циммермановки Софийску угрожали партизанские части. Такая же угроза нависла и со стороны партизан Амурского понизовья. Пока красные не переходили в наступление, но оно могло начаться в любую минуту.

Посоветовавшись со своим окружением, Виц отдал приказ об отходе своего отряда из Софийска вниз, в село Мариинск.

Для встречи с полковником Вицем Тряпицын опять решил выехать сам. При этом он и слышать не хотел, чтобы кто-нибудь другой, а не он, Тряпицын, вел пере-

говоры. Уже тогда стало ощущаться, что личная слава у него стоит на первом плане.

Выехал Тряпицын в стан белых в сопровождении одного только возчика-крестьянина. К вечеру он прибыл в Мариинск.

— Кто идет? — окликнул часовой при въезде в село.

— Командующий партизанской армией.

Часовой сначала растерялся, но, оправившись от неожиданности, спросил:

— К кому и зачем?

— К полковнику Вицу, для переговоров.

Тряпицына пропустили. Вскоре на почтовый станок, где он остановился, пришли два офицера и пригласили его в штаб белых, находившийся в доме кулака Кетова.

Появление Тряпицына в штабе, где, кроме Вица, находилось более десятка офицеров, произвело сильное впечатление. Полковник Виц предложил Тряпицыну положить на стол свой револьвер.

Кладя оружие, Тряпицын потребовал того же от Вица. Последний согласился, молча вынул из кобуры браунинг и положил на стол рядом.

Наступила минутная пауза. Ее прервал Тряпицын:

— Ваше сопротивление бесполезно, вы обойдены кругом и от Николаевска отрезаны... Предлагаю сдаться. При добровольной сдаче будет гарантирована жизнь всем, кто не запятнал себя порками и расстрелами трудящихся.

— Признаться, мы не ожидали такого глубокого обхода, — сказал Виц, — что же касается вашего предложения, — ответ дам через час.

Белогвардейцы, за исключением одного офицера, удалились вместе с полковником на совещание в соседнюю комнату.

Ответ Вица был коротким:

— Сдаться не можем.

За закуской и чашкой чая офицеры немало удивлялись бесстрашию красного командира.

— Как вы не побоялись ехать к нам, ведь мы же можем вас расстрелять? — спрашивал его небезызвестный циммермановский «герой» — поручик Токарев.

— Допустим, но и в этом случае вам все равно не избежать поражения и суровой кары, — отвечал Тряпи-

цын. Тут же он передал офицерам письма от родных из Николаевска и папиросы, которые, как сказано выше, вместе с письмами были захвачены партизанами в селе Богородском.

Поужинав с белогвардейцами и получив свой револьвер, Тряпицын той же ночью выехал обратно в Богородское.

Весть о переговорах мгновенно облетела отряд белых и усилила разложение среди солдат. Этому также способствовали письма: белогвардейцы, попавшие в плен к партизанам, сообщили, что с ними хорошо обращаются и что слухи о расстрелах пленных ни на чем не основаны.

Солдаты из отряда Вица стали массами перебегать на сторону партизан. Тогда белогвардейский полковник отдал приказ своему отряду отступить на восток, на побережье Татарского пролива, к заливу Де-Кастри. Однако последовала за ним лишь небольшая часть отряда в сорок-пятьдесят человек вместе с офицерской верхушкой. Большая часть оставшихся солдат ждала теперь прихода красных в Мариинск, чтобы включиться в их ряды.

Вступление партизан в Мариинск, снизу от Богородского и сверху от Софийска, произошло почти одновременно. Более ста солдат, а также казаки поселка Киселевки, расстреляв своего атамана и еще несколько матерых кулаков-контрреволюционеров, присоединились к партизанам.

За белыми, отступившими в Де-Кастри, была послана лыжная погоня.

На побережье отряд Вица забаррикадировался в каменном доме маяка Де-Кастри и ждал выручки от японцев из Николаевска. Но помощь не приходила. Чтобы не нести лишних жертв, партизаны не спешили начинать приступ; маяк был плотно окружен, и неминуемый голод должен был вынудить белых к сдаче. Так и случилось. Через несколько дней белогвардейцы начали делать вылазки с надеждой пробиться к Николаевску, но все до одного попадали в руки партизан.

Вскоре отступившие в Де-Кастри белые были полностью уничтожены. Подковник Виц застрелился, завещая передать свой револьвер Тряпицыну, а себя похоронить на том месте, где будет найден труп, по морскому обычаю — на тюфяке вместо гроба.

НИКОЛАЕВСК ОСВОБОЖДЕН

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Партизанские отряды
Занимали города.

I

Николаевск-на-Амуре японские интервенты оккупировали в сентябре 1918 года, вскоре после захвата Хабаровска. В городе и районе все время шла глухая, но ожесточенная борьба трудящихся против ненавистного белогвардейско-интервентского режима. Устраивались диверсии, возникали забастовки, действовали большевистские подпольные группы. Население Нижнего Амура страстно ждало своего освобождения от иноземного ига.

Но вот, наконец, в самом начале 1920 года на подступах к Николаевску появились авангардные части партизанской освободительной армии. Первое столкновение наступавших партизан с японцами произошло 14 января 1920 года у деревни Касьяновки. В этот день небольшой японский отряд из тридцати солдат попал в окружение и был полностью уничтожен партизанами-лыжниками. Те же лыжники, охватив полукольцом Квакинскую бухту, взяли в плен нескольких японцев и среди них белогвардейского офицера Смоленского с секретными документами.

Вскоре в тылу японцев появился другой отряд партизан. Интервенты, опасаясь полного окружения, под сильным ружейным огнем отступили в Николаевск, оставив партизанам в качестве трофеев несколько подвод с оружием, одно трехдюймовое орудие и около двухсот лошадей.

После этих столкновений японские части и остатки белогвардейцев сосредоточились в самом городе и в крепости Чныррах, находившейся от него в двенадцати километрах.

Сразу же, как только подошли главные партизанские силы, началась подготовка к окружению и штурму Николаевска и Чнырраха. Но, учитывая большую усталость

людей, прошедших с боями около тысячи километров от Хабаровска до Николаевска, решено было предоставить отрядам двухдневный отдых. Партизанский штаб в этот момент размещался в кабельном домике. Первый полк под командованием Коцубы занимал деревню Личи и охватывал Николаевск с левой стороны в направлении крепости Чныррах; второй полк под командованием Шери расположился на правом берегу Амура от деревни Касьяновки и до рыбалки № 5.

С отдыхом, однако, ничего не получилось. В первое же утро из города донеслась сильная ружейная стрельба. Решив, что это выступили рабочие, командование партизан отдало приказ о наступлении. Но вскоре стрельба затихла, а передовые цепи партизан, приблизившиеся к городу, нарвались на сильный ружейный, пулеметный, а затем и артиллерийский огонь. Пришлось отойти на исходные позиции, потому что наступать без предварительной подготовки было бессмысленно. Позже выяснилось, что никакого восстания в городе не было, а это белогвардейцы, с ведома командующего гарнизоном интервентов майора Исикава расстреливали содержащихся в местной тюрьме советских и партийных работников. Погибли тогда товарищи Жердев, Куров, Слепов и другие — всего семнадцать человек.

Прежде чем начать наступление, командование партизан решило предложить интервентам сдать город без боя. В качестве парламентаря добровольно вызвался поехать партизан И. В. Орлов (Овчаренко), бывший командир одного из приморских партизанских отрядов.

Вместе с японцем-переводчиком, захваченным в плен в Квакинской бухте, и возчиком крестьянином Сорокиным из деревни Касьяновки Орлов выехал в Николаевск, имея на руках адресованное японскому командованию письменное предложение штаба партизан начать мирные переговоры. В письме сообщалось, что в полукилометре от города партизаны установят в снегу белый флаг, куда к двенадцати часам дня должны прибыть вместе с Орловым представители японского командования для переговоров.

К двенадцати часам к условному знаку выехали уполномоченные партизанского штаба. Они были без оружия, лишь с биноклями, сопровождал их следовавший

сзади в полукилометре один единственный вооруженный кавалерист.

Часы показывали уже половину первого, но ни японских представителей, ни Орлова не было видно. Возникла сильная тревога за партизанского парламентаря. Тут же, расположившись на снегу, уполномоченные штаба написали отношение к японо-белогвардейскому командованию Николаевска:

«Ввиду того, что мы считаем, что срок от 6 до 12 часов, данный русско-японскому командованию для решения вопроса о заключении перемирия недостаточен, мы просим сообщить нам через парламентаря Орлова результаты своего решения по вопросам, затронутым в отношении Красного штаба».

Но передать записку пока не представлялось возможности. Около часа дня представители партизан заметили, что из города приближаются двое саней с верховым конвоем. Сначала решили, что возвращается Орлов с японским парламентарем. Когда сани подъехали почти вплотную к белому флажку, оказалось, что это не Орлов, а японские солдаты, которые быстро вскочили и начали заряжать винтовки. Убедившись, что провокация эта не действует, к представителям красного командования подошла группа японских военных. Среди них оказался офицер.

Уполномоченные штаба партизан предъявили свои мандаты на право ведения переговоров и заключения перемирия и потребовали от японского офицера показать его документы. Но тот увильнул от прямого ответа и, обращаясь к Покровскому-Черному, возглавлявшему делегацию, спросил через переводчика:

— Вы, краснó офицерá, зачем пожаловали?

Покровский, не отвечая на вопрос, строго спросил:

— Где наш парламентар Орлов?

Переговорив между собой, японцы заявили через переводчика:

— Орлов? Не знай никакого Орлова. В японском штабе не был Орлов.

Из последующих разговоров выяснилось, что японцы прибыли якобы с разведывательной целью, так как заметили у маяка людей. Но не трудно было понять, что они чего-то не договаривают, что-то ждут. Судьба Орлова теперь беспокоила еще больше.

Обращаясь к японскому офицеру, Покровский разъяснил:

— Делегация красных прибыла для переговоров. Штабом послан в город парламентар Орлов, чтобы предупредить об этом.

— Мне ничто неизвестно об Орлове, — снова повторил японский офицер и добавил: — Полномочий вести переговоры не имею.

Заметив партизанского вооруженного кавалериста, офицер с притворной вежливостью раскланялся и вместе с переводчиком и остальными военными удалился к своим саням.

Делегация вернулась в штаб ни с чем.

К вечеру того же дня интервенты зажгли рыбалки возле города. Орлов так и не вернулся. По всему было видно, что враги в переговоры вступать не желают. Тогда началась непосредственная подготовка к штурму крепости Чныррах и города.

Силы партизан непрерывно накапливались. К шести тысячам, что окружили город и крепость, ежедневно прибывали новые десятки и сотни крестьян-рыбаков из амурских и амгуньских деревень, с острова Сахалина.

В эти же дни произошло самостоятельное отделение нижнеамурских партизанских отрядов от Приамурского военно-революционного штаба и образование штаба Николаевского округа.

«Дисциплинированный» на Анастасьевской конференции Тряпицын, по мере удаления от Хабаровска, все менее считался с военно-политическим большевистским руководством Приамурья. Он и его приверженцы не умели и не желали понять, что подъем партизанского движения на Нижнем Амуре был вызван гневом и ненавистью населения против иноземных интервентов и кровавой белогвардейщины, а не его личной доблестью. Он и его приверженцы не желали считаться с тем, что на разгром врагов в крае в 1919 году подняли трудящиеся находившиеся в подполье большевики, партийные и непартийные, а не случайные элементы, каким в сущности был сам Тряпицын. Он и его приверженцы не желали видеть, что успехи в борьбе с колчаковщиной на Дальнем Востоке были предопределены тем, что армия Колчака в апреле 1919 года потерпела серьезное поражение, а к концу 1919 года была окончательно разгромлена Красной Армией.

И даже тот факт, что Тряпицын в одиночку безнаказанно появлялся в белогвардейских отрядах, объяснялся не «обаянием» его личности, а тем, что отряды эти уже окончательно разложились. Те же казаки в Киселевке, что сперва «не тронули» Тряпицына, скоро восстали против белогвардейщины. Тот же белогвардейский полковник Виц потому мирно ужинал с Тряпицыным, что считал свое дело проигранным и, не найдя в себе мужества признаться в том, что шел против народа, предпочел застрелиться.

На проверку самым «опасным» для Тряпицына оказалось появление в одиночку в партизанском подразделении, где он не был опознан в лицо. Как уже говорилось выше, партизаны арестовали его до выяснения личности.

Если говорить об индивидуальной смелости, то в какой-то степени Тряпицын ею обладал, но его одиночные похождения в стан врагов, длительный отрыв от руководства отрядами во время горного рейда, говорили не о командирских качествах, а о погоне за внешним эффектом. А между тем все эти индивидуальные «подвиги» в глазах трияпицынских поклонников и в первую очередь в глазах самого Тряпицына служили основой создания своеобразного культа Тряпицына как «героя», стоящего над «толпой».

На этой почве Тряпицын отклонился от большевистского руководства и объявил себя командующим «самостоятельной» армией, «независимым» николаевским округом.

Как относились к этому коммунисты? Часть из них безусловно была против самостоятельных действий, понимая весь их политический вред. Некоторые же товарищи, сохраняя полностью верность партийной линии, считали, что «отделение от Хабаровска» является только «организационным вопросом» и ничего по существу не меняет. Были, наконец, и такие, кто по своей политической малоопытности думал, что им все равно и что они сами сумеют справиться с любыми внешними и внутренними врагами советской страны на Дальнем Востоке...

Сложившаяся, однако, военная обстановка не позволяла перед лицом сильного и опасного врага, укрепившегося в Николаевске, в разгар подготовки решительного штурма вносить раскол в партизанское движение, поднимать борьбу с Тряпицыным. К тому же начальником

штаба оставался коммунист Наумов, умевший сдерживать диктаторские замашки командующего.

Первый удар партизанский штаб нацелил на крепость Чныррах, как весьма важную опорную базу интервентов. В то время, как лыжники и партизаны под командой Павличенко проводили отвлекающие операции, нарушая связь города с крепостью, основные силы партизан готовили захват передовых фортов. Там были установлены орудия системы «виккерс». Но белое командование уверило японцев, что крепостные пушки приведены в негодность красными в 1918 году при отступлении из Николаевска. Поэтому фортам японцы не придавали значения. Этой оплошностью врага красное командование умело воспользовалось.

В одну из выюжных февральских ночей, примерно на десятый день после ухода Орлова в Николаевск, стремительной атакой партизан-лыжников форты были захвачены. Японцы отступили в центральную часть крепости. Но каково же было их удивление, когда на следующий день после взятия фортов крепостные орудия «заговорили» по центру крепости.

А произошло следующее: уходя в тайгу из Николаевска в 1918 году, красные предусмотрительно сняли с орудий замки и другие части и спрятали их неподалеку в камнях. Нашлись очевидцы этой операции, они отыскали спрятанное. Все детали оказались в целости и сохранности и орудия — два «виккерса» и две пятидесятиммиллиметровки — были быстро приведены в готовность.

Под прикрытием орудийного огня передовые цепи партизан стремительно ворвались в крепость. Японцы отступили в город, бросив снаряжение и одежду. Их отход оказался столь поспешным, что осталась невзорванной правительственная радиостанция (военная радиостанция, отдельные казармы и склад с обмундированием и продуктами были подожжены). При взятии крепости партизаны потеряли двух убитыми и одного раненым; четырнадцать бойцов получили обморожения.

Тотчас же по радио была налажена связь с Охотском, Александровском-на-Сахалине и Керби, при этом выяснилось, что в этих пунктах уже восстановлена Советская власть во главе с революционными комитетами. Установили радисты связь и с более отдаленными пунктами.

Штаб в это время находился в пяти километрах от

Николаевска, в деревне Личи. Сразу же началась усиленная подготовка к штурму города. Захваченные пушки вскоре стали обстреливать японские казармы.

Шел четвертый день непосредственной осады города. Над кварталом Симада, где размещались японцы, появились белые флаги. Можно было подумать, что интервенты намереваются вести переговоры с партизанским командованием. Но в это время перебежчики-солдаты белой армии принесли потрясающую весть: партизанский парламентар Орлов и возчик Сорокин расстреляны белояпонцами. Не было пределов возмущению среди партизан.

— Какие звери!.. О таком вероломстве мир еще не слышал... — говорили бойцы и командиры, узнав о гибели товарищей.

Никто не поверил белым флагам над кварталом Симада.

Через пять часов после начала обстрела из города прибыл русский старик с предложением от японского командования начать мирные переговоры. Через него партизанский штаб предложил интервентам к четвертому часу дня выслать своих представителей. Но интервенты теперь уже сами спешили: в половине третьего прибыли к месту встречи в бывшую колонию прокаженных, вблизи крепости, два японских офицера, два переводчика и два белых офицера — капитаны Мургабов и Немчинов.

Японская делегация привезла и вручила командование партизан напоминавшие ультиматум условия мирного договора, подписанные майором Исикава. Вот эти условия (текст подлинника сохраняется):

«1. Соблюдать строго декларацию генерал-лейтенанта Сирамидзу.¹

2. Сдать всю артиллерию и оружие японскому командованию.

3. Ограничить число красных, входящих в город.

4. Освободить всех пленных как японцев, так и русских.

5. Восстановить телеграфное и почтовое сообщение

¹ Командующий японской оккупационной армией в Приморской, Приамурской и Сахалинской областях, Декларация Сирамидзу, формально провозглашая нейтралитет японской армии в гражданской войне на Дальнем Востоке, выдвигала ряд совершенно неприемлемых требований по созданию экстерриториальности для японцев и сохранению в крае белогвардейского режима.

между Хабаровском и Чныррах и передать на определенные часы русское радио японскому командованию.

6. Вознаградить пострадавшее население за понесенные убытки.

7. Почему производилась стрельба по Чныррах вопреки декларации генерал-лейтенанта Сирамидзу?

8. Почему производилась стрельба по городу без предупреждения, особенно по консульству?

9. Каким порядком желают войти в город красные и создать новую власть?

10. Полная неприкосновенность личности, жилищ и имущества офицеров, чиновников, солдат, а также и всех граждан и служащих правительственных учреждений.

11. Полное забвение прошлому.

12. Все офицеры и солдаты, не разделяющие взглядов новой власти, находятся под защитой японского командования и консульства и при открытии навигации под их охраной имеют право выезда за границу беспрепятственно, но до выезда сохраняют за собой право ношения мундира.

13. Полная неприкосновенность всех граждан, не разделяющих взглядов новой власти, жизнь и имущество которых находятся под охраной японского командования и имеют право беспрепятственного выезда за границу.

14. В случае возобновления военного действия, всем желающим женщинам и детям и лицам, не принимающим участия в политической борьбе, допустить право беспрепятственного выезда из города до прекращения осадного положения».

Из этого документа читателю ясно, о чем заботилось японское командование: о разоружении партизан, о сохранении кадров белогвардейщины, об интересах буржуазии и ее прихвостней.

На далеко не мирные предложения оккупантов партизанское командование ответило своими контрпредложениями. Японцы вынуждены были их принять, и 28 февраля в крепости Чныррах между партизанами и интервентами было подписано соглашение следующего содержания:

«Японское командование через своих... представителей обязуется безуклонно выполнять предъявленные ему представителями Красной Армии следующие требования:

1. Безуклонное выполнение японским командованием декларации генерал-лейтенанта Сирамидзу.¹

2. Полное разоружение белогвардейского отряда города Николаевска и выдача всего вооружения и снаряжения его (место сдачи оружия будет указано нами дополнительно).

3. Все посты до нашего входа в город и замены их нашими войсками должны занимать японцы.

4. По выполнении изложенного, японские войска обязаны сдать все караулы нашим войсковым частям и занять указанные им помещения.

Вопрос о помещениях может быть разрешен японским и нашим командованием совместно.

Со своей стороны представители Красной Армии Николаевского фронта также обязуются выполнять предложенные японским командованием требования в редакции, изложенной в ответе на пункты условий японского командования, при сем прилагаемом».

При подписании этого договора присутствовали представители Николаевского городского гражданского самоуправления В. Комаровский и Д. Карпенко и уполномоченный белогвардейского командования Николаевска — капитан Немчинов.

Тряпицын узнал Немчинова.

— Скажите, капитан, это вы руководили расстрелом партизан на Сучане?

Вопрос был поставлен внезапно. Немчинов не ожидал его и растерялся, но видя, что от прямого ответа не уйти, тихо ответил:

— Да.

— Вот видите, капитан, при каких условиях нам пришлось снова встретиться...

Немчинов промолчал.

О парламентарере Орлове японские офицеры и на сей раз отказались что-либо сообщить, заявив, что им ничего неизвестно...

Окруженный партизанами, деревянный город спал тревожным сном, глубоко погрузившись в снег. Лишь крыши да трубы домов торчали из-за сугробов да ог-

¹ Речь шла о нейтралитете.

ромное, по местному масштабу, в три этажа каменное здание реального училища выделялось на фоне утонувшего в снегу города. Зима и здесь была необыкновенно снежной.

Так выглядел Николаевск накануне вступления в него партизан.

С тех пор, как город оказался в партизанском кольце, люди томительно ждали своего освобождения. А с момента дикой расправы, учиненной над советскими и партийными работниками, жизнь для многих стала и вовсе невыносимой. Носились упорные слухи, что интервенты и белоохрановцы готовят всеобщее избиение рабочих и их семей, а также и других граждан, заподозренных в сочувствии к красным. Артиллерийский обстрел, которому подвергли Николаевск партизаны, заставлял людей прятаться в подвалах, проводить ночи на ногах.

Вечером 28 февраля горожан мгновенно облетела весть о том, что с японцами подписан мирный договор и красные войдут в город без боя. С огромной радостью узнали об этом трудящиеся города, ждавшие с часу на час прихода партизан, как своих избавителей от белоохрановского кошмара.

Другое состояние переживала местная буржуазия и их сынки — офицерское отребье. Приближался час расплаты за издевательства над народом, за преступления.

Вступали партизаны в город с двух сторон: в нижнюю часть города отряды входили со стороны Чныррах и в верхнюю — от деревни Личи. Встречать партизан город готовился утром, но вошли они перед рассветом, когда люди еще спали. Первыми приветствовали своих освободителей рабочие-бондари нижней окраины города. Радостное событие подняло на ноги все трудовое население. На многих домах мгновенно всплыли красные флаги, а улицы заполнились людьми. Всюду слышались приветствия и оживленные разговоры. Многие партизаны — местные жители, бежавшие из Николаевска и скрывавшиеся в тайге, по приискам, — возвращались домой впервые после почти полуторагодового отсутствия. Они вернулись теперь как победители, и их с огромной радостью и сердечностью встречали родные и друзья.

Трудовой народ ликовал. Из тюрьмы вышли политзаключенные, которых враги не успели пустить «в расход».

К 9 часам утра на базарную площадь, плотно утопанную за зиму, собрались грузчики, бондари, портовые рабочие, служащие и лояльно настроенные к Советской власти мещане. Сюда же подошли отряды партизан, наиболее отличившиеся в боях за освобождение родного края. Николаевцы обнимались с партизанами.

Громкий говор и радостный шум сразу сменились тишиной и вниманием, когда открылся митинг. Один за другим выступали партизанские командиры и рядовые партизаны, а также представители трудящихся.

Почти все ораторы отмечали, что хотя область и отвоевана у колчаковцев, но борьба не закончится до тех пор, пока не будут изгнаны интервенты со всего Дальнего Востока.

Сразу же, как только город был занят, японские посты были сняты и заменены партизанскими, а японские войска отведены в каменные казармы, в верхней, восточной, окраине города. Японская охрана оставалась лишь в квартале Симада. Партизаны — бойцы и командиры — разместились по частным домам, артиллеристы и лыжники заняли в городской черте помещения казарменного типа.

Под штаб красного командования был отведен дом Небеля, стоявший на главной, Невельской улице, причем верхний, деревянный этаж, занял штаб, а нижний, каменный этаж, предназначался под караульную и хозяйственную службы. Напротив как раз находился квартал японского миллионера Симада. Выбирая помещение для штаба, наши люди полагали, что отсюда, поблизости, они смогут лучше наблюдать за интервентами. Но, как позднее стало ясно, получилось наоборот — командование партизан само попало в поле зрения коварного, дерзкого врага...

Наступил час расплаты с белоохрановскими карателями. Здесь, в Николаевске, под защитой интервентов, пытались укрыться свыше ста белых офицеров: все они были арестованы. Удалось выловить и контрразведку белых. Шли аресты контрреволюционеров из числа местной буржуазии: они скопились в городе со всех районов области, рассчитывая отсидеться под защитой оккупантов, как за каменной стеной.

Однако среди арестованных не оказалось белоохрановского главаря — начальника области и гарнизона города Николаевска полковника Медведева. Японское командование объяснило, что Медведев покончил с собой вслед

за взятием партизанами крепости Чныррах и был публично похоронен.

Бывший комендант города поручик Токарев под давлением прямых улик показал, где захоронены умерщвленные белогвардейцами и оккупантами советские деятели. Их обнаружили на льду Амуре — в снегу — обледенелыми, истерзанными жестокими палачами. Изуродованные тела казненных советских работников были доставлены в здание гарнизонного собрания. Непрерывным потоком сюда шли жители города и окрестных поселений. Ненависть к белогвардейцам и интервентам подступала к горлу.

В тот же день удалось окончательно выяснить и трагическую судьбу парламентаря-партизана Орлова и его спутника крестьянина Сорокина. Оба они после зверских пыток были убиты и закопаны в снегу на Амуре, неподалеку от места, где нашли расстрелянных советских работников.

Командир японского отряда майор Исикава отрицал причастность японцев к убийству советского парламентаря и его спутника, он сваливал вину на белогвардейское командование. Но ясно было, что вдохновителем кошмарного преступления являлось японское командование, а белогвардейцы выступали лишь исполнителями.

На многочисленных митингах, состоявшихся в эти дни в городе, партизаны и трудящиеся требовали сурового революционного пролетарского суда над палачами. По приговору ревтрибунала белогвардейские изверги были расстреляны. Это не коснулось тех белых офицеров, которые, как удалось установить, не принимали участия в порках и казнях (капитан Мургабов, подполковник Григорьев, поручик Смоленский и другие).

3

О подходе к Керби партизанского отряда коммуниста Будрина наш ревком знал от Иннокентия Семенова. Отряд шел из-под Николаевска для освобождения районов реки Амгуни от белых, восстановления Советской власти и вовлечения людей в партизанское движение.

Ранним февральским утром единственная кербинская улица необычно оживилась; в общем гомоне слились радостные возгласы и смех людей, ржание лошадей, лай

собак. Вооруженные люди в оленьих дошках и полушубках, высоких торбазах и лохматых шапках все прибывали и прибывали и вскоре заполнили небольшую площадь, перемешавшись с кербинцами, густо высыпавшими на улицу.

Среди прибывших были горняки с нижеамгуньских приисков — русские, корейцы, китайцы; мужики и парни — с нижеамурских деревень и поселков; кадровые партизаны — рабочие и служащие — приамурцы.

Общая численность отряда не превышала трехсот человек, но для небольшого поселка это составляло целую армию.

Потолкавшись на улице, партизаны, радушно встреченные кербинцами, расходились по домам; размещались по дворам и доставившие их крестьянские подводы. Обрато в низовья Амгуни подводчиков не отпускали, из чего можно было заключить, что партизаны не намерены долго задерживаться в Керби.

К ревкому, помещавшемуся в бывшей земской управе, быстро подкатила кошовка, запряженная парой добротных лошадей, шедших гуськом. Из кошовки молодцевато выпрыгнул мужчина лет сорока, среднего роста, плотного сложения, с небольшой русой бородкой, в бараньем полушубке, в высоких оленьих торбазах с цветной опушкой, в рысьей шапке с длинными наушниками. На ремнях у него висели маузер и наган. Вслед за первым из кошовки выскочил второй — молодой парень, которому можно было дать не более двадцати лет. Одежда его удивляла своей неожиданностью: на человеке была накинута длинная черная архиерейская мантия, с большим воротником, на голове торчала черная, с суконным верхом острокопечная шапка с длинной красной кистью. Под накидкой виднелся легкий полушубок и небрежно перекинутый через плечо маузер, за поясом торчал пистолет. Тонкие черты лица выдавали его за городского интеллигента, хотя на самом деле он оказался деревенским парнем.

Войдя в ревком и подавая мне руку, тот, что постарше, назвался Будриным, командиром первого Амгуно-Кербинского горного партизанского полка.

— Председатель ревкома Днепровский-Власов, — отрекомендовал я себя.

Мы обменялись крепким рукопожатием. Будрин поздоровался с другими членами ревкома.

— А это мой адъютант, — указывая рукой на своего спутника, сказал Будрин.

— Гетман-Гапоненко, — здороваясь, назвал себя адъютант.

— Добро пожаловать, дорогие товарищи, — усаживаясь за стол и приглашая садиться Будрина и Гетмана, сказал я. — Мы сами бы выступили со своим отрядом навстречу вам, если бы вы не нагрянули в Керби.

— И к лучшему, что встретились в Керби. Я ознакомлюсь с обстановкой в районе, а ваших партизан заберу с собой, — уверенно заявил Будрин. И, поглаживая бородку, посмотрев в упор на меня, спросил:

— А вы большевик?

— Да.

Я коротко рассказал о себе, где работал и как попал в Керби.

— Я тоже большевик, работник связи. До падения Советской власти в 1918 году был горным комиссаром Николаевского округа, — как бы мимоходом рассказал о себе Иван Александрович Будрин.

Наступила небольшая пауза.

— А вот Гетман, хотя и называет себя большевиком, а немного смахивает на анархиста. Ну — да еще молод, может и выйдет из него большевик, — добродушно ухмыляясь, бросил Будрин в сторону Гетмана. И уже серьезно добавил: — А впрочем парень — орел. Несколько дней назад в Удинском на Амгуни застрелил отчима, когда стало известно, что тот выдавал белым партизан.

Похвала Будрина, видимо, польстила адъютанту.

— Не перехвали, товарищ командир. А что рука не дрогнет уничтожить любого гада, это точно. Насчет же анархиста зря, товарищ командир, мне по пути только с большевиками.

— Вот балахон-то у вас, товарищ Гетман, действительно анархистский. Где это вы его раздобыли? — пошмеиваясь, спросил Курьянов.

— В одном буржуйском доме, видимо, архиерейский, — рисуясь, процедил небрежным тоном Гетман. Очевидно, он, то ли по молодости, то ли по легкомыслию, любил пооригинальничать.

— Ну, а теперь о деле... Расскажите, когда перевернули и что за обстановка в районе? — уже по-деловому обратился Будрин ко мне.

Я вкратце рассказал, как восстановили Советскую власть в Керби и каково теперь положение.

— А сколько у вас вооруженных партизан? — выслушав меня, спросил Будрин.

— Около ста, но при наличии оружия число это можно удвоить.

— Надо как можно больше бойцов в наш полк, и немедленно. По вашему радио я только что узнал, что крепость Чныррах, вместе с радиостанцией, взята партизанами, японцы драпанули в Николаевск. Но бои еще впереди, и надо спешить на помощь. А о перевороте в Керби и обстановке я сейчас сообщу по радио штабу.

И тут же Будрин набросал в Чныррах подробную телеграмму об успехах кербинцев и хорошо отзывался о составе ревкома.

— Где остановились? Может, кушать пойдем? — спросил я Будрина, собравшегося уходить.

— В доме купца Забилова готовы разбиться в лепешку, лишь бы услужить, — усмехнулся Будрин. — Успели накормить досыта.

— Вот и хорошо, но к обеду жду. Живу вот здесь, — показал я в окно на дом, стоявший недалеко от ревкома.

Мне надо было выяснить у Будрина действительную обстановку в штабе и его отношение к Тряпицыну; я уже знал, что тот является анархистом. И, когда вышел Гетман, я задержал Будрина и попросил, чтобы он пришел ко мне пораньше и один.

— Нужно поговорить наедине, по душам, — сказал я.

Будрин пришел в условленное время. Представив партизанского командира Саше, я попросил Ивана Александровича рассказать о ходе наступления и объяснить мне, почему командование партизанской армией оказалось в руках анархиста.

— Можно при Александре Митрофановне, — добавил я, заметив, что Будрин стесняется говорить.

— Еще под Хабаровском так получилось, — сказал Будрин. — Приамурский ревштаб направил в низовья Тряпицына с группой партизан как смелого, волевого командира, хорошо проявившего себя в предыдущих схватках с калмыковцами и интервентами. Командиры отдельных партизанских частей в большинстве — коммунисты. Во главе штаба партизанской армии также стоит

коммунист. Среди партизан — порядок, дисциплина, высокий боевой дух. Тряпицын, как боевой командир, пользуется авторитетом.

— Одно мне не нравится в Тряпицыне — диктатор и сепаратист, никого не хочет над собой признавать, — добавил Будрин, чтобы рассеять мое недоумение, которое он, повидимому, заметил.

Продолжая беседу, мы сошлись на том, что анархистам и левым эсерам нельзя доверять организацию власти. Но Будрин, как мне тогда казалось, полагал, что это произойдет само собой, без борьбы.

Вскоре к нам заявился Гетман и с ним еще один высокий молодой человек, в вместительных торбах, обвешенный оружием и гранатами.

— Командир батальона Боголюбский, — отрекомендовал его Будрин.

Пришли Курьянов, Чибисов и Кузнецов, завязалась оживленная беседа.

Боголюбский вел себя развязно, бахвалился своими подвигами. По всему было видно, что это случайный, морально неустойчивый человек, и становилось непонятно, как мог его терпеть Будрин.

— Любимец Тряпицына, — объяснил потом командир отряда.

Вечером того же дня Будрин с небольшим отрядом партизан, в сопровождении члена Кербинского ревкома Кузнецова, выехал на Веселую Горку, чтобы на месте, как он сказал, ознакомиться поближе с обстановкой и, главное, вовлечь как можно больше местных рабочих в отряд для похода на Николаевск.

Партизаны с Веселой Горки и других населенных пунктов района стекались в поселок. Наш кербинский отряд включился в состав Амгуно-Кербинского горно-партизанского полка на положении особой роты во главе с командиром-кербинцем Петровым — участником империалистической войны и кербинского переворота. Отряд теперь подчинялся Будрину.

По случаю предстоящего выступления к Николаевску в поселке царило большое возбуждение. Матери и жены собирали своих сыновей и мужей в далекий боевой путь, пекли пироги, жарили мясо, рыбу.

Всем казалось, что Николаевск — это последний оплот интервентов, и что со взятием города в крае наступит

период мирного строительства, радостно и спокойно заживут советские люди.

Но события развертывались быстрее, чем предполагали мы здесь, в своем таежном, глухом уголке.

Вечером пришла радиограмма, в которой сообщалось, что с японцами подписан мирный договор и что партизаны на рассвете вошли в город без боя. На 12 марта в Николаевске назначался съезд Советов для организации областной власти и Кербинскому ревкому предлагалось созвать районный съезд для избрания исполкома и делегатов на областной съезд. В той же телеграмме Будрину приказывалось вместе со своим полком, включая и Кербинский партизанский отряд, немедленно двинуться в Николаевск.

Известие о занятии Николаевска мигом облетело поселок и вызвало необычайный подъем. Выступление отряда было назначено на утро следующего дня, а через трое суток впервые в Керби созывался районный съезд Советов.

На площади состоялись проводы кербинских партизан. Вооруженные охотничьими ружьями, винчестерами и лишь в небольшом числе винтовками партизаны-кербинцы выстроились полукругом, в три ряда.

— Товарищи, — говорил я от имени ревкома, — телеграф принес радостное известие, что Николаевск в руках партизан и, таким образом, вся наша область освобождена от интервентов и колчаковцев. Многие из вас могут спросить: зачем же тогда отправляться в Николаевск, не лучше ли оставаться здесь, в Керби, в тепле и домашнем уюте? Нет, товарищи, — такие разговоры явились бы непростительной ошибкой. Не забывайте, что сегодня интервенты заключают мир, а завтра могут, как самые последние бандиты, напасть из-за угла. Борьбу за честь и независимость нашей Родины и родного края мы будем считать законченной лишь тогда, когда не останется ни одного иностранного солдата на советском Востоке, когда будет уничтожен последний атамановский бандит...

Будрин в своем кратком приветствии к партизанам-кербинцам рассказал о цели предстоящего похода, подчеркнул значение партизанского долга и дисциплины в борьбе с иностранными захватчиками и их приспешниками — остатками недобитой русской буржуазии. Привел

он примеры героической партизанской борьбы и закончил свою речь здравицей в честь партизан низовий Амура и Амгуни. Громкое ура огласило площадь.

Партизаны прощались с семьями и, напутствуемые родными, усаживались на подводы. На площади не было ни слез, ни причитаний, обычных при проводах кормильцев семей в армию, наоборот, шутки и смех слышались повсюду. Кто-то затянул:

Ревела буря, гром гремел,
Во мраке молния блистала...

Народная песня, подхваченная десятками голосов, разносилась по поселку. Но вот сигнал к отъезду, и подводы с вооруженными, пестро, по-зимнему одетыми людьми, под приветственные возгласы провожающих, одна за другой трогались с места и скрывались за ближайшим островом.

Долго еще близкие и родные не расходились с площади, живо обмениваясь впечатлениями...

В установленный срок в Керби состоялся районный съезд Советов, избравший исполком. В него прошли те же товарищи, которые находились в составе ревкома. Утвердили делегацию из шести человек на областной съезд. В число делегатов, хотя и заочно, был включен и Василий Нечаев, выехавший из Керби с партизанами еще до съезда. Как инструктор союза кооперативов он спешил попасть быстрее в Николаевск, к месту работы.

...Стояла морозная мартовская ночь. Две почтовые пары, впряженные во вместительные кошвы, быстрой рысью увозили нас, делегатов, в сторону Николаевска. В небе мерцали яркие звезды. Стоявшую вокруг мертвую тишину нарушали лишь пофыркивание лошадей, уверенно бегущих столь знакомой, хорошо наезженной за зиму дорогой, да хруст полозьев о снег, да свист и покрикивание ямщика. Вытянувшись во всю длину кошвы, закутавшись в теплые дохи, двое делегатов, поместившиеся со мной рядом, тихо похрапывали, один из них что-то бормотал, очевидно, видел сон. Я не спал и, лежа на спине, любовался звездной панорамой. На душе было радостно за уже достигнутую победу. «Совершилось так, как мы предполагали», — думал я. Вспомнились Саша и дочурка, которых только что оставил. Почему-то Саша сильно нервничала и твердила об осторожности. «Надо по приезде в Николаевск сразу же послать телеграмму — успо-

коить». В глазах вставал отец: простой, добрый старик, еще тогда, после моего ареста в Большой Сазанке, уехавший на родину, в Забайкалье; с тех пор от него не было известий. «Жив ли, и как-то он там живет, ладит ли с дочерьми?» И мне захотелось посмотреть на отца, увидеть сестер. «Лишь бы поскорее все закончилось, а с Сашей на родине непременно побываем», — заключил я про себя.

Понемногу под скрип полозьев я задремал.

Подняли нас на почтовом полустанке.

— Вставайте, товарищи, погрейтесь, чаю выпейте, пока сменим лошадей.

Будил хозяин почтового полустанка, высокий, рыжебородый старик.

В просторной, тепло натопленной избе на столе уже шумел самовар. С большим наслаждением мы отогревались горячим чаем, благодарили заботливого хозяина. Не прошло и часа, как снова были в пути.

Течение Амгуни крайне извилисто. Поэтому зимняя дорога часто отклоняется от русла, прямым путем пересекая острова, что значительно сокращает расстояние. Мы ехали быстро, задерживаясь на остановках лишь для смены почтовых лошадей, и через сутки с небольшим приехали в Удинск, покрыв почти двести километров. Там мы застали Будрина, он поджидал отставшие части полка с тем, чтобы устроить им дневку.

Здесь же я встретил Ауссема, которого знал по городу Свободному, где он работал в Совдепе в 1918 году. Длинный, костлявый, черноволосый, с редкой бородкой, в больших очках на клювообразном носу — таков был внешний вид Отто Ауссема. Мы узнали друг друга.

— Кажется, товарищ Ауссем?

— Точно так, — пожимая мне руку, ответил он. — Видимо, на съезд?.. И я туда же, — не дожидаясь ответа, бросил Ауссем.

— Откуда едешь? — спросил я.

Ауссем коротко рассказал, как он скрывался на Удинских приисках, как потом пришли партизаны Будрина. Теперь он едет на съезд в качестве депутата местного Совета. В свою очередь я изложил события и кербинские и свои личные. Я знал, что Ауссем большевик, сидел в тюрьме при царизме, подготовленный марксист, человек большой культуры. Было весьма радостно встретиться с таким товарищем. Мы условились дальше ехать вместе.

На остановке за Удинском в нивхском стойбище не оказалось подменных лошадей и нам предложили ехать на собаках. Мы решили пораньше прибыть в Николаевск, чтобы ознакомиться с обстановкой, и потому охотно приняли это предложение, оставив других делегатов ожидать почтовых лошадей.

Две нарты, по девять собак в каждой, быстро уносили нас вперед. Езда на собаках несколько уступает в быстроте почтовым лошадям. Но мы сэкономили время на спрямлении расстояний. Двигались прямым путем, знакомым лишь каюрам. Собаки часто останавливались, выли, очевидно, от голода. Но стоило лишь прикрикнуть на них каюру, как снова упряжки устремлялись вперед. Зато нелегко было проезжать через деревни. Как только показывался поселок, собаки принимались неистово лаять, а, завидя свинью, стремглав неслись за нею в подворотню вместе с нартами и людьми. Нужно было немалое искусство каюра, чтобы справиться в это время с упряжкой.

Больше всех страдал бедный Ауссем. Из-за своей длинной фигуры он никак не мог разместиться на узких нартах и, как ни ухитрялся, его ноги все же волочились по снегу. А в одном из поселков, когда собаки вновь бросились преследовать свинью и затащили нарты в сугроб, бедняга Отто, совершив «воздушный полет», стукнулся о забор. К счастью, он отделался легким ушибом.

К самому Николаевску мы подъезжали снова на почтовых лошадях.

4

Открытие областного съезда Советов назначалось на 12 марта 1920 года; предстояло избрать исполнительные органы Советской власти. До съезда функции гражданской власти нес временный ревком, возглавляемый Федором Железным.

Сельский учитель из-под Хабаровска Железин, скрываясь, работал инструктором союза кооперативов в Николаевске. В одну из своих командировок он вступил в партизанский отряд и с ним вернулся в город. Был Железин средних лет, среднего роста, весь серый, тщедушный (его изматывала чахотка). Считал себя большевиком.

Снабжением и продовольствием в эти, предсъездовские дни управлял Дед-Пономарев, человек уже старый, лет шестидесяти, но живой, юркий и удивительный демагог. С жиденькой рыжей бородкой, сутуловатой фигуркой, в очках, он походил на деревенского дьячка или сектантского проповедника. Еще в Амурской области Дед пристал к какому-то партизанскому отряду, работал по снабжению и позже под Хабаровском присоединился к Тряпицыну. Называл он себя левым эсером, выступал всюду и везде с речами по поводу и без повода. Говорил он крикливо и бестолково, но старался всячески поддаться под настроение массы. Не обладая ни умом, ни умением вести дело, он действовал хитростью и коварством. Когда в споре не мог убедить своего противника, немедленно переходил на брань и угрозы: «Тебя, гада, надо коцнуть!», что означало убить. Одним словом, это был очень не симпатичный человек.

Продовольствием Николаевск до весны был почти обеспечен. Большие запасы его ревком обнаружил и реквизировал у местных купцов и промышленников.

Командантом города стал Комаров, один из партизанских командиров, человек умный и волевой.

Избранные на съезд делегаты прибывали отовсюду, из самых отдаленных уголков области. По приезде в Николаевск я, Ауссем и другие товарищи с Амгуни разместились в общежитии — в большом деревянном здании, рядом с реальным училищем, где намечалось открытие съезда. Делегаты знакомились между собой, обменивались впечатлениями о последних событиях и говорили о предстоящих делах.

Вечером в день прибытия я направился в штаб командования, рассчитывая встретить кого-либо из амурцев и ознакомиться с обстановкой. Я уже знал, что среди командиров и рядовых партизан имелось много коммунистов и немало сочувствующих. Но некоторые из них слишком превозносили Тряпицына. Нехватало большевистской принципиальности и правильной ориентировки.

Ауссем со мной не пошел, он жаловался на болезнь и усталость с дороги.

Партизан, стоявший у входа в штаб, осведомился: «Кто идет?» Я назвал себя, и меня пропустили. Как только очутился в коридорчике так тут же столкнулся с близким приятелем Федором Вадимовым, с которым работа-

ли вместе в амурской кооперации. Это он помогал мне выбраться из Николаевска в ту памятную августовскую ночь, когда с тревогой в сердце я впервые направлялся на пароходе в Керби; Саша и дочь оставались тогда на попечении Вадимова.

— А, Степан Петрович, — назвал меня Вадимов настоящим именем. — Жив, здоров? Вот рад, вот замечательно, что приехал! Ну и конечно на съезд? — крепко пожимая руку, произнес Вадимов.

— Не думал. Федор Васильевич, тебя встретить в штабе; уж не работаешь ли ты здесь? — спросил я, внимательно разглядывая приятеля.

— Представь себе, секретарь агитационно-организационного отдела штаба!.. Работал на периферии по командировке Усть-Амурского союза кооперативов. Когда пришли партизаны, вступил в отряд. С боями шли к городу... Повстречался с Павлом Лиховым, которого ты знаешь по Амуру; ему поручили агитационно-организационный отдел штаба, и он взял меня секретарем отдела... Пойдем, я представлю тебя Лихову.

Шагая по коридору, Вадимов осведомлялся:

— Ты, я слышал, предревкома в Керби?

— Да.

— Как здравствует Александра Митрофановна и маленькая Нинуська?

— Все в порядке, Саша молодеет, Нинуша растет, хороший ребенок!

— Приятно, очень приятно, а вот как живут мои родные — не знаю. Скоро год, как потерял с ними всякую связь, — с грустью проговорил Вадимов. Сам он был вдов, но у него остались в Благовещенске двое детей — сын и дочь, старушка мать и два брата. Это был честный, хороший работник, советский человек. Я уважал Вадимова, относился к нему с доверием и с мнениями его считался.

В комнате агитотдела, куда мы прошли, за столом, заваленным бумагами («Уже успели написать», — подумал я), сидел Лихов — маленький человек, с небольшой черной бородкой и взъерошенными волосами.

— Вот, Павел Васильевич, привел Кербинского предревкома Днепровского-Власова.

— Да ведь мы с ним где-то встречались, — сказал Лихов.

— В Благовещенске, в 1918 году на съезде земских и городских самоуправлений.

— Да, да, верно. Ну, что там у вас в Керби, расскажите.

Разговор только начинал налаживаться, как в комнату быстро вошел весьма энергичный, высокий молодой человек, с большой шевелюрой, с раскосыми глазами, утонувшими под большими черными бровями. На нем была черная сатиновая рубашка, без пояса; на ногах — глубокие торбаза. В руках он держал какую-то бумагу. Посмотрев искоса, но пристально на меня, он обратился звенящим голосом к Лихову:

— Найди немедленно переводчика — корейца, знающего по-японски. Вот японцы принесли телеграмму и просят передать по радио в Хабаровск своему командованию. Надо проверить, что они здесь пишут.

Тряхнув в воздухе бумагой, вошедший передал ее Лихову и, быстро повернувшись, уже на ходу, крикнул:

— Только смотри, Лихов, чтобы был надежный человек.

— Найду, товарищ Тряпицын, — бросил ему вслед Лихов и тотчас же пошел выполнять задание.

Я и Вадимов остались одни.

— Так вот каков командующий партизанской армией низовьев Амура... Суров и не особо приветлив, — высказал я свое первое впечатление.

— Диктатор, маленький божок, — насмешливо заметил Вадимов.

— Скажи, а Лихов коммунист?

— Да. Но в штабе только, пожалуй, начштаба Наумов ведет себя независимо как коммунист. Другие же — или левые эсеры, или «подтряпицавающие», вроде Железнина.

И Вадимов подробно рассказал мне о работниках штаба и местных делах.

— Одним словом, анархисты и левые эсеры, пролезшие в штаб, развивают сепаратизм, выше себя никого не признают... Хабаровскому ревштабу, во главе которого коммунисты, не хотят подчиниться, называя их соглашателями.

— Н-да, дела, — не сразу сказал я. — А кто здесь из видных местных коммунистов?

— Бунин — лидер местных большевиков еще по

1917 году. Тебе, Степан Петрович, надо обязательно с ним быстрее встретиться, — посоветовал Вадимов. — Но он только что освобожден партизанами из тюрьмы и не совсем поправился после тяжелой болезни. Видимо, тут он не в ладу, особенно с Ниной Лебедевой.

— Разве и она здесь? — удивился я.

— Как же, три дня как приехала. Она тебя помнит еще по Амуру. Впрочем могу ее позвать, если хочешь.

— Ну что же, зови...

Нина Лебедева родилась в Москве, училась в гимназии, откуда за принадлежность к эсерам попала в тюрьму и затем в ссылку, на поселение. После февральской революции она появилась в Чите в качестве секретаря продовольственного комитета. Потом, с возникновением Забайкальского фронта против семеновских банд, работала в организациях Красного Креста. Вслед за падением Советов в Забайкалье вместе с военными и руководящими советскими работниками и красногвардейцами оказалась в Благовещенске, где принимала участие в подпольных революционных организациях. Затем, попав в Хабаровск, была арестована колчаковской контрразведкой, откуда бежала. Зачислившись в оперировавший вблизи Хабаровска партизанский отряд, участвовала на Анастасьевской конференции, о которой говорилось выше.

Лебедевой можно было дать лет двадцать пять. Она была среднего роста, с большими карими глазами, темными волосами, двигалась быстро, энергично. Начитанная, щедрая на слова, она любила выступать. Завзятой темой ее речей в николаевский период являлась критика «соглашательства» хабаровских и владивостокских большевиков.

Это меня насторожило, хотя я и не знал очень много — столько времени был оторван от политических центров Дальнего Востока. Оказывается, дело касалось главного: основных вопросов революционной борьбы в крае.

На основе руководящих указаний из Москвы от ЦК партии и Советского правительства Владивостокский комитет большевистской партии, подготовив восстание и организовав подход к городу партизанских частей, после свержения колчаковщины предложил передать власть в Приморье областной земской управе. Нечто аналогичное было и в Хабаровске. Это был тактический шаг партии,

направленный к предотвращению нового кровавого похода международного империализма на советскую страну. Он выразился несколько позднее в создании в качестве временной меры Дальневосточной республики — буфера между Японией и советской Россией, но буфера красного, руководимого Коммунистической партией.

«Обстоятельства принудили, — указывал В. И. Ленин, — к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики, поскольку мы прекрасно знаем, какие невероятные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири... Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».¹

Широчайшие массы трудящихся страстно хотели восстановления Советской власти на Дальнем Востоке, однако они понимали смысл предпринятого Коммунистической партией и Советским правительством тактического хода и полностью поддержали коммунистов Приморья и Приамурья.

А Лебедева называла большевиков-ленинцев за поспешное проведение этого маневра не иначе, как «соглашателями», «земцами» и другими модными в ту пору у леваков эпитетами.

Я знал Лебедеву по Благовещенску. Летом 1918 года, накануне падения Советской власти, она неоднократно обращалась ко мне за содействием по размещению нового на забайкальских работников, эвакуированных на Амур после захвата атаманом Семеновым Забайкалья.

— Горячий привет амурцу! — приветствовала Лебедева, зайдя в комнату. На ней были простые женские торбаза, оленья дошка и мужская рысья шапка. Только что вернувшаяся с улицы, раскрасневшаяся, оживленная, она заметно бравировала своим полумужским видом.

— Здравствуй, Нина, здравствуй!.. Расскажи, как попала сюда, — попросил я.

— Сейчас из Средне-Тамбовки, там ведала врачоб-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 435.

но-санитарными делами штаба, а теперь уже третий день здесь, и вот без конца выступаю на митингах, собраниях, спорю, ругаюсь. Местные большевики не хотят понять момента. Вот вчера на митинге в реальном училище выступал коммунист Бунин, доказывал, что надо идти в ногу с большевиками Хабаровска и Владивостока, не понимая того, что те погрязли в соглашательстве с земцами. Мне пришлось дать ему должный отпор, — самовлюбленно закончила Нина.

— А Бунин прав: не может того быть, чтобы хабаровские и владивостокские большевики шли вразрез с директивами Ленина, — сказал я, выслушав длинную тираду Нины.

— Ну, конечно, ясно, что и ты за линию Бунина. Мы тоже следуем директиве центра. Директивы центра одно, а действия заправил Хабаровского ревштаба — другое: они погрязли в соглашательстве с предателями, — уже запальчиво бросила Нина.

— Ну это уж неправда, — возмутился я и тут же подумал: «Нужно поскорее встретиться с Буниным».

Вошел оживленный, довольный Лихов.

— Нашел переводчика и телеграмма переведена.

— Что же японцы пишут? — полюбопытствовал Вадимов.

Лихов зачитал.

«Красные вошли в город. Население приветствует красных. Царят порядок и спокойствие».

Нина торжественно воскликнула:

— Вот, даже наших заклятых врагов заставим приветствовать Советскую власть!

Я еще по Амуру хорошо помнил коварство и хитрость интервентов и подумал: «Не очередная ли каверза, не секретная ли шифровка скрывается за этими благожелательными словами по адресу красных». И вслух выразил свои сомнения.

Лихов поддержал.

— Пойду, покажу Тряпицыну, — сказал он и вышел.

Вслед за ним направилась Нина, но, задержавшись у выхода и как бы вспомнив что-то, предупредила:

— Да, Степан, завтра в 12 часов дня в Народном доме состоится собрание всех сочувствующих левым советским партиям. Обязательно приходи и приводи своих делегатов. Необходимо организовать нам бюро

левых советских партий и обсудить некоторые вопросы в связи со съездом.

— Хорошо, приду.

Когда Лебедева ушла, я попросил Вадимова:

— Ты, Федор Васильевич, помоги мне встретиться с Буниным, ты его знаешь?

— Да, знаю. Он частенько сюда заходит, утром пошлю за ним. А ты, Степан Петрович, ночевать пойдешь ко мне, живу недалеко; сейчас же пойдём. В свое общежитие ты не добредешь — далеко и уже поздно.

— Хорошо. Уговорил. — И мы вскоре вышли.

Стояла темная ночь. Редкие электрические лампочки слабо освещали тротуары. Было не больше двенадцати часов. На тротуарах попадались одиночные прохожие, большей частью вооруженные партизаны, но патрулей не было видно. Город, видимо, охранялся слабо. Временами тишина нарушалась одиночными выстрелами.

— Кто стреляет? — полюбопытствовал я.

— Разное бывает, — ответил Вадимов. — Палят иногда часовые без всякой нужды, а чаще — стреляют отдельные партизаны и командиры, особенно подвыпивши.

— Плохо с дисциплиной?

— Видишь, когда шли к городу, был образцовый порядок и строгая дисциплина, а вот сейчас подрасшаталась, даже отдельные командиры до аморальных поступков доходят. Особенно разнузданно ведет себя некий Биценко. А в штабе «почили на лаврах» и не обращают на это внимания. Туда почти каждый день приходят японцы — поручик Цукомато и переводчик Кавамура — и угощаются. Тряпицын как-то даже хвастанул, что через некоторое время он превратит их в красных.

«Что с анархиста возьмешь?» — подумал я.

Мы подошли к каменному дому и постучались. Дверь открыла молодая женщина. Когда она прошла вперед, Вадимов шепнул:

— Это жена расстрелянного за зверства поручика Токарева; здесь живет его семья.

В доме были с нами чрезмерно вежливы, до приторности предупредительны. Но чувствовалась фальшь. В этом змеином логове люто ненавидели революцию. Мне стало как-то не по себе и, когда после ужина ложились спать, я заметил об этом Вадимову.

— Который день думаю выбраться отсюда, но вот все не могу собраться, нет времени, — сказал Вадимов.

Несмотря на старания Вадимова, найти утром Бунина не удалось.

— Ну, хорошо, — сказал я, — наверняка встречу его на собрании.

Когда делегаты с Амгуни входили в Народный дом, там оказалось много народу. Преобладали партизаны, много было делегатов областного съезда Советов.

Смуглый человек, обвешанный оружием и бомбами, с кинжалом за поясом ходил по открытой сцене и хриплым, простуженным голосом, с сильным восточным акцентом вызывал людей на совещание. Это был Оцевилли-Павлуцкий, командир отряда. Сейчас он отыскивал всех сочувствующих анархистам.

Я и Ауссем разместились в первых рядах, где имелись свободные места. На сцене за столом президиума вскоре появилась Нина Лебедева. Сегодня она уже не была похожа на вчерашнюю скромную партизанку. Когда она сняла пальто, на ней обнаружился хороший суконный костюм. Обращаясь к собравшимся, она заявила, что уполномочена штабом вести собрание:

— Мы, товарищи, люди разных левых партий — левые эсеры, анархисты, большевики — громили вместе общего врага и будем теперь вместе строить Советскую власть. Для этого нам надо теснее объединиться вокруг нашего штаба, вокруг исполкома, состав которого изберет съезд. С целью координации действий всех левых советских партий, помощи штабу и исполкому в работе я предлагаю выбрать «Бюро левых советских партий». При этом нам нужно особенно остерегаться разных соглашателей, которые тянут в сторону от чистой Советской власти к разным там буферам на Дальнем Востоке. Мы должны твердо заявить, что на это не пойдем и не допустим никакой соглашательской политики, а людей, которые хотят этого, будем устранять.

Закончив выступление, Лебедева предложила высказаться.

Я ждал выступления Бунина, полагая, что он здесь. Но первым взял слово Оцевилли, которому, очевидно, было поручено выразить волю анархистов. Хриплым голосом он пробасил:

— Анархисты полностью поддерживают предложения товарища Нины. А насчет разных соглашателей — будем «коцать» всех этих гадов.

В зале прошло легкое движение.

Бунина не оказалось на собрании. Я спросил сидящего рядом Ауссема:

— Ты будешь выступать?

— Да. — Ауссем подал знак рукой, что хочет высказаться, и, длинный, неуклюжий, поднялся на сцену.

Обладал он хорошей, культурной речью. Говорил долго, но при этом старательно обходил «острые углы». Чтобы не противоречить Лебедевой, он ни слова не сказал о восстановлении местной большевистской организации, о сплочении партийных рядов, об отношениях с органами революционной власти в Хабаровске и Владивостоке. Вся его речь, красивая по форме, оказалась пустой по содержанию.

В это время с места заговорил партизан, очевидно, из группы Оцевилли, потому что тот, сидя за столом вместе с Лебедевой, любовно слушал его речь. Партизан призывал «коцать» всех гадов — «соглашателей».

Взял слово и я.

— Действительно нужно объединить все революционные силы, и я согласен с предложением Нины создать «Бюро левых советских партий». Но прежде всего надо создать основу этого объединения — партийные организации. Нужно восстановить местную организацию большевиков. Без крепкого сплоченного большевистского ядра руководить строительством новой советской жизни нельзя. Надо организоваться и другим левым партиям. А поэтому давайте, не откладывая, здесь же, на собрании, оформим наши партийные организации и установим связь с крайними партийными органами. Предлагаю немедленно провести регистрацию по партиям, а затем избрать бюро.

Предложение мое поддержали многие. Нина Лебедева также не возражала против него, но настояла на том, чтобы сейчас же избрать бюро из трех товарищей, а регистрацию по партиям провести после собрания.

Десятки голосов назвали в состав бюро кандидатуру Бунина, хотя на собрании он не присутствовал. Было ясно, что Бунин пользуется авторитетом. Выдвинули также в бюро кандидатуры Лебедевой, Железина, Ауссема,

Оцевилли и мою. По большинству голосов в бюро прошли Бунин, Лебедева и я.

Большинство в бюро оказывалось у большевиков. Анархисты и левые эсеры, в первую очередь Лебедева и Оцевилли, не ожидали таких результатов. Но их растерянность еще увеличилась, когда в конце собрания на сцене появились три стола, и Лебедева, Оцевилли и Днепропетровский приступили к регистрации присутствующих по партиям. Возле моего стола выстроилась огромная — свыше ста человек — очередь. У стола Оцевилли толпилась небольшая кучка анархистов. Десятка полтора левых эсеров выстроилось возле стола Лебедевой.

Партизаны — старые и молодые, рабочие, охотники, рыбаки — составили большевистскую очередь; потребовалось свыше двух часов, чтобы закончить их регистрацию.

— Конечно, они еще далеко не все большевики, — говорил я Ауссему, возвращаясь в общежитие. — Но во всяком случае это основа для восстановления партийной организации.

— Да, — согласился Ауссем.

Первое заседание Бюро, по договоренности с Лебедевой, назначалось в тот же день на 6 часов вечера. Когда я пришел, Бунин уже оказался на месте. Он был ниже среднего роста, плотный, с огромной копной волос. Несмотря на молодость, на лице его резко обозначились морщины — результат царской и колчаковской тюрем. Еще совсем юношей Самуил Маркович Бунин, сын рабочего белорусского местечка, вошел в группу боевиков. Потом его арестовали и присудили к десяти годам заключения, большую часть которых он провел в Псковской тюрьме. После февральской революции и освобождения из тюрьмы в марте 1917 года Бунин появился в Николаевске-на-Амуре и вскоре здесь женился.

Марксистом Бунин стал в первые годы пребывания в царской тюрьме. По прибытии в Николаевск он вступил в партию большевиков и, как сформировавшийся марксист, стал лидером местных большевиков, ведя активную борьбу с эсерами и меньшевиками. После свержения Советской власти Бунин скрывался в районе Николаевска, но его арестовали и бросили в колчаковскую тюрьму. Здесь, находясь все время между жизнью и смертью, незадолго до освобождения города, он серьезно заболел;

Бунина поместили в госпиталь, и это спасло его от расправы, совершенной белогвардейцами над советскими и партийными работниками перед вступлением партизан в город.

С первых же слов мы поняли, что оба стоим на одинаковой позиции и трезво оцениваем сложившуюся обстановку.

Прошло уже более часа, а Лебедева все еще не появлялась.

— Она и не придет, — заключил Бунин и засмеялся тоненьким, трескучим смешком.

— Почему?

— Тряпицын запретил, особенно, когда узнал, что я вошел в Бюро и большевики в нем преобладают. Они решили саботировать Бюро.

— А что у тебя с нею произошло на собрании в реальном училище? — полюбопытствовал я.

— Поцапались. Они не признают необходимости создания на Дальнем Востоке временной буферной власти. Не признают и, по своему скудоумию, объявляют нас соглашателями, земцами, чуть ли не предателями. Типичные мелкобуржуазные революционеры!.. Они ничего не понимают в сложившейся обстановке, не понимают, что Советской России нужна передышка, нужно всемерно избежать войны с Японией. Теперь Нина кроет всюду: Бунин соглашатель. Наговорила Тряпицыну и он ранее, до ее приезда в Николаевск, советовавший со мной по разным вопросам, — сейчас почти не здороваается. Вредная женщина, типичная эсерка.

— Ну и пусть саботируют.. Мы будем рассматривать себя как временное бюро большевиков. Ведь на собрании в Народном доме подавляющее большинство составляли большевики и сочувствующие, они нас избрали. Возьми на себя обязанности председателя бюро, а я буду секретарем, — предложил я.

— Пускай будет так, — отозвался Бунин. — Сейчас важно сколотить партийную группу среди делегатов, чтобы руководство съездом взять в свои руки и избрать большевистский исполком.

— Правильно, — согласился я. — Вот скоро появится из Керби Будрин со своим полком, там много хороших, большевистски настроенных партизан, на них можно положиться.

— Будрина знаю, — хороший, надежный товарищ... Есть здесь еще артиллерист, бывший подпрапорщик Бодреев. Среди партизан-артиллеристов пользуется авторитетом и сочувствует большевикам.

— Он сегодня на собрании записался к нам, — вспомнил я и подробно рассказал Бунину, что произошло на собрании. Над провалом левых эсеров и анархистов, особенно при записи в партии, мы много смеялись.

Из Народного дома вышли вместе. Я спросил:

— А что ты думаешь о начальнике штаба Наумове? Можно ли на него положиться и противопоставить по военной линии Тряпицыну?

— На мой взгляд, надежный товарищ, но надо приглядеться к нему на съезде.

Мы разошлись. Но прежде чем вернуться к себе, в общежитие, я решил направиться в штаб и увидеть Лебедеву. «Надо выяснить, почему не пришла?».

Лебедева оказалась там. Она сидела за столом Лихова и что-то быстро набрасывала в блокнот.

— Ты, Степан, извини меня, что не смогла прийти на бюро, — заявила она. — Вот заставили готовить тезисы к докладу на съезде по «текущему моменту» и теперь страшно занята.

— Мы долго тебя ждали... Когда же соберемся?

— До съезда вряд ли, вот разве после открытия съезда.

Я промолчал и, не задерживаясь, собрался уходить. Нина остановила меня:

— Да, Днепровский, завтра вечером в штабе состоится банкет, на который приглашено японское командование. Приходите — ты и Ауссем — как представители Советской власти крупных районов области... Представь себе, японские офицеры, особенно поручик Цукомато и переводчик Кавамура, часто посещают штаб. Они и навели Тряпицына на мысль, что неплохо бы поближе познакомиться с майором Исикава, очень хорошим, как они говорят, человеком. Отсюда и возникла идея устройства банкета.

— Передам Ауссему, — сухо сказал я. — Но не затевают ли что-нибудь японцы?.. Надо ухо держать остро.

Лебедева промолчала, я ушел.

Банкет состоялся вечером в помещении партизанского штаба. Кроме штабных работников, на банкет пришли

некоторые командиры партизанских отрядов, кое-кто из делегатов съезда, а также Железны, Комаров и другие. Командование японского гарнизона представлял Исикава. Присутствовал и японский консул.

Исикава — маленький, толстенький, со слезящимися глазами-щелочками — беспрестанно ухмылялся, показывая тем самым свое «особое расположение» к красному командованию.

Разговоры вначале не налаживались. Все чего-то ждали. В соседней, самой большой комнате штаба, уже был накрыт стол, густо уставленный закусками и винами из «подвала» наркомпрода Деда-Пономарева. Но вот начштаба Наумов попросил гостей пожаловать к столу. Все оживилось, и первоначальная натянутость исчезла. Усаживались за стол шумно, соблюдая долг вежливости и гостеприимства: против каждого гостя-японца размещались красные командиры, по старшинству. Поскольку своих людей присутствовало значительно больше, чем гостей, то в качестве визави у японцев оказались лишь старшие командиры.

Особым вниманием японцев пользовалась Лебедева — единственная среди присутствующих женщина-партизанка. На ней был, как и во время собрания, хорошего покроя костюм и серебряный дротик на поясе. Ее одежда резко выделялась среди остальной пестрой массы одежд. Напротив нее усадили молодого, самого «представительного» и «красивого» поручика Цукомато. Тот долго пытался что-то объяснить, но так коверкал русские слова, что понять его было трудно. Можно было лишь догадаться, что японцы недовольны партизанами-лыжниками. Наконец, под общий смех Цукомато с помощью переводчика Кавамуры выразил свое мнение о наших лыжниках:

— Е-та, русска, партисана, доска-а, доска-а, ходи-худо-о, худо-о...

— А почему ваши солдаты не станут на такие же доски? — смеясь, спросил Наумов.

— Ни могу-ут, ни могу-ут, Япония снег-у нэт, — через того же Кавамуру разъяснил уже сам Исикава и расплылся в улыбке.

— Да, долго не забудут они штурма Чнырраха и наших лыжников в то метельное февральское утро, — вполголоса заметил коменданту города Комарову его сосед.

— Будут помнить. А насчет «доска ходи» — они теперь практикуются. Сам на днях видел, как два японских солдата упражнялись возле каменных казарм: пытались на каких-то дощечках передвигаться по снегу. Ну и, конечно, — кубарем в снег, — рассказал также вполголоса Комаров.

Сидевшие рядом засмеялись; засмеялись также и японцы.

Первый тост был предложен Наумовым за нерушимость мирного договора. Крепкое вино, заготовленное впрок местными купцами для офицерства, сразу же подействовало: начались громкие, веселые разговоры.

Майор Исикава через переводчика Кавамуру подал знак, что хочет предложить тост от себя. Все стихли.

— Наша начальника, господин майор пьет вино за красно-о войско-о и красно-о командиро-о, — разъяснил Кавамура.

Захмелевшие люди шумно аплодировали. Исикава заметно раскисал, на лбу у него выступил пот. Но консул сдерживался, пил мало. Зато не стесняли себя поручики Цукомато и Ковомото. Изрядно выпивший, Цукомато нацепил на рукав заранее приготовленную красную повязку и, потрясая рукой, выпалил:

— Моя тозо-о красно-о бурсовико-о. Наш Микадо-о тозо-о бурсовико-о. Пью здоровье Микадо-о — первый самурай.

В зале гоготали. Сам Цукомато, встречая одобрительный взгляд своего подвыпившего начальника, громко смеялся: он был доволен, что удачно сострил.

Но многие японские офицеры и консул сдерживались. Попросили что-нибудь спеть. Один из партизанских командиров запел «Ермака» — любимую песню партизан. Другие дружно подхватили. Песня, видимо, нравилась гостям.

Тряпицын неожиданно спросил Исикаву:

— Ходят слухи, что в Хабаровске японцы намереваются выступить против красных. Известно ли это вам, господин майор?

Кавамура перевел. Озадаченный Исикава о чем-то пошушукался с консулом. Отвечал последний:

— Нашему командованию ничего неизвестно!

— Когда же станет известно? — любопытствовал Наумов.

— Когда будет известно — неизвестно, — последовал ответ того же консула, вызвавший бурный смех присутствующих, включая и самого консула.

Было за полночь. Японцы ушли с банкета. Ушли кое-кто и из своих, но многие остались в штабе, продолжая уже выпивать без меры. Шумно пели, плясали. Наутро долго отсыпались тут же, в штабе.

...Бунин, я и другие большевики в последние часы перед открытием съезда много беседовали с делегатами из числа главным образом записавшихся в большевистскую партию. Мы говорили об организации работы съезда, о президиуме и других вопросах. Сколачивалась группа большевиков. В председатели съезда наметили Бунина.

Договорились мы и о том, чтобы поделить между собой роли: Бунин выступит по текущему моменту, я — по вопросу о продовольственном снабжении — третьем пункте повестки дня.

Глава шестая

ПРЕДАТЕЛЬСКОЕ НАПАДЕНИЕ

I

В канун открытия съезда я спешил в штаб, намереваясь там заночевать и закончить тезисы к своему выступлению. «В общежитии тесно, шумно и неудобно, а в штабе все еще отсыплются после банкета; там будет покойнее», — думал я, направляясь по главной улице.

Было около десяти часов вечера. Кругом стояла ночная темь, только посередине улицы едва поблескивал притоптанный снег. Недалеко от штаба меня обогнал крупный вооруженный японский отряд, направлявшийся к кварталу Симата. Это меня обеспокоило: «Почему их так много, не нарушают ли условий мирного договора? Ведь японские солдаты не должны передвигаться крупными отрядами, им разрешен лишь небольшой караул для квартала Симата».

У лестницы, при входе в штаб, дремал стоявший на часах партизан. Я дернул его за руку; он встрепенулся:

— Задумался маленько...

— Так все продремлешь, товарищ... Видишь, японцы крупными отрядами проходят по улице. У них часовые не спят на карауле, — сказал я и прошел в помещение.

В штабе царили тишина и спокойствие. Я зашел в комнату агитотдела. Там никого не было и даже дверь оказалась не закрытой. «Как же это так?» — думал я, усаживаясь за стол. Но работа не подвигалась. Мне было не по себе: поражала беспечность штабных работников, удивляло загадочное поведение японцев на банкете, тревожил переход крупного японского вооруженного отряда.

Пришел Вадимов, который, оказалось, искал меня в общежитии:

— Пойдем, Степан Петрович, в контору Центросоюза; она совсем рядом. Григорович и Оболенский ждут тебя к ужину, а работу закончишь потом.

Григоровича — управляющего местной конторой Центросоюза и Оболенского — инструктора Центросоюза я хорошо знал по Сибири и давно хотел с ними встретиться. И я охотно согласился пойти.

За оживленной беседой и хорошим ужином время пролетело незаметно. Было уже около двух часов ночи. Вдруг вблизи разом загрохотали ружейные выстрелы, застрекотал пулемет, послышались оглушительные разрывы гранат.

Мы немедленно выскочили на улицу. Верхний, деревянный этаж штаба занимался огнем. Со стороны квартала Симада грохотали частые ружейные выстрелы и пулеметные очереди. Это японцы обстреливали штаб и прилегающие к нему подступы. Солдаты противника взбирались с тротуаров на снежные брустверы и перебежали улицу, накапливаясь с обеих сторон настезь открытых ворот штаба. Из разных пунктов города доносилась ружейно-пулеметная стрельба.

Как выяснилось позднее, японцы одновременно начали атаку на основные объекты города — штаб, телеграф, почту, тюрьму и другие важные строения. Дом, где помещался отряд лыжников, горел. Загорелись дома команды полевых орудий и кавалерийского эскадрона.

— Вот тебе и банкет, — вырвалось у меня.

— Просчитаются гады, получат по заслугам, — проговорил Вадимов.

Дворами мы кинулись к находившемуся неподалеку помещению коменданта города. Среди японских выстре-

лов начинала отчетливо слышаться ответная ружейно-пулеметная стрельба. Начали давать отпор партизаны.

В комендатуре все находились на ногах. Сюда уже стекались одиночками и мелкими группами партизаны, но среди них было мало командиров. Многие из руководителей отрядов поселились по частным квартирам и теперь оказались изолированными, а частично с помощью шпионов захвачены и перебиты японцами.

Готовя внезапное нападение, японское командование, видимо, не придавало серьезного значения городской комендатуре и на этом жестоко просчиталось. Этот пункт стал центром сосредоточения сил по ликвидации провокационного нападения интервентов. Несмотря на то, что комендатура находилась от штаба всего лишь на расстоянии квартала, здесь было спокойно. Подбегавшие партизаны сводились в мелкие отряды. Тут же наиболее активные из них брали на себя командование. Часть партизан заняла позиции с левого фланга против японцев, действующих у штаба, другая группа двинулась в обход квартала Симада для удара с правого фланга, третья группа направлялась к тюрьме, откуда доносилась сильная стрельба.

Общее командование против японцев принял на себя комендант города Анатолий Комаров. Мы с группой бойцов, вооружившись винтовками, берданами, винчестерами, заняли линию обороны вдоль тротуара, ведущего к штабу. Пламя, охватившее верхний этаж штаба, далеко освещало вокруг. Возле угла квартала Симада отчетливо вырисовывались японские солдаты. Их обстреливали партизаны, занявшие линию обороны у дома коменданта. Удалось снять несколько неприятельских солдат, пытавшихся перебежать улицу. И хотя японцы немедленно открыли усиленный ответный огонь, настроение наше поднялось.

Внезапное, ничем не вызванное нападение интервентов, после того как по их же просьбе был подписан мирный договор, вызвало небывалое озлобление к врагу. В комендатуру непрерывно подходили уже организованные отряды партизан и стекались со всех сторон вооруженные рабочие города. Вскоре наши отряды с боем начали продвигаться тротуарами, представлявшими глубокие траншеи в снегу, к горевшему штабу. Японцы усилили стрельбу из домов квартала Симада.

Позже выяснилось, что с первого же дня, как только партизаны вступили в город, оккупанты накапливали здесь своих солдат, оставляя всякий раз часть сменяемого караула. Отсюда-то и организовали они нападение.

Пули свистели над головами перебежавших улицу партизан. Но негодование против коварного врага было так велико, что люди, забыв о страхе, неся потери, пробивались вперед, постепенно отжимая японцев от горящего штаба.

Меня и Вадимова вызвал Комаров.

— Помогите мне по формированию и расстановке вооруженных сил, — предложил комендант.

— Хорошо, товарищ Комаров... А что с товарищами в штабе? — спросил Вадимов.

— Меры приняты. Послал надежных людей... Проникнут к штабу и выяснят. Жду с минуты на минуту известий, — ответил Комаров.

Между тем события в штабе развертывались следующим образом.

После банкета работники штаба в эту трагическую ночь погрузились в крепкий сон. Его нарушил грохот разорвавшейся гранаты в большой комнате, где, кстати, никого не было. За первой гранатой последовала вторая, затем третья и частые пулеметные очереди с улицы.

Вскочивший с постели Тряпицын бросился к телефону, непосредственно связывавшему штаб с казармой первого полка.

— Говорит Тряпицын, на нас напали японцы. Спешите на выручку.

Ответили сразу же.

— Вот гады, сейчас доложу командиру, — произнес в телефон голос, повидимому, дежурного.

— Торопитесь, постарайтесь не пустить к тюрьме...

Расслышать ответ Тряпицын не успел. Осколком разорвавшейся в этот момент гранаты он был ранен в ногу. Телефонный аппарат разлетелся вдребезги. Брошенной в окно зажигательной ракетой японцы подожгли помещение изнутри. Огонь быстро охватывал верхний этаж.

Казалось, все погибло. Секретарь штаба Черный-Покровский и его помощник Деулин, растерявшись от неожиданности и не находя выхода, застрелились.

Начальник штаба Наумов, в надежде пробиться к своим, выбросился через окно со второго этажа на снег, но

тут же был подхвачен на японские штыки и, смертельно раненный, остался лежать на снегу.

Выход, однако, был. Партизан, стоявший на карауле, внизу, успел закрыть на засов парадную дверь и выскочить на площадку верхнего этажа. Был свободен и спуск в нижний этаж. Тряпицын, несмотря на ранение, не растерялся и заставил остальных людей сбежать черным ходом в нижний каменный этаж дома к двери, выходящей во двор.

Захлебываясь дымом, люди прорывались через пылающие комнаты и спускались вниз. Наружная дверь располагалась с левой стороны дома, вблизи ворот, которые оказались открытыми настежь. Напротив, в пяти-шести метрах, находилась китайская лавчонка, по какой-то счастливой случайности с не закрытым на ставень окном. Мгновенно созрел план — быстро перебежать проход, ведущий к внешним воротам, и прыгать в окно лавчонки, почти касавшееся подоконником земли. Но, когда стали открывать дверь, оказалось, что японцы уже держали ее на прицеле. Полагая, что люди будут пробиваться или в ворота, или во внутреннюю часть двора, они выставили там свои заслоны; лишь огонь, охвативший здание, вынуждал их держаться несколько поодаль.

— Приоткройте дверь и стреляйте разом по воротам, — приказал командир двум партизанам из состава караула. — А ты, Сергей, — назвал он по имени партизана Глушакова, человека смелого и большой физической силы, — высади окно головой и занимай лавку... Потом начнем перебежку по одному... Будем проскакать в окно.

— Есть, товарищ командир, — и Глушаков приготовился к опасному прыжку, крепко стиснув в руке наган.

Дверь приоткрыли, и сразу же последовали два винтовочных выстрела по вражеским солдатам, стоявшим на изготовке у ворот. Выстрелы заставили японцев рассыпаться по обе стороны. Они ждали, что красные побегут именно через ворота: внутренняя часть двора простреливалась японцами из дома Симата и с бокового тротуара.

Вслед за первыми выстрелами дверь широко распахнулась. Глушаков, ожидавший этого момента, мгновенно проскочил небольшое пространство, разделявшее штаб и лавчонку, и изо всей силы ударил головой в окно. Раздался треск разбитой рамы и звон падающих стекол.

Нападавшие сообразили, в чем дело, но было поздно; их выстрелы били мимо цели, так как Глушаков уже находился под защитой стены. Поняв свою ошибку, японцы взяли под сильный обстрел проход между лавчонкой и штабом. Положение партизан, захопнутых в штабе, стало еще более критическим. Вспыхнула деревянная лестница, огонь подбирался все ближе и ближе.

— Беги, Нина, — обратился Тряпицын к Лебедевой, — а я после поскоачу, мешает рана.

Только теперь присутствовавшие заметили, что из правой ноги у него течет кровь.

— Давай перевяжу.

— Потом, в лавчонке. Может быть, убьют, а время потеряем. Беги сию же минуту, — крикнул он.

Лебедева, приготовясь, согнулась подобно кошке.

Снова выстрел по японцам, и снова прыжок. Враги ответили частой стрельбой, но промазали. Лебедева была уже за окном.

Оставшиеся партизаны настояли, чтобы следом бежал Тряпицын. Он выстрелил из маузера в японцев и медленно прохромал к окну лавчонки. Японцы его обстреляли, и он упал на подоконник. Глушаков и Лебедева рывком втащили его в помещение. Вторично раненный в ту же ногу, Тряпицын самостоятельно двигаться уже не мог. Глушаков снял с себя нижнюю рубашку и вместе с Лебедевой стали делать перевязку раненому командиру.

Тем временем перебежка продолжалась, но под еще более сильным обстрелом. Дорога к окну стала дорогой смерти, но теплился еще луч надежды на спасение...

Сзади подбирался огонь. Дым спирал дыханье. Люди перебегали, уже не отстреливаясь.

Фельдшер Яков Петров не успел добежать — пуля настигла его у самого окна, и он упал смертельно раненный. Та же участь постигла учителя Антона Коростина, Анастасию Шабалевскую, Марию Брешеву и еще нескольких товарищей.

Теперь уже у лавчонки образовалась груда трупов, но люди продолжали бежать к окну. Счастливым удавалось проскочить смертельную полосу и остаться невредимыми или же отделаться ранением. Успешно преодолел проход Лихов. Когда перебежка закончилась и подсчитали людей, то оказалось, что около половины их полегли на пути к лавчонке...

Японцы со стороны улицы немедленно запалили и это помещение. Подступить вплотную к лавчонке или поджечь ее со двора они не могли — мешал огонь. В это время партизаны, контратаковавшие со стороны комендатуры, открыли усиленный обстрел японцев, скопившихся у дома Симада.

Под ружейным огнем оказались и японцы, занимавшие боковую улицу возле штаба. Сюда дворами просачивались партизаны и, группируясь за заборами и снежным бруствером, постепенно отжимали противника от штаба обратно к кварталу Симада. Ночной бой становился ожесточенным.

...Густой едкий дым заполнял лавку, показались язычки пламени. Чтобы не сгореть заживо или не задохнуться от чада, уцелевшие люди бросились во двор. Всех раненных, в том числе и командира, они сумели захватить с собой. Дальше помог глубокий снег, в котором они и укрылись.

Наступило раннее утро. Прорвавшиеся во двор штаба партизаны обнаружили в снегу всех спасшихся. Через несколько минут дворами их доставили в помещение комендатуры. Туда же перенесли Тряпицына и других раненых. Немного позже бойцы подобрали и доставили в городскую больницу исколотого штыками начальника штаба Наумова. Не приходя в сознание, через сутки Наумов умер...

Японцев окончательно оттеснили от штаба обратно в квартал Симада. Отсюда, из заранее подготовленных в домах и сараях блиндажей, они вели жестокий огонь по наседавшим со всех сторон партизанам, причиняя им значительный урон. Но натиск партизан был поистине героическим: не щадя жизни, они бесстрашно взбирались с тротуаров на снежный вал и во весь рост с возгласом «ура» устремлялись на врага.

Вскоре квартал Симада со всех сторон был окружен партизанами.

В других пунктах солдаты противника также превратились из атакующих в атакуемых. Постепенно и там изолировались друг от друга группы японских солдат, напавших на почту, телеграф, милицию, гарнизонное собра-

ние, казарму артиллеристов. Поэтому квартал Симада, где засела значительная часть вражеских сил, не мог рассчитывать на поддержку. Несмотря на хорошие укрытия, численность японских стрелков под перекрестным огнем партизан таяла, о чем можно было судить по ослаблению неприятельских выстрелов. Плотность же партизанского огня все нарастала. Несмотря на потери, ряды красных бойцов росли за счет все прибывающих и прибывающих подкреплений. Поднимался боевой дух, развязывалась партизанская находчивость и инициатива.

Продолжавшийся весь день бой закончился к вечеру полным истреблением засевшего в окруженном квартале Симада неприятеля. Там оказалось свыше двухсот человек и среди них сам начальник отряда — майор Исикава. Под конец с горсткой солдат Исикава, крича «банзай», выскочил из ворот и попытался забраться на снежный барьер, отделявший тротуар, но в ту же минуту партизанские пули прошли грудь японского майора. Такая же участь постигла и остальных его солдат.

В этот же день были окружены и ликвидированы отряды интервентов в районе почты, телеграфа, милиции, гарнизонного собрания, а также в районе артиллерийской казармы и вблизи тюрьмы.

Борьба в направлении тюрьмы носила особо ожесточенный характер. Напав врасплох, японцы здесь вначале имели успех. Они перебили почти всех артиллеристов, находившихся в казарме, стоявшей на пути к тюрьме. Спаслись немногие, сумевшие выскочить в окна.

Захватив казарму, японцы двинулись дальше. Они рассчитывали освободить находившихся в тюрьме бело-гвардейцев с тем, чтобы использовать их как живую силу в боях с красными. Однако продвижение японцев было остановлено партизанами, успевшими быстро сосредоточиться вблизи тюрьмы; казармы партизан находились неподалеку. Сначала японцев здесь сдержали, затем охватили с флангов и изолировали от других. К исходу дня вся эта группа была уничтожена.

Наиболее крупному вражескому отряду удалось захватить район реального училища и японского консульства. Реальное училище располагалось в северо-восточной части города; японское консульство — ближе к центру, к берегу Амура. Восточнее от этих зданий находились каменные казармы — место сосредоточения японских войск по

мирному договору. Партизан в этом районе было немного, захваченные врасплох, они не смогли сразу же оказать сколько-нибудь значительное сопротивление. Часть бойцов поодиночке отходила к деревне Личи и там накапливалась, другие засели небольшими группами в окраинных домах и оттуда вели стрельбу по врагу. Среди них находились многие участники областного съезда. Значительная часть ночевавших в общежитии делегатов не имела оружия и при первых японских выстрелах эвакуировалась в деревню Личи.

Казалось, японцы в этом районе прочно закрепились и вот начнут наступление к центру города, чтобы помочь остальным своим отрядам. Но ночью в деревню Личи прибыл наш Амгуно-Кербинский партизанский полк под командованием И. А. Будрина. На рассвете, лишь только стало известно от прибывших сюда делегатов о японском нападении, будринцы вступили в бой. Хорошая, организованная часть, в которой имелось немало рабочих-горняков, закаленных в прошлых партизанских битвах, она сразу же повела энергичную атаку. Японцы не ждали удара и вынуждены были откатиться. Будринцы вклинились и, разделив противника на две части, оттеснили одну к каменным казармам, других — к японскому консульству. Создалось, таким образом, и здесь два совершенно изолированных очага.

Каменные казармы дали надежную защиту для отступивших туда японцев, для наступающих же они стали большим препятствием, хотя число атакующих партизан в течение всего дня непрерывно увеличивалось. По мере ликвидации вражеских групп у почты, милиции и у других пунктов сюда стекались освободившиеся бойцы.

Немалая трудность возникла и в районе японского консульства. Пребывание здесь консула по рукам и ногам связывало партизан: личность дипломатической персоны по международному праву является неприкосновенной. С этим партизаны очень считались. И хотя вражеские солдаты вели из здания консульства сильный огонь, окружившие их плотным кольцом партизаны почти не стреляли.

К исходу первого дня боя не ликвидированными оставались отряды противника, засевшие в консульстве и каменных казармах. В районе каменных казарм всю ночь шла интенсивная перестрелка. Партизанами здесь коман-

довал коммунист Мизин. Ночь у здания консульства прошла спокойно. Утром отсюда японцы снова повели обстрел партизанских позиций. Но партизаны на вражеские выстрелы попрежнему не отвечали.

Будрин, командовавший этим участком, обратился в штаб за указаниями.

— Выслать парламентаря, консула нужно спасти, — приказал партизанский штаб.

Воспользовавшись моментом, когда японцы прекратили стрельбу, парламентар красных, выйдя за снежный бруствер, двинулся к дому консула, в правой руке он высоко держал белый флаг. Но лишь стоило ему несколько приблизиться к консульству, как японцы его обстреляли. Флаг дрогнул и свалился в снег.

Стало ясно, что для интервентов не существует никаких международных норм, а сдаваться они не желают. Надо было видеть ненависть и озлобление партизан, когда на их глазах был обстрелян и ранен их товарищ — советский парламентар. Бойцы требовали от командиров разрешить штурмом захватить консульство. Раз враг не сдается и на добрые намерения отвечает злодейством — с ним нужно покончить!

Вероломство японского командования вызвало негодование партизанского штаба. Оттуда последовал приказ — консульство захватить, но принять меры к тому, чтобы самого консула и его семью взять живыми и, таким образом, спасти их. Не ожидая помощи со стороны своей артиллерии, партизаны с криком «ура» бросились на штурм здания, но, встреченные пулеметным огнем, вынуждены были залечь. А так как день клонился к вечеру, то во избежание лишней потери решено было дожидаться наступления темноты.

Вскоре из раскрытых настежь ворот консульства вскочили два японских унтер-офицера.

— Идут сдаваться, — сказал кто-то из партизан.

— Не верь им, опять хотят что-нибудь выкинуть, — ответил другой.

Во всяком случае по ним не стреляли и ждали, что будет дальше.

Но что это? Оба японца неожиданно вскочили на снежный бруствер. В руках у того и другого блеснули кинжалы. Распахнув шубы, они тотчас же, на глазах у оторопевших партизан, вспороли себе животы. Это озна-

чало, что они совершают над собой «харакири», умирая как самураи.

— Туда вам и дорога, — ругались возмущенные партизаны.

Не прошло и четверти часа после «харакири», как в консульстве раздался оглушительный взрыв. Дым и пламя немедленно охватили все здание. Очевидно, кто-то из японских руководителей, увидя всю безнадежность своей авантюры, решил не оставлять свидетелей. Он или они взорвали здание изнутри, похоронив там и всю консульскую семью вместе с самим консулом.

— Ну что ж, меньше возни будет и меньше прольем крови, — буркнул Будрин. И, оставив вокруг горящего консульства караул, приказал остальным партизанам идти на ликвидацию врага, сидевшего в каменных казармах.

Теперь это был последний и наиболее сильный очаг неприятельского сопротивления. Борьба за его ликвидацию перешла на третий день. Становилось ясно, что, не имея настоящей артиллерийской поддержки, без больших жертв казармы не взять. Итти же на крупные людские потери, когда победа была уже совсем в руках, — не имело смысла.

По вражеской позиции уже стреляли из орудий крепости Чныррах. Но стрельба была неточной — снаряды валились то далеко впереди неприятеля, то не долетали.

— Хотя лучшие артиллеристы у нас перебиты японцами, надо все же поискать, — подсказал я Комарову.

Назвали как хорошего артиллериста Бодреева. Но никто не знал, где он; на всякий случай послали его найти.

Неожиданно в штабе появился Лапта, командир одного из отрядов лыжников, слышавший за удалого, неустрашимого человека.¹ В обеих руках он держал по нагану и подталкивал впереди себя небольшого человека, в чер-

¹ На самом же деле это был предатель и провокатор. Вместе с партийными и советскими работниками его в 1919 году в Хабаровске захватили калмыковцы и посадили в «вагон смерти». Спасая собственную шкуру, Лапта выдал товарищей, членов подпольной организации большевиков (Бориса Жданова, Якова Лупенко и других), а затем активно помогал контрразведке на допросах их. Калмыковцы освободили Лапту от заключения. Во время движения партизан на Николаевск он втерся в отряд Тряпицына и вошел в доверие последнего. Позже как опытный лыжник — командир

ном овчинном полушубке, беличьей шапке и черных валенках.

— Вот поймал гада Аноку, — процедил Лапта сдавленным, простуженным голосом.

Анока — подпрапорщик старой армии, заядлый белогвардеец, не раз лично порол и расстреливал арестованных большевиков. Его усиленно искали после занятия города, но не нашли. Как выяснилось, Анока скрывался все время в японском штабе; интервенты, вопреки соглашению, укрыли его у себя, очевидно, рассчитывая при случае выгодно использовать этого матерого врага. Помимо черной славы карателя, у Аноки были данные замечательного артиллериста, и это многие знали. Когда Комарову доложили о пойманном белогвардейце, тот немедленно потребовал его к себе:

— Ты, Анока, артиллерист?

— Да.

— Так вот, Анока, хотя тебя надо сейчас же, как гада, уничтожить, но если попадешь из орудия в японскую казарму, то будешь жить... Понял?

Перепугавшийся каратель согласился служить партизанам, и его увели.

3

После смерти Наумова начальником штаба очутилась эсерка Лебедева. Так было угодно Тряпицыну, и он сделал свой выбор, ни капли не смущаясь, что та ничего не понимала в военном деле.

Как начальника штаба Лебедеву вызвали из Хабаровска по прямому проводу.

Там уже знали о событиях в Николаевске, очень волновались и хотели получить подробную информацию.

В связи с этим небезинтересно привести запись разговора Лебедевой с представителем Хабаровского военно-революционного штаба Гейцманом.

Лыжного отряда — проявил себя, особенно при взятии крепости Чныррах.

Во время попыток японцев продвинуться к тюрьме Лапта, несомненно с провокационной целью, пробрался со своими молодчиками в тюрьму и уничтожил там почти всех заключенных. Анархисты и левые эсеры прославляли его за «находчивость». О том, что Лапта палач и предатель, — стало известно позже.

Гейцман. Здравствуйте, дорогой товарищ Нина, и позвольте вместе с тем резать правду-мать. Весь Хабаровск уже второй день знает о выступлении. Сегодня официально об этом нам говорил японский консул... Исполком нашел необходимым подтвердить, что ему известно о каком-то конфликте у вас. Сегодня пригласил генерала Ямада¹ сообщить подробности и принять меры с обеих сторон, дабы остановить бесполезное кровопролитие. Со своей стороны исполком просит вас, товарищи, убедительно, если только нет крайней нужды, остановить бой при первом к тому предложении со стороны японских войск... Мы можем отсюда заставить генерала Ямада немедленно дать распоряжение о прекращении всяких боевых действий со стороны их войск. Ответьте, согласны ли вы остановить боевые действия, если об этом у вас попросят японцы в Николаевске?

Лебедева. Мы были бы безусловно на это согласны, если бы к этому представлялась возможность, но теперь уже поздно. Японцы уже почти все уничтожены, осталась небольшая группа, несколько десятков человек, которая засела в трех домах и ожесточенно отстреливается. Желания начать мирные переговоры они не обнаруживают, и мы не можем сделать им никакого предложения, хотя бы и хотели. Делайте, что вам представляется возможным, и передавайте нам.

Гейцман. Два вопроса: вы обещаете ли немедленно прекратить боевые действия против них и передать им каким-нибудь путем распоряжение генерала Ямада о прекращении с их стороны боевых действий, если консульский корпус в Николаевске не передаст им, японцам, приказ Ямада?

Второй вопрос: кому принадлежит инициатива выступления и чем оно вызвано?

Лебедева. Инициатива выступления принадлежит японцам; с нашей стороны ничем вызвано не было и получилось для нас совершенно неожиданно.

Передайте по телеграфу распоряжения Ямада, мы постараемся передать его японцам, но прекратить боевые действия до передачи им этого распоряжения и их ответа не можем, так как это совершенно невозможно, ибо это

¹ Японский командующий в Хабаровске, ему подчинялись все части, находившиеся в Николаевске-на-Амуре.

значило бы, что мы должны не отвечать на их стрельбу и дать им возможность захватить город, или, во всяком случае, дать им укрепиться в том или другом районе.

Гейцман. Хорошо, Нина, отсюда едем к Ямада и постараемся немедленно сообщить вам результаты наших с ним переговоров.

После встречи с генералом Ямада разговор между Хабаровском и Николаевском продолжился.

Гейцман. Написал две записки о результате переговоров с Ямадой. Я должен уйти по экстренному делу, а записку вам передаст товарищ. Я вернусь к вашему ответу. Согласны?

Лебедева. Хорошо, пусть передают запиской, а вы поторопитесь вернуться скорее, а то к моменту вашего прихода может не остаться ни одного японца. За ночь их почти кончили. Осталось в одной казарме тридцать человек.

Гейцман. Передаю вам результаты переговоров с Ямадой. Он согласен отдать японским войскам в Николаевске следующий приказ: «Николаевским войскам, находящимся в Николаевске под моей командой, приказываю немедленно прекратить боевые действия и вступить в мирные переговоры, если противник изъявит к тому согласие. Бой в Николаевске не может иметь значения для Японии, потому не следует чинить бесполезное кровопролитие».

Объясняю, что такой приказ отдать он согласен при условии, если ему предоставят возможность говорить японской азбукой, непосредственно японскому телеграфисту, который находится у японского консула. Согласны ли вы вызвать телеграфиста, дабы принять непосредственно? Ответьте...

Лебедева. На вашу записку о желании японского командования передать приказ японским войскам гор. Николаевска путем переговоров японской азбукой и с японским телеграфистом должна сообщить следующее: японское консульство с консулом и телеграфистами сгорело и достать телеграфиста японского негде. Если Ямада согласится передать приказ на русском языке, то мы не знаем, удастся ли вручить его японцам. Повторяю, что осталась маленькая группа японцев, засевших в одной казарме, подойти к которой парламентарю не представляется возможности. Сообщите Ямада о положении и судите, что

можно сделать? Наше мнение таково, что уже поздно. Самое более, чего достигнет приказ Ямада, — это, что указанные человек тридцать японцев останутся живы. Остальные все, включая и частных лиц «мирных» граждан японского населения, уничтожены, ибо также принимали участие в выступлении японцев.

Гейцман. Сколько приблизительно убитых со стороны японцев? Есть ли жертвы женщин и детей со стороны японцев и русских тоже? Сообщите численность бывшего японского гарнизона. По возможности скорее восстановите документально ход переговоров с японцами и т. д.

Лебедева. Точных цифр о жертвах со стороны японцев дать сейчас не можем, но их не менее шестисот, так как гарнизон японский исчислялся в одну тысячу человек. Принимая во внимание жертвы со стороны японцев до заключения перемирия и до занятия нами Николаевска, мы полагаем, что в городе их осталось человек семьсот. Жертвы со стороны мирных японских граждан тоже есть ввиду того, что они также взяли за оружие, помогая своим солдатам.

...Тем временем борьба у каменных казарм разгоралась с новой силой. Здесь тоже пробовали склонить противника к сдаче и послали парламентаря с белым флагом. Но неприятельские солдаты его застрелили.

Теперь уже никто больше не думал склонять японцев к сдаче. Готовились к решительному штурму. Со второго залпа из крепостного орудия Анока попал в угол одной из казарм; образовалась большая брешь. Потом последовал еще ряд удачных попаданий. Вслед за точным артиллерийским обстрелом партизаны бросились в атаку на вражеские позиции. Противник сразу же стал сговорчивее: в окне одной из разбитых снарядами казарм появился белый флаг. Сейчас же партизаны приостановили штурм. Начались переговоры, в которых принял участие переводчик Кавамура, ранее находившийся в квартале Симата и сдавший в плен. Неприятелю вручили переданный из Хабаровска на русском языке приказ японского командования: «Прекратить сопротивление».

В казармах было взято в плен сто тридцать четыре японских солдат и офицеров.

Всего в боях со стороны противника участвовало больше тысячи человек, а не семьсот, как сообщала Лебедева Гейцману. Объясняется это тем, что в активных боевых

действиях, кроме солдат японской регулярной армии, принимали участие своевременно не обезвреженные белогвардейцы и так называемые «мирные» японские фотографы, парикмахеры, хозяева прачечных — мужчины и даже женщины.

В эти же дни до конца раскрылась история начальника Николаевского белогвардейского гарнизона карателя Медведева. Произошло это следующим образом.

Крестьяне-рыбаки донесли в штаб, что они заметили пробиравшихся по снежному насту через Амур двух японских солдат и какого-то гражданского, повидимому, русского. Вдогонку им послали лыжников. Завязалась перестрелка, во время которой все трое были убиты. К всеобщему изумлению в русском опознали начальника гарнизона и колчаковского правителя области полковника Медведева, того самого, кто, по уверениям японцев, давно уже покончил жизнь самоубийством.

Оказалось, что, пустив легенду о самоубийстве Медведева и устроив инсценировку его похорон, интервенты обманывали партизанское командование. Все эти дни белогвардеец Медведев скрывался в японском консульстве. Увидя провал японского наступления, он подговорил двух солдат и совершил с ними побег, незадолго до взрыва консульства...

Несмотря на внезапность вражеского нападения, несмотря на ожесточенность боев, потери партизан оказались намного меньше, чем у противника. Они составили убитыми около ста человек и ранеными около двухсот пятидесяти человек.

Во время сражения огромный ущерб понес подожженный японскими зажигательными бомбами город.

Японское вооруженное нападение в Николаевске 12—15 марта 1920 года ничем не вызывалось со стороны красных партизан и их командования. Оно представляло заранее задуманную и увязанную с планами американских империалистов кровавую авантюру против миролюбивого русского народа.

«Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что уже некоторое время до николаевских беспорядков разведывательному бюро американских экспедиционных войск в Сибири было прекрасно известно, что японцы в непродолжительном времени предпримут вооруженное выступление в Восточной Сибири с целью насильственного

захвата Приморской области», — сообщал из Владивостока в марте 1920 года в Вашингтон корреспондент американского телеграфного агентства «Ассошиэтед пресс» Франк Кинг.

Дорогой ценой враг расплатился за свою авантюру: он потерял все свои войска, находившиеся в низовьях Амура.

Взятый в плен японский переводчик Кавамура уверял при допросе, что выступление в Николаевске предпринято майором Исикава на свой страх и риск. Лишь только потому, что Исикава — самурай, не вытерпевший позора поражения своих войск на подступах к Николаевску и стыда за «позорный» мирный договор с красными, только поэтому, якобы был отдан приказ напасть на партизан. Исикаву отговаривали от безумного шага, заранее предвидя поражение, но он будто бы остался непреклонным в своем решении.

Показания Кавамура — чистой выдумка. На самом же деле, так дорого обошедшаяся интервентам николаевская провокация являлась одним из звеньев нового похода международного империализма против Советской России.

Разгром интервентов в Николаевске взбесил империалистов. Японская, американская и прочая реакционная пресса подняла неистовый шум по поводу «николаевской резни». В Японии объявили длительный траур.

Вся эта шумиха потребовалась американским и японским интервентам для борьбы с внутренней оппозицией и для оправдания последовавших, вслед за Николаевском, агрессивных действий японской военщины на Сахалине, во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске и других районах советского Дальнего Востока.

Глава седьмая

НИКОЛАЕВСКИЕ ДНИ

1

Назначенный на 12 марта в Николаевске областной съезд Советов открылся 14 марта, открылся, хотя рядом продолжали стрелять интервенты, засевшие в каменных казармах и не желавшие сдаваться.

Делегаты собирались. Те, кто участвовал в бою, пришли с винтовками и берданами за плечами, обвешанные патронташами, возбужденные, с горящими глазами, пахнущие порохом и гарью пожарниц; другие — те, что были без оружия, — старики и женщины — возвращались из окрестностей Николаевска, где находились во время ликвидации провокационного выступления японских войск.

Вместительный зал и коридор реального училища постепенно наполнялись представителями победившего народа — рабочими и крестьянами с Амура и Амгуни, нивхами-рыбаками и охотниками с острова Сахалина, Шантарских островов и залива Де-Кастри, учителями и другими представителями сельской и городской интеллигенции. Взаимные приветствия и поздравления, оживленные разговоры и шутки — все тонуло в общем радостном шуме.

Враг еще продолжал бешено сопротивляться, но всем было ясно, что его минуты сочтены. Победа глубокой радостью наполняла сердца делегатов.

Открытие съезда назначалось на одиннадцать часов. Но было уже около полудня, когда я вошел в коридор, наполненный делегатами, а заседание еще не открывалось.

— Здравствуй, Мунка, — приветствовал я делегата нивха из далекого сахалинского стойбища, с которым познакомился в предсъездовские дни. — Ну, как воевал?

— Мой не воевал, мой ходил Личи.

— Что, испугался японцев?

— Зачем пугаться? Бердана не было, бердана дома оставил.

— А ты большевик?

— Немносько большевик, немносько меньшевик, — и Мунка, довольный тем, что хорошо сострил, расплылся широкой улыбкой.

Меня обступили делегаты-кербинцы.

— Жив, Степан Петрович, а мы тут всякое передумали. Ушел в ту злополучную ночь и как в воду канул. Решили, что погиб при нападении на штаб, — обнимая, говорил Худяков.

— Как видишь, все в порядке... А где же Василий Иванович? — спросил я, заметив отсутствие Нечаева.

— Нечаев ранен в грудь и находится в больнице. Он сражался у каменных казарм, — с горечью произнес Худяков.

Узнав, что я все время находился при штабе Комарова, руководившего ликвидацией японского нападения, делегаты забросали вопросами:

— Где Тряпицын? Когда кончится бой?

Я кратко рассказал о положении дел и сообщил, что от японского командования из Хабаровска поступил приказ майору Исикава прекратить сопротивление. Группа Исикава к этому времени была ликвидирована. Остались лишь японцы в каменных казармах, но они и близко не подпускают к себе, отказываясь от переговоров.

— Вот ненормальные, — возмутился Сидоров — делегат из Красного Яра на Амгуни.

— Ничего, скоро станут сговорчивей. — И я рассказал об эпизоде с белым подпрапорщиком-артиллеристом Анокой.

В коридоре показался Бунин.

Я напомнил кербинцам-делегатам:

— Товарищи, не забудьте сами и другим накажите: голосовать в председатели съезда за большевика Бунина!

По тому, как делегаты дружески приветствовали Бунина и пожимали ему руку, было ясно, за кого они станут голосовать.

Бунин взял меня под руку, и мы отошли в сторону. Он был явно расстроен и раздражительно говорил:

— Чорт знает, что анархисты творят... Уничтожили почти всех в тюрьме, а теперь кричат об объявлении войны Японии. Победа совсем вскружила голову анархистским молодчикам. Не сомневаюсь, что Лапта и Биценко — приближенные Тряпицына — люди несомненно с темным прошлым, просто бандиты.

— Ты прав. От всей этой накипи нужно побыстрее избавиться. Съезд послужит переломным моментом. Кстати, слышал, что от Хабаровского ревштаба на съезд прибыло два представителя. — И, не получив ответа, я добавил: — Но они, видимо, рядовые работники, особого влияния на работу съезда не окажут... Конечно, если бы не халатность и распушенность, если бы не развесили уши, — все могло бы обернуться иначе: японцы, пожалуй, не рискнули бы на выступление. И хотя (в этом можно не сомневаться!) большинство съезда пойдет за нами.

изолировать авантюристов и дезорганизаторов сразу, видимо, не удастся. Потребуется еще некоторое время, чтобы они сами себя разоблачили в глазах партизан.

Бунин согласился.

— Надо принять все меры, чтобы уже в ходе съезда разъяснить вредность их политики, — заметил он. И, помолчав, спросил: — Говорил ли с Будринным? Какое у него настроение?

— Будрина на съезде пока нет, — ответил я. — Очевидно, он занят ликвидацией остатков еще сопротивляющихся японских войск.

— Надо нам сплотить всю большевистски настроенную часть съезда, — добавил Бунин.

Я рассказал ему о настроениях делегатов с Амгуни.

В комнатах и в коридоре среди отдельных группок делегатов сновали анархисты и левые эсеры, так называемые максималисты, они в чем-то действительно убеждали делегатов. Видимо, агитировали за своих кандидатов в президиум съезда.

В коридоре, у окна, появилась высокая фигура Ауссема. Он только что пришел.

— Пойду, узнаю, чем дышит Ауссем, — сказал я Бунину, но тот в ответ только безнадежно махнул рукой:

— Что с ним говорить, — сума переметная.

Подойдя к Ауссеми, я пожал ему руку.

— Жив, здоров, Отто Карлович?

— Как видишь...

Ответ был холодноват, и я это почувствовал.

— Ты все еще прибаливаешь?

— Да, прихворнул. Но теперь лучше.

— Ну, а как ты оцениваешь уничтожение заключенных в тюрьме Лаптой и другими анархистскими молодчиками? — неожиданно спросил я, желая проверить, с кем пойдет Ауссем.

— Стоит ли говорить? Уничтожен социальный навоз, — ответил тот.

— А я считаю, что это — преднамеренная дискредитация Советской власти перед народными массами!..

Задрезжал звонок, делегатов приглашали занимать места, и они густо повалили из коридора в зал заседания. Не дождавись ни согласия, ни возражения со стороны

Ауссема, я поспешил туда же, рассчитывая занять место в ряду амгуньцев.

Почти весь зал уже был заполнен.

На стульях и скамьях смешались рабочие блузы, крестьянские пиджаки и рубахи, нивхские, пахнущие рыбой халаты и одинокие костюмы городских и сельских интеллигентов. Впервые после разгрома врага собрались полномочные представители народа, чтобы организовать свою рабоче-крестьянскую власть.

Меня громко окликнул Худяков, приглашая сесть рядом на свободное место. Я заметил, что многие из тех, которые записались в Народном доме в партию большевиков, разместились по всему залу среди делегатов. «Хороший признак, — подумал я, — небольшая проведена работа, но и она дает положительные результаты».

От имени временного исполкома и партизанского штаба съезд открыл Лихов. Он поднялся — маленький, еще больше почерневший после пережитых событий. Шум в зале сразу смолк, и наступила тишина. Но в тот же миг раздался оглушительный треск разорвавшегося неподалеку артиллерийского снаряда. От неожиданности многие повскакали со своих мест.

— Спокойно, товарищи!.. Это гостинцы по последним японцам, — пробасил внезапно появившийся усталый, но радостный Будрин.

Крики «ура» и бурные аплодисменты заглушили его последние слова.

— Анока старается, репутацию свою поднимает, — заметил Худяков.

— Товарищи, наш съезд открывается под грохот пушек по японским захватчикам, — начал свое вступительное слово Лихов.

— ...В суровой, кровавой борьбе с врагами мы добыли себе свободу, — заканчивал он свою речь. — Враг пытался было вырвать ее у нас, но руки коротки... Мы и впредь будем также крепко бить, если враги посягнут на нашу землю, на завоевания революции... Я приветствую вас от имени штаба и временного исполкома Сахалинской области и поздравляю с победой над коварными интервентами. Да здравствует Советская власть!

Взрыв аплодисментов снова заполнил весь зал. А когда они смолкли, Лихов предложил почтить память бойцов

и командиров партизан, сложивших свои головы в борьбе за счастье народа.

Делегаты поднялись. Глубокое, скорбное молчание установилось в зале...

Президиум съезда решили избрать из трех человек, но сначала председателя, а затем двух его заместителей. Назвали кандидатов. Первой по списку шла Лебедева, затем Бунин, Лихов, Железин, Днепровский и другие.

Результаты первого же голосования кое для кого оказались неожиданными. Оно дало огромный перевес Бунину; по числу полученных голосов Лебедева заняла последнее место.

Это был чувствительный удар по анархо-максимализму. Ясно стало, что перегибы и «левые» заскоки массами не одобряются.

По большинству голосов товарищами председателя съезда оказались избранными Лихов и Железин. В ответственные секретари съезда выдвинули меня и Лебедеву. Но та категорически отвела свою кандидатуру, якобы из-за перегрузки работой в штабе; огромным большинством голосов секретарем съезда избрали меня.

Хотя Лихов и Железин «подтряпищывали», как тогда говорили о колеблющихся, масса поверила им потому, что они называли себя большевиками.

Первым обсуждался текущий момент. С докладом выступил Лихов, высказавшийся против «соглашательской» буферной политики на Дальнем Востоке при всех условиях, даже если в результате отказа от нее последует война с Японией.

Выдумка о соглашательской политике представляла ловко использованный «леваками» демагогический трюк, рассчитанный на то, чтобы увлечь за собой широкие массы, до предела возмущенные вероломным нападением интервентов. На деле это означало борьбу против дальневосточной политики ленинского ЦК РКП(б), против установления как временной переходной меры демократического буфера — Дальневосточной республики.

Лебедева ожесточенно защищала основные положения лиховского доклада.

— Товарищи! — истерически восклицала она. — Соглашательство местных большевиков, погрязших в связях с земцами, Булгаковым и другими предателями,

не имеет ничего общего с политикой центра, давшего нам директиву защищать Советскую власть.

Лебедева искажала действительное содержание директив Москвы, которые получались кружным путем через Якутск и Охотск. Но выяснилось это лишь позже. Во время съезда мы, местные большевики, в силу изоляции от советской России, не имели еще полной информации о политике партии на Дальнем Востоке. Но большевистское чутье подсказало нам, что нужно в отношениях с Японией проявить выдержку и осторожность, не осложняя и без того крайне напряженную обстановку. «Не машите картонным мечом», — была одна из директив центра Тряпицыну в ответ на его задорную, демагогическую телеграмму. Об этом я знал, еще будучи в Керби, когда по местному радио удалось получить отрывки указаний. И все же трудно было нам, большевикам, оторванным от центра, в своих выступлениях по текущему моменту поставить точку над «i», сделать какие-либо окончательные выводы. Это накладывало отпечаток некоторой неуверенности на выступления отдельных большевиков по текущему моменту.

Лебедеву сменил на трибуне Оцевилли. Его речь была уже верхом демагогии и бахвальства. Гремя оружием и призывая «коцать всех гадов», анархист Оцевилли закончил свое выступление патетическим восклицанием:

— Мы пойдем в Токио, мы сбросим японцев с островов!

Выступивший затем Бунин призывал не зазнаваться, не считать себя «пупом земли», не забегать вперед, не разносить «соглашательскую политику» дальневосточных большевиков прежде, чем не будет получена полная информация.

— Мы будем строить, — говорил он, — в нашей области Советскую власть, но если ЦК партии большевиков и товарищ Ленин подскажут нам что-то иное, мы безоговорочно пойдем по указанному пути, чего бы это ни стоило. Что касается японцев, то сбрасывать их с островов, как предлагает Оцевилли, не нужно. Надо различать, что есть японские империалисты и есть японский народ.

Зал бурно аплодировал Бунину. Стало очевидно, что большинство народных посланцев внимательно прислушивается к большевистскому слову.

Соглашаясь с Буниным в оценке момента, я подчеркнул в своем выступлении вредность сепаратизма.

— Товарищи, — говорил я, — не забывайте опыта наших первых Советов в крае. Некоторые областные Советы в 1918 году были заражены не в малой степени духом сепаратизма. Возьмите, к примеру, Совет депутатов Амурской области, который считал себя чуть ли не на уровне Совнаркома. Немало пренебрежительного говорилось тогда в отношении Дальсовнаркома, находившегося в Хабаровске. И этот сепаратизм оказался на руку подлему врагу. Отсутствие должного единства препятствовало прочному объединению наших сил. Выступление Лихова, Лебедевой и других снова толкает на этот опасный путь сепаратизма. Мы, советские люди, должны идти единым фронтом, чтобы крепче бить врага. Только при этих условиях враг будет окончательно разгромлен и интервенты изгнаны из пределов нашей Родины.

В зале снова дружно аплодировали. Это здоровое настроение сказалось в последующих выступлениях многих делегатов съезда — рабочих, крестьян. Особенно яркими были выступления большевиков Будрина и Иваненко.

Но борьба по «текущему моменту» не окончилась только прениями. С особой силой она разгорелась в комиссии, которой было поручено согласовать два проекта резолюции — Лихова и Бунина. Большевики отстояли в комиссии свой проект резолюции по текущему моменту. Он был затем принят съездом за основу.

С меньшей страстностью обсуждался съездом и продовольственный вопрос. С докладом выступил Дед-Пономарев. Его бессвязную, путаную речь мало кто понял. Потрясая бородкой, рассыпая направо и налево угрозы, он призывал немедленно закрыть всю частную торговлю, национализировать кооперацию, а кое-кого из кооператоров послать «разгораживать заездки», что означало спустить под лед в Амур. Бой Пономареву пришлось дать мне. После критики его доклада я предложил программу продовольственных мероприятий, отвечающих моменту.

Важнейшим и первым мероприятием называлась организация заготовок продовольствия, так как имевшиеся запасы продуктов в Николаевске и других пунктах области не обеспечивали потребности в них до следующего завоза.

Предлагалось подобрать знающих продовольственное дело людей и немедленно направить их в Хабаровск, во Владивосток и в Благовещенск еще зимним путем для закупок продовольствия. Потребительскую кооперацию надо использовать как готовый, налаженный аппарат торговли и распределения, частную мелкую торговлю поставить под контроль, крупную — национализировать.

Большинство выступавших делегатов съезда поддержало эти мероприятия. Но недоволен был Дед и другие «леваки». В заключительном слове Дед-Пономарев обрушился с ругательствами на меня и других делегатов, высказавшихся за сохранение кооперации. Чувствуя, что не встречает поддержки и что в зале над ним смеются, он выпалил:

— Днепровского надо предать смерти.

По залу пронесся возмущенный гул. Поставленная на голосование предложенная большевиками резолюция была принята огромным большинством съезда. Продовольственная карьера Деда закончилась. Смущенный и побитый Дед выскочил в коридор. За ним потянулись Оцевилли и еще несколько анархистов и левых эсеров.

Политика анархо-эсеров с их путаной программой немедленного введения «анархо-коммунизма» не встретила поддержки на съезде. Съезд ее почти единодушно отверг.

И все же сразу нанести сокрушающий удар, изолировать от масс авантюристов нам в дни съезда до конца не удалось. Трудящиеся далекой окраины поднимались на борьбу с заклятыми врагами революции — белогвардейцами и интервентами, шли в бой за близкие, родные Советы, не всегда различая, кто ведет, лишь бы разгромить врага. Кое-кому из анархистов и левых эсеров, прикрывавшимся архиреволюционными лозунгами, удавалось, используя стихийный порыв масс, временно захватывать руководство, прославлять «героями».

Но приходили тяжелые дни, надо было трезво взвешивать обстановку, учиться не только наступать, но и организовано отступать, чтобы набраться сил для завершения начатого дела, — и эти «герои» становились банкротами. Охваченные отчаянием, не способные вести терпеливую организаторскую работу, не умеющие правильно ориентироваться в обстановке, подобные горе-революционеры бросаются в авантюры, прибегают к необузданным

крайностям, подрывая своими действиями доверие широких масс к Советской власти. «... Такие типы, — писал В. И. Ленин, — чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны «органической» работе, практицизму и постепенности».

Социальный источник таких типов, это — мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя... Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».¹

Областной съезд Советов проходил в условиях острой борьбы между большевиками и анархо-лево-эсерами. Несмотря на организационную слабость большевиков, подавляющая масса делегатов съезда шла за ними. Это так разъярило анархо-эсеров, что по приказу командования на второй день съезда они поставили у входа в реальное училище два пулемета. Таким путем они рассчитывали устрашающе воздействовать на делегатов съезда, чтобы те принимали решения в анархо-лево-эсеровском духе. Однако из этого ничего не вышло.

Несмотря на враждебную оппозицию к съезду командующего Тряпицына, начальника штаба Лебедевой и других тряпицынцев, съезд продолжал свою большую кропотливую работу, заглядывая хозяйским глазом во все уголки жизни края. Каких только вопросов не включала его большая повестка дня: и рыба, и лес, и охота; золотодобыча и земельный вопрос; судоходство, школа и лечебное дело — ничто не ускользнуло от внимания съезда. Многочисленные секции работали с утра до поздней ночи, пункт за пунктом обсуждая мероприятия, которые должны быть немедленно проведены Советской властью. Не мудрено, что такой вопрос, как рыболовство — основа жизни края — обсуждался свыше трех дней: слишком много накопилось для того оснований. Съезд единодушно решил покончить в низовье Амура с системой заездков, ставив-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 246.

ших в крайне тяжелое положение кооперативные рыболовные артели и индивидуальных рыбаков сел, деревень и стойбищ, расположенных по Амуру.

Работа съезда, длившаяся более десяти дней, близилась к концу. Влияние большевиков все более укреплялось. Оставалось избрать исполком и сконструировать комиссариаты.

Однако Тряпицын все еще пользовался авторитетом, особенно среди партизан. Под его командованием люди совершили героический поход на Николаевск и успешно громили белоинтервентов. Авторитет его значительно возрос после столь успешной ликвидации японского вооруженного наступления. Тряпицын был дважды ранен при нападении японцев на штаб; это еще более его возвышало.

И более опытный Ауссем¹ и некоторые из молодых большевиков не сразу поняли, что Николаевск находится в руках анархистов и левых эсеров, которые не преминут свести счеты с большевиками. Поддержка Тряпицына некоторыми коммунистами, конечно, осложнила на этом этапе борьбу с тряпицынщиной. Выступали же Тряпицын, Лебедева, Оцевилли и другие под лозунгом «настоящей» Советской власти, что путало сознание у многих недостаточно политически зрелых людей.

В результате вооруженная сила в основном находилась все еще в руках Тряпицына. По военной линии ему можно было бы противопоставить начальника штаба коммуниста Наумова, авторитетного среди партизан, оказывавшего большое влияние на молодого еще Тряпицына, особенно до появления в Николаевске Лебедевой. Но Наумов, как сказано было, погиб при нападении японцев на партизанский штаб.

Поэтому немедленная изоляция Тряпицына и его окружения казалась нам в этот момент невозможной. Нам представлялось, что по мере установления полной связи с дальневосточным центром в Хабаровске удастся безболезненно устранить анархо-бунтарский нарост.

Следует признать, что в этом деле сказалась и слабость партийной организации.

¹ Позже коммунист Ауссем осознал и осудил ошибочность своего поведения в тот период. В последующие годы он занимал ответственные дипломатические посты. Умер Отто Карлович Ауссем на посту советского посла в Австрии.

В 1917—1918 годах во время борьбы за Советы местная организация большевиков была хотя и немногочисленной, ввиду слабости в городе и области рабочей прослойки, но достаточно боеспособной. Она успешно вела борьбу с меньшевиками и эсерами и сумела возглавить первые Советы. После падения в низовьях Амура Советской власти (сентябрь 1918 года) Николаевская-на-Амуре большевистская организация оказалась разгромленной. Многие видные большевики (Слепов, Бибенин и другие) были расстреляны колчаковцами, некоторые товарищи (Бунин, Трунин и другие) содержались в тюрьме на положении заложников, иные (Бородулин, Иванов, Чибисов, Кузнецов) успели последним пароходом уехать из Николаевска. Оставшиеся в городе и районе большевики-одиночки и сочувствующие, главным образом из числа грузчиков и рабочих рыбалок, вели работу в массах, но не смогли сколотить достаточно прочной подпольной организации. Правда, в конце 1918 и в 1919 году в низовья Амура стекались уходившие от белогвардейского террора коммунисты и беспартийные из других районов Дальнего Востока, но они не знали местных условий, были оторваны от масс, подчас находясь друг у друга под боком, совершенно этого не подозревали. Если принять во внимание, что и уцелевшие местные коммунисты также были разобщены, то картина слабости подпольной партийной работы будет совершенно ясна, тем более что территория самого района превышает площадь некоторых европейских государств. В таком распыленном состоянии и застало коммунистов успешное продвижение с верховьев Амура партизанских отрядов и, наконец, взятие партизанами Николаевска.

Следует иметь в виду, что сюда же стекались и анархо-лево-эсерствующие элементы. Их положение после освобождения Николаевска облегчалось тем, что в лице Тряпицына и Лебедевой они имели «своих» людей.

Отдельные большевики — командиры отрядов и работники штаба — не могли по сути дела в тот период изменить положение, так как не были объединены; не существовало организационного партийного начала в виде коммунистических ячеек и в партизанских частях.

Серьезной ошибкой большевиков Николаевска явилось то, что, застигнутые лавиной больших событий, они не

смогли немедленно организовать, создать крепкий партийный центр для того, чтобы твердой рукой проводить линию партии. Попытка же собрать партийные силы, предпринятая накануне съезда в основном не местными коммунистами, не была доведена до конца.

К концу съезда выяснилось, что Бунин не может войти в состав областного исполкома, потому что ему требовалось срочно выехать в Хабаровск. Его жена, жестоко избитая японцами при арестах 1918 года, была опасно больна; ей требовалось немедленное оперативное вмешательство. И съезд удовлетворил просьбу Бунина, сняв с него председательские обязанности. С поездкой Бунина в Хабаровск мы связывали надежды на то, что хабаровское большевистское руководство, наконец, получит правдивую информацию о положении дела в низовьях Амура.

Не мог оставаться в Николаевске и я. Было ясно, что как только вскроется Амур и начнется навигация, интервенты не замедлят возобновить оккупацию низовий. В случае невозможности отстоять город, оставался только один путь отхода — на Амгунь, в Керби. Поэтому там требовалось обеспечить большевистское руководство. В связи с этим мне, как председателю тамошнего исполкома, товарищи рекомендовали вернуться в Керби.

Для обеспечения надежного состава областного исполкома мы решили провести туда большевиков из самого Николаевска — Будрина, Бодреева, а также Мизина и других популярных партизанских командиров.

...На рассвете, когда город еще был погружен в глубокий сон, две нарты выехали с северной городской окраины лесом, через деревню Личи, увозя семью Буниных.

Проводив товарища, я вернулся в общежитие, где меня застал вызов в штаб.

Об отъезде Бунина начальник штаба Лебедева знала и была довольна, что тот не войдет в исполком.

— А знаешь, Днепровский, мы решили в штабе, что тебе, как председателю исполкома, надо немедленно выехать в Керби, — говорила мне Лебедева. — Нельзя такой большой и очень важный район оставлять без руководства.

— Я тоже пришел к такому решению, — заметил я.

— Тебя выдвигают в исполком в качестве комиссара

продовольствия области... Ты прав, Дед не годится. Кого бы ты посоветовал вместо себя?

— Нечаева.

— Слышала о нем, но он же тяжело ранен и находится в госпитале.

— Да, но он поправляется. Мы говорили с ним, и он согласен войти в исполком.

Я был уверен, что Нечаев, как и до сих пор, пойдет с большевиками и будет противостоять Тряпицыну, но вскоре оказалось, что в своих предположениях мы жестоко ошиблись.

— Ну вот и хорошо, — сказала Лебедева. — Пропуск на выезд тебе вручу сейчас же.

— Но я не один поеду. Со мной выезжает Вадимов — секретарь агитотдела. Он хороший бухгалтер и свой человек, а мне нужен такой работник для учета большого сложного приискового хозяйства.

— Хорошо, — согласилась Лебедева и выписала пропуск на двух человек.

На заключительном заседании съезда в исполком прошли большевики Будрин, Мизин, Иваненко и другие, а также Любатович и многие сочувствующие большевикам крестьяне. Яков Тряпицын получил меньше голосов, чем эти товарищи, а Лебедева в списке избранных заняла последнее место. Она бесспорно провалилась бы, если бы баллотировалась кандидатура Бунина...

Василий Нечаев прошел в исполком благодаря хорошей характеристике, данной кербинскими делегатами.

На другой день после закрытия съезда состоялись похороны павших в боях с японцами партизан и девятнадцати партийных и советских работников, включая парламентаря — партизана Орлова и его спутника крестьянина Сорокина, расстрелянных еще до занятия партизанами города.

Сто двадцать пять гробов с останками павших за революцию товарищей были перенесены из гарнизонного собрания к городскому саду и здесь погребены в общей братской могиле. В похоронах участвовали партизаны и почти все население города. Раненого Тряпицына, сопровождавшего похоронную процессию, везли на вместительных санях.

На рассвете следующего дня я и Вадимов выехали в Керби.

В Керби знали о японском выступлении в Николаевске и о разгроме интервентов. Но была не ясна сама обстановка развернувшихся событий.

Домой я приехал поздней ночью. Саша ждала моего возвращения с необычайной тревогой. Она всегда меня ждет. Но на этот раз ожидание было особенно беспокойным. И сейчас, когда я вернулся здоровым и бодрым, не было конца взаимным радостям. Без усталости рассказывал о событиях в Николаевске. Говорил и о том, как я чуть не стал жертвой случая, если бы перед нападением японцев на штаб не пришел Вадимов и не увел бы меня из штаба, где я собирался заночевать.

Так мы почти и не заснули, проведя ночь в разговорах. А утром следующего дня Кербинский исполком заслушал мой доклад о событиях в Николаевске и о том, какую роль, возможно, придется сыграть району, если вновь нагрянут крупные силы интервентов. Говорил о тряпицынщине, рассказал о борьбе с анархо-лево-эсерами и о поведении некоторых «левацки» настроенных коммунистов. Одно было ясно, что если большевикам в Николаевске не удастся быстро отстранить от руководства событиями чуждые элементы, то те своими действиями осложнят и без того крайне напряженную обстановку на Дальнем Востоке.

— Мы должны быть готовыми к любому повороту событий, — говорил я.

Не мало нас беспокоила возможность прорыва интервентов в район Керби, прежде чем партизаны, а с ними и население, сумеют отойти сюда из Николаевска.

Неожиданно в ходе заседания возник инцидент, доставивший немало неприятностей.

После восстановления Советской власти в Керби ведение хозяйственных дел исполкома, включая использование национализированного имущества, было возложено на члена ревкома Шамколовича. Этот человек в наше отсутствие допустил поступки, порочащие честь коммуниста, он присвоил кое-что из советского добра. Курьянов, Чибисов и другие резко осудили его действия и потребовали над ним сурового суда.

Зная революционное прошлое Шамколовича, я не поддержал эти требования и предложил ограничиться

лишь выводом его из состава исполкома. Но и такого решения оказалось достаточно, чтобы в лице Шамколовича нажать врага. Он сразу же превратился в приспешника Якова Тряпицына и в разговоре со многими кербинцами стал недвусмысленно намекать, что еще сведет счеты с Днепровским и другими членами исполкома, осудившими в своем постановлении Тряпицына и его приверженцев.

Шамколовича судили товарищеским судом за разглашение решений закрытого заседания исполкома. Но позже пришлось пожалеть, что не приняли в отношении его более решительных мер.

До открытия навигации оставалось меньше двух месяцев. Вся местная партийная организация была поставлена на ноги. Наряду с подготовкой к возможному приему партизан и беженцев из Николаевска проводилась деятельная организация местных партизанских сил с целью обороны.

И как тогда, в период подготовки кербинского восстания, я вызвал к себе негидальца Иннокентия Сидоровича Семенова. Исполком интересовался возможностью организации в ближайшей тайге продовольственных баз на случай длительной борьбы с врагом. Семенов, как опытный охотник, знал все таежные уголки и, как верный советский человек, охотно вызвался помочь организовать продовольственные базы. Матери и жены кербинских партизан приступили к сушке сухарей и заготовке продуктов, к пошивке партизанского обмундирования. Саша Днепровская и Мария Курьянова организовали эту работу.

Строевая часть снова была поручена Петрову, возвратившемуся вслед за мной из Николаевска; как командир роты кербинских партизан он принимал там деятельное участие в разгроме оккупантов. Поскольку большая часть кербинских и веселогорских партизан все еще оставалась в Николаевске, на случай предстоящей борьбы сколачивались новые партизанские силы...

Пришла последняя зимняя почта, наступала длительная, почти двухмесячная весенняя распутица. Но теперь оторванность от внешнего мира не являлась столь мучительной. Иван Александрович Курьянов вместе с начальником станции Тихомировым наладили хороший прием

радиоинформации, и кербинцы были в курсе совершавшихся событий.

...Партизанские отряды уже очистили от японцев Амурскую область и восстановили Советскую власть. В Чите доживал последние дни атаман Семенов, державшийся еще с помощью японцев. С востока на него наседали Амурская и Восточно-Забайкальская партизанские армии. С запада, из Прибайкалья, наступала Народно-революционная армия Дальневосточной республики.

Однако и в Приморье и в Приамурье, несмотря на победу партизанского движения, руководимого большевиками, продолжали оставаться японские войска, контролировавшие Владивосток, Хабаровск и многие другие населенные пункты.

3

После съезда Советов в Николаевске-на-Амуре Федор Железин снова возглавил областной исполком. Но по существу ничего не изменилось: попрежнему всю полноту власти держал в своих руках штаб. И даже хуже: председатель исполкома полностью превратился в послушное орудие Тряпицына.

Лихов, не разделяя в глубине души трияпыцынской политики и не желая дальше принижать себя, добился командировки по какому-то поводу во Владивосток с тем, чтобы обратно не возвращаться. После его отъезда вся работа по агитации и пропаганде сосредоточилась полностью в руках начальника штаба Лебедевой. Она развила «кипучую» деятельность.

Информации за подписями командующего войсками Николаевского округа Якова Тряпицына и начальника штаба Лебедевой непрерывно направлялись «всем, всем», от Владивостока до Охотска, от Петропавловска-на-Камчатке до Иркутска и Москвы. В них превозносились успехи штаба в ликвидации японского нападения, хотя, как известно, спасла положение не деятельность штаба, а героическая борьба рядовых партизан и отдельных командиров, таких, как Комаров, Будрин, Мизин и другие. Попрежнему поносились большевистские организации Приморья и Приамурья.

В эти грозные для Дальнего Востока дни неоднократно предпринимались попытки урезонить Тряпицына не

осложнять и без того крайне острую военно-политическую обстановку в крае.

В один из мартовских дней 1920 года происходил следующий телефонный разговор уполномоченного ЦК РКП(б) в Хабаровске с Николаевским штабом.

— «Товарищ Тряпицын... Ваш взгляд на политику Хабаровска и Владивостока, не касаясь частных (речь идет об общей политике, которая исходит из Москвы), ошибочный. Но это не ваша вина, а беда в том, что состояние Советской Российской Республики очень тяжелое. Вас, очевидно, слабо информировали и директивы Центрального правительства, которые для всех обязательны, вам не передавались. Вот в чем и откуда истекают ваши ошибки. Мы не решаем вопросы с точки зрения хабаровской колокольни, не советуем и вам.

Вкратце охарактеризуем Советскую Россию. По словам товарища Ленина, Советская Россия победила как внутреннюю, так и внешнюю контрреволюцию, и этот красный титан-победитель истекает кровью, ему нужна экстренно медицинская помощь, а не бросать его вновь на штыки и пули. Ему нужна передышка, чтобы стать снова мощным и сильным. Вот почему Ленин строго приказывает воздержаться от крайней левизны. Вот почему нам нужны временные буферы. Этот буфер временно расширится до Забайкалья, или, вернее, расширит свою сферу и на Забайкалье. Такая политика обязательна для всех коммунистов, что же касается отдельных личностей в командном составе, то предприняты меры к очистке командного состава.

Напрасно думаете, что завоевания трудящихся нам не так дороги, как вам».

Но эти указания принимались тряпицынцами только для видимости...

Международная обстановка, в которой находилось тогда молодое советское государство, была исключительно трудной и сложной. После разгрома Колчака и Деникина в стане интервенции возникла серьезнейшая брешь; Антанта была вынуждена отменить блокаду Советской России, основная часть американских оккупационных войск отзывалась с Дальнего Востока, но опасность новой волны интервенции оставалась. К нападению на социалистическую державу готовилась панская Польша. Белогвардейский генерал Врангель угрожал Донбассу и

Украине. На западе протягивались руки международного империализма, пытавшиеся задушить советскую страну. Эти же руки душили страну с востока.

Нападение на Николаевск в марте 1920 года явилось началом японских выступлений по всему Дальнему Востоку.

Американские империалисты рассчитывали теперь по-настоящему столкнуться лбами Японию и Советскую Россию и вызвать между ними войну, а затем, по мере ослабления обоих государств, продиктовать им свои условия.

Не случайно на рейде Владивостока продолжал оставаться американский крейсер «Альбани». Это был хозяйский глаз империалистов США, надзиравший за исполнением американских планов.

4—5 апреля 1920 года японские войска вероломно напали на партизанские гарнизоны Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийска, Спасска и других пунктов. Интервенты устроили страшную кровавую купель для тружеников Владивостока. В Никольск-Уссурийском они арестовали происходивший здесь съезд трудящихся Дальнего Востока, в котором участвовало свыше четырехсот делегатов и разгромили из пулеметов 33-й красный полк. В Хабаровске японцы открыли артиллерийский огонь по городу, однако основные силы красных войск сумели отойти и занять позиции поблизости. Вот как очевидец описывал хабаровские события:

«Улицы Хабаровска 6 апреля представляли собой нечто ужасное: всюду валялись убитые и раненые. Подбирать убитых и оказывать помощь стонавшим и истекавшим кровью сотням раненых, валявшихся на мостовых, тротуарах и среди развалин разрушенных и сожженных зданий, в первое время было совершенно некому. Никто не решался идти на улицу, где японские пули косили всех без разбора — военных, штатских, старых и малых... Часть раненых и большинство убитых русских валялись на улицах в течение четырех-пяти дней.

Общее число убитых и раненых точно не установлено, но в общем оно — не менее двух тысяч пятисот человек».

Заняв Хабаровске речную базу на Амуре, с четырьмя зимовьями канонерками, японцы рассчитывали, как только вскроется река, двинуть флот против красных в низовьях Амура.

Во Владивостоке врагу удалось захватить руководителя приморских партизан Сергея Лазо и его товарищей. В конце мая 1920 года арестованных Лазо, Сибирцева и Луцкого привезли на станцию Уссури и в завязанных мешках сдали известному бандитскими похождениями калмыковцу есаулу Бочкареву. Бочкаревские головорезы перетащили мешки из теплушки в паровозное депо станции Уссури и, прогнав с паровоза бригаду, занесли их в паровозную будку. Сергея Лазо вынули из мешка, решив живым бросить в раскаленную топку. Началась борьба. Лазо обладал большой физической силой и оказал сильное сопротивление. Руками он уперся в края топки, бандиты ничего не могли с ним сделать. Тогда один из них ударом нагана по голове лишил Лазо сознания. Таким его бросили в топку. Сибирцева и Луцкого предварительно пристрелили в мешках, а затем также сожгли.

Все это позже рассказал машинист паровоза, видевший гибель большевиков.

Так погибли Лазо и его товарищи — замечательные борцы за счастье народное, за независимость и величие социалистической Родины.

Вероломное выступление японской военщины 4—5 апреля 1920 года происходило с ведома американских и других империалистов.

Упомянутый выше корреспондент Ассошиэтед Пресс во Владивостоке американец Франк Кинг 1 апреля 1920 года явился к генералу Грэвсу (командующему американскими оккупационными войсками на Дальнем Востоке) и сообщил ему, что он только что покинул японское осведомительное бюро во Владивостоке, где его информировали, во-первых, о том, что японская военная партия через несколько дней предпримет в Сибири нечто такое, против чего гражданская партия в Японии станет в абсолютную оппозицию, и, во-вторых, что русская (но не японская) версия о николаевских событиях является правильной.

Это сообщение тогда же было передано Грэвсом по кабелю в Соединенные Штаты Америки, а японское выступление было предпринято тремя днями позже. Впрочем, военные приготовления японских войск лично наблюдал и сам генерал Грэвс.

Вслед за кровавой апрельской провокацией глава японской дипломатической миссии в Сибири граф

Мацудайра подтвердил, что «японская политика в Сибири не представляет из себя чего-либо секретного, а находится в полном соответствии с общесоюзной политикой, многократно декларированной со времени посылки войск».

Еще прямым высказался японский генерал Тякаянаги в интервью, данном представителю Дальневосточного телеграфного агентства:

«Все, что Япония делала здесь за последние годы, предпринималось с согласия и в полном контакте с остальными великими четырьмя державами».

С благословения империалистов США вслед за захватом 4—5 апреля важнейших городов Приморья японские войска повели наступление на русский Сахалин и низовья Амура, решив, в частности, снова отвоевать Николаевск-на-Амуре — стратегический ключ ко всему Приморью.

Вот что, например, писала позднее по поводу этого сговора хорошо осведомленная газета «Дальневосточное обозрение»:

«Правительство Соединенных Штатов уведомило японского посла в Вашингтоне Шидехара, что оно вполне удовлетворено теми мотивами, по которым Япония сочла нужным... оккупировать северную половину Сахалина как базу для наблюдения за Николаевским районом и Охотским побережьем».

До начала нового вторжения интервентов оставались недели. Опьяненная кровью и успехами, японская военщина рвалась к устью Амура, чтобы огнем и штыком закрепить его за собой, расправиться с партизанами и населением, не желающими признавать владычества империи восходящего солнца.

На пути у интервентов, распаленных жаждой убийств, стояли только льды. Могучие торосы и многокилометровые ледяные поля закрывали вражескому флоту проход к Северному Сахалину, в Амурский лиман.

Закрывали... Но надолго ли, если уже идет неудержимая весна?

Сколько раз думалось об этом жителям Николаевска в те дни и часы! Амур впадает в лиман двумя руслами-фарватерами. Если южный плотно и много дней забивается льдом во время ледохода, то северный фарватер очищается сравнительно быстро. От командующего до

самого последнего человека люди знали, что именно оттуда, в первую очередь через северный фарватер, нагрянет кровавая сила, которая не будет отличать ни мирных, ни военных. Даже и те, кто не сочувствовал партизанскому режиму в городе, даже те просыпались ночами в холодном поту от мысли о новом приходе японской императорской армии...

Чтобы сделать невозможным быстрый проход военных кораблей в устье Амура и далее по реке, штаб решил забаррикадировать северный фарватер камнем. Все население города и окрестных деревень, от малого до старого, обязывалось нагружать балластом огромные баржи, стоявшие в большом числе в Николаевском порту.

Свыше двадцати больших судов в короткие сроки были загружены камнем и подготовлены к затоплению. Ждали только ледоход.

Но если в понимании смертельной угрозы, нависшей над Николаевском, и командование, и партизаны, и труженики города были едины, то в остальном так явственно обозначившаяся еще во время съезда трещина, отделявшая тряпицынское окружение от народа, все более превращалась в непроходимую пропасть. И дело было вовсе не в том, что явственно обозначились два лагеря. Основная масса партизан, трудовое население города не отделились в какой-то лагерь. Это был народ, и Советская власть являлась его кровной, родной властью. Но от народа все более и более отдалялась и противостояла ему оказавшаяся у власти кучка анархистов, эсеров-максималистов и просто бандитов.

Захватывала она в свою орбиту и кое-кого из тех, кто оказался или слабовольным или политически близоруким. Нечаев, оправившийся после ранения, принял от Деда Пономарева комиссариат продовольствия. Но он не оправдал наших надежд. Вопреки решению съезда, он пошел на вредное левацкое мероприятие: полностью национализировал не только частную торговлю, но и кооперацию, сосредоточив в своих руках все снабжение и продовольствие.

Хотя деньги полностью и не были отменены, как хотели этого леваки, но «тряпицынки» — так называли бумажные денежные знаки, выпущенные Тряпицыным, — хождения почти не имели. Крестьяне брали их неохотно, предпочитая товарообмен. Продукты и товары отпуска-

лись из продбаз комиссариата гражданам по трудовым талонам.

Была объявлена всеобщая трудовая повинность под лозунгом «кто не работает — не ест». Однако население только на оборонные мероприятия выходило дружно, и то не в порядке «всеобщей повинности», а понимая всю необходимость этих работ.

В то время как тряпицынцы измышляли пути введения «анархо-коммунизма», у многих было немало настоящего дела. Большевики-комиссары работали с исключительной энергией по восстановлению местного хозяйства, пришедшего в сильный упадок за период хозяйничанья интервентов и белогвардейцев. Будрин — теперь комиссар горной промышленности и Корнев — комиссар рыбной промышленности вкладывали всю свою энергию в восстановление этих основ экономики края. Коммунист Иваненко налаживал комиссариат социального обеспечения.

Горсовет возглавил член облисполкома Любатович — агроном-лесовод, человек большой культуры. Высокий, широкоплечий, с огромной начинающей сесть шевелюрой, с доброй улыбкой, — таким запомнился он мне. Большой знаток амурских низовий, обаятельный собеседник, Любатович по какому-то недоразумению причислял себя к идейным «анархо-коммунистам», хотя всем своим существом тянулся к большевикам, полностью разделял их позицию и резко осуждал поведение анархо-лево-эсеров. Руководя горсоветом, он целиком отдавался налаживанию городского хозяйства, душой болел за неполадки.

Вскоре после съезда были приняты меры к укреплению городской большевистской организации. За дело взялись молодые большевики — Седойкин, Семенов и другие. В городе стала выходить ежедневная газета «Красный клич». Были восстановлены и частично вновь созданы профсоюзы; несмотря на неблагоприятные условия, за небольшой срок они сумели объединить и сплотить вокруг себя основную массу рабочих и служащих города.

Однако все эти зачатки новой жизни не могли по-настоящему пойти в рост... В связи с крайне тревожной обстановкой вся полнота власти была передана ревштабу в составе Тряпицына, Лебедевой, Железина, Ауссема и Перегудова. Руководство исполкома стало номинальным. Все нити не только военного, но и гражданского управ-

ления полностью теперь сосредоточились в руках штаба, а по существу же у узурпаторов власти — Тряпицына и Лебедевой. Эти двое ревностно оберегали свое диктаторское положение и с крайней подозрительностью относились ко всему, что исходило от большевиков — членов облисполкома. Штаб не только не оказывал должной помощи комиссарам-большевикам, руководившим важнейшими отраслями советского хозяйства, но, наоборот, срывал их мероприятия.

Оторвавшись, противопоставив себя массам, Тряпицын и Лебедева видели всюду подвохи, шли на крайнюю жестокость, ввели террор, вызывавший среди трудящихся нарастание недовольства против штаба. Окружив себя бандитами, такими, как Биценко, Лапта, Харьковский и другие, они преследовали всех «подозрительных» и «недовольных». Особенно свирепствовал Биценко, не раз провоцировавший ненужные и вредные расстрелы. Это был проходимец, притаившийся белогвардеец, человек жестокий и разложившийся.

Железин — председатель исполкома, причислявший себя к большевикам, на деле же — типичный, потерявший голову «левак», — вместо противодействия преступникам сам погряз в мелочной подозрительности. С каким-то тупым упрямством и желчностью он преследовал своих мнимых врагов, вчерашних друзей. Немало в эти дни пострадало от самого Железина сельских и городских учителей, его недавних коллег.

Но внешняя опасность на время сглаживала в глазах бойцов остроту внутреннего положения. Сообщение о том, что 4—5 апреля японцы захватили в Хабаровске четыре канонерки, означало, что тыл, за который никто не беспокоился, превращался во второе направление вражеского удара. Николаевск попадал между молотом и наковальней...

Последней зимней дорогой уходили партизанские части: одни — вверх по реке, другие — к устью.

Образовывался и укреплялся Амгуньский фронт. Несколько выше устья Амгуни устанавливались батареи, намечалось минирование Амуре с тем, чтобы не пропустить канонерки с интервентами.

За Де-Кастри, где по предположению должен был высадиться японский десант, установили наблюдение. Там образовался свой участок фронта.

Командующим Амгуньским фронтом Тряпицын назначил Кодубу, заменив его позже «своим человеком» Сасовым. обороной устья реки руководил Амуров-Козадов — тоже «свой».

На самом ответственном Тырском участке, непосредственно прикрывавшем вход в ту самую реку, по которой только и могла осуществиться эвакуация в Амгунь, командование батареями было возложено на слегка переукрашенного белогвардейца Аноку.

Бывшему белогвардейцу Мургабову, как специалисту по минированию, поручалось преграждение амурского фарватера.

Наступила распутица, отрезавшая Николаевск от остальных районов. Все признаки близкого крупного вторжения японцев имелись налицо. Уже в конце апреля у Александровска-на-Сахалине появился японский военный корабль. И тогда же часть советских работников, покинув остров, по льду Татарского пролива достигла Де-Кастри, а затем прибыла в Николаевск.

Перед лицом надвигавшихся серьезных событий беспокойство и тревога за состояние руководства партизанскими частями охватили Ивана Александровича Будрина.

— Не то, не так все идет... На фразерстве далеко не уедешь, а на деле они подрывают боеспособность, — говорил он по адресу тряпицынцев Бодреву, члену исполкома, командиру артиллеристов, своему единомышленнику-большевику.

Бодрев предложил действовать открыто:

— Созовем гарнизонное собрание, но сделаем это без треска и шума. Выразим штабу недоверие...

План Бодрева был одобрен членами исполкома Мизиним, Иваненко и Любатовичем.

Вскоре возникло дело Мизина.

Коммунист Мизин перед походом на Николаевск оперировал со своим так называемым морским отрядом на Амуре, вблизи Хабаровска. Встреча его с Тряпицыным произошла впервые в районе села Малмыж, где собирались партизанские силы для похода на Николаевск.

Узнав, что Тряпицын анархист, Мизин отказался ему подчиниться. Но тот сумел уговорить некоторых партизан, созвал отрядный митинг и склонил Мизина к подчинению. Однако взаимная неприязнь сопровождала их все время. В дни ликвидации японского выступления в Николаевске Мизин умело руководил важнейшим участком боя — взятием каменных казарм. Это еще более настроило Тряпицына против боевого партизанского командира, и он предложил Мизину выехать в Де-Кастри к Лапте. Предательское прошлое Лапты к этому времени для многих уже перестало быть тайной, и Мизин наотрез заявил Тряпицыну, что с калмыковским провокатором работать не будет. Воспользовавшись неподчинением приказу командующего, Тряпицын арестовал Мизина.

Событие это возмутило значительную часть гарнизона и особенно артиллеристов.

Будрин, Иваненко и другие сочли момент для выступления наиболее подходящим и объявили о созыве гарнизонного собрания. В повестку собрания намечалось поставить отчет о деятельности исполкома, разбор причин ареста Мизина, отчет о деятельности Тряпицына и штаба, вопрос об эвакуации, отчет о деятельности следственной комиссии и ревтрибунала.

Николаевский горсовет к этому времени по инициативе Любатовича принял резолюцию, резко осуждающую действия тряпицынского штаба: для многих коммунистов-партизан и сочувствующих стало ясно, что Тряпицын и Лебедева должны быть отстранены от руководства штабом и изолированы.

Гарнизонное собрание оказалось многолюдным. Сразу же образовалось два резко выраженных лагеря: противники Тряпицына — вооруженные артиллеристы и часть партизан — заняли партер; тряпицынцы и те, кто попрежнему еще шел за Тряпицыным, заняли главным образом хоры собрания.

Председателем собрания избрали председателя революционного военного трибунала Дылдина. Но потому, что секретарем собрания прошла Лебедева, можно было заключить, что еще для многих Тряпицын не потерял своего авторитета.

Условились говорить начистоту и выяснить все. Но сделать этого не удалось. В самом же начале собрания все карты спутал провокатор Биценко. Он выступил и заявил:

— Будрин, Иваненко и Любатович составили заговор с целью ликвидации партизанского штаба. Они вошли в соглашение с китайским консулом о снаряжении и использовании для этого китайских частей...

Поднялся невообразимый шум. Артиллеристы растерялись, решительность их исчезла. Сказалась неорганизованность партийных большевистских сил.

Тряпицынцы, воспользовавшись замешательством зала и опираясь на своих вооруженных людей, тут же, на собрании, арестовали Будрина, Иваненко, Любатовича. Бодреева оставили: это была уступка партизанам-артиллеристам, среди которых он пользовался большим авторитетом.

Арест Будрина вызвал большое возбуждение среди рабочих и партизан. Из Охотска местный ревштаб, подерживавший линию Николаевского штаба по вопросу о дальневосточном демократическом буфере, телеграфировал:

«Арест Будрина вызвал большое возбуждение среди горнорабочих, знающих Будрина, как своего идейного вождя. Объясните причины».

Еще более возмущались амгуньские партизаны. Весь первый Амгуньский горный партизанский полк, где Будрин ранее был командиром, просил освободить его на поруки. Прошло второе гарнизонное собрание, созданное по инициативе амгуньских партизан и артиллеристов Бодреева, но с тем же результатом — инициаторы собрания Березовский, Клячин и другие были арестованы.

Вскоре по личному распоряжению Тряпицына Иваненко, Мизина и Любатовича расстреляли.

Будрина судил ревтрибунал. Иван Александрович пользовался большой популярностью и на прямую расправу с ним тряпицынцы не рискнули. Его осудили к высылке из пределов области на два года, но оставили в местной тюрьме «пока восстановится сообщение с другими областями края».

После расстрела коммунистов — командира отряда Мизина, члена областного исполкома Иваненко и председателя горсовета Любатовича — среди населения города усилилась паника: люди начинали бояться друг друга. Шли повальные обыски и расстрелы. Ревтрибунал был расформирован — действовала тряпицынская следственная комиссия.

НИКОЛАЕВСК ОСТАВЛЕН

I

Наступила ранняя и по местному теплая весна. Бурно таял снег. Приближалась навигация. Японцы готовились к нападению и ждали очищения устья Амура от льдов. У Александровска-на-Сахалине появилась вражеская эскадра в составе более десятка военных судов.

Вскоре японцы захватили город Александровск и высадили небольшой десант на побережье залива Де-Кастри. Но десант пробыл недолго и снова погрузился на военное судно, ушедшее в открытое море.

Николаевский штаб принял решение — задержать как можно дольше интервентов на подступах к городу, усилить партизанские заслоны в устье Амура и заливе Де-Кастри; Амур выше впадения Амгуни минировать. Единодушно решено было, как только вскрыется река и начнется навигация, эвакуировать все население города и прилегающих районов в Керби и далее, в Амурскую область, находившуюся в руках Советов; вывезти из Николаевска все продовольствие и ценности; когда выяснится, что город удержать уже нельзя, партизанские силы отвести в окружающую город тайгу.

До открытия навигации оставались считанные дни. Штаб объявил населению о предстоящей обязательной эвакуации на Амгунь и дальше на Благовещенск.

Весь город поднялся на ноги.

Как неизбежный единственный выход восприняли решение об эвакуации трудящиеся города и окрестностей. Они прекрасно понимали, что пощады от озверевших интервентов не будет. Основная часть населения собиралась в трудный путь.

Буржуазные элементы города отрицательно отнеслись к эвакуации. Но приказ штаба распространялся на всех, к тому же у многих из них страх перед японской военщиной превышал подчас ненависть к красным. Скрепя сердце, готовилась к отъезду и николаевская буржуазия.

Работа по подготовке большого похода кипела вовсю. Рыбаки, портовые рабочие, грузчики, бондари, городские служащие и их семьи, а также партизаны с раннего утра и до поздней ночи приводили в порядок зимовавшие в затоне пароходы, баржи, катера, шхуны, лодки. Извлекалось все наиболее ценное и в первую очередь — боевые запасы и продовольствие. На погрузке, в силу трудовой повинности, работали и рыбопромышленники, и торговцы, и кулаки.

С утра до поздней ночи трудился бывший комиссар рыбопромышленности Коренев, но теперь уже в новой роли. Он собирал скот, который нужно было через тайгу неведомыми тропами, пока «ногу держит снег», угнать на Амгунь. Ему деятельно помогал партизанский поэт Ганимедов — «король тайги», как его называли за хорошее знание приамурской глухомани. Бывший поп-растрига, огромный, коренастый, с большой седеющей бородой, Ганимедов производил внушительное впечатление. Страстный охотник, он чувствовал себя в тайге, как дома, и на этот раз надеялся послужить своими знаниями народу.

Коренев с погонщиками готовился выводить скот в ближайшие дни, чтобы выйти на Амгунь, на линию массовой эвакуации, по заморозку, когда еще лесные тропы подернуты крепким настом.

Подготовлен был к вывозу первым же рейсом запас золота в количестве тридцати двух пудов и другие ценности из местного отделения Государственного банка.

Оставались последние дни до расставания с родными очагами. Большинство жителей Николаевска с рождения проживало здесь, никуда не выезжая. Город на долгие зимние месяцы выключался от внешнего мира, но люди привыкли к этому. Они любили свой край — суровый, но богатый рыбой, дичью, пушниной, грибами, ягодами и прочими дарами природы.

И теперь, когда приходилось искать спасения в глухой, неведомой тайге, они очень страдали. Участвуя в общих работах по подготовке к эвакуации, горожане старались урвать минуты для себя, рыли мерзлую землю во дворах и сараях, закапывали все ценное, чего нельзя было забрать с собой. В дорогу разрешалось взять лишь по пуду на члена семьи и самое необходимое и легкое — платье, белье, обувь. Облегчала положение одна мысль —

люди верили в победу Советской власти, знали, что они вернутся обратно.

Эксплуататорские элементы собирались в путь лишь для видимости. Они тешили себя надеждой в последнюю минуту ускользнуть и отсидеться в ближайших селах и от партизан и от японских расправ, чтобы вновь вернуться в город, когда наступит затишье. За многими из них следили, многие были на учете, но немало их оставалось в тени. И хотя пропуска на выезд из города выдавались следственной комиссией, эти люди ускользали еще до обещанного сигнала об эвакуации.

Предстоял крайне тяжелый путь. Вчерне дорога рисовалась так: от Николаевска до Керби — пятьсот километров по рекам Амуру Амгуни и частично тайгой; от Керби до Экимчана на реке Селемдже — четыреста километров через тайгу и хребты; от Экимчана до Норского склада по реке Селемдже — триста километров, от Норского склада до Благовещенска-на-Амуре — пятьсот километров по рекам. И так почти две тысячи километров пути в основном бездорожной и безлюдной тайгой. Такой переход должны были совершить простые мирные советские люди в результате неминуемого нового вторжения вероломных и жестоких иностранных захватчиков.

Путь эвакуации из Николаевска был слабо изучен, полагались больше на опыт местных знатоков и в первую очередь на Кербинский исполком.

О подготовке эвакуации по этому маршруту Кербинскому исполкому передали директиву по радио.

2

Пароходы, баржи, шхуны, шаланды, лодки — весь наличный транспорт был загружен до отказа боевым снаряжением и продовольствием. Ждали сигнала для вывода барж, загруженных камнем, чтобы перегордить северный фарватер Амура у выхода в лиман.

Шел май. Могучая река пробудилась. Левый берег Амура, как обычно, закидало льдом, ослепительно блестящим на солнце.

В затоне у пристани, где причаливают морские суда и пароходы Амурской линии, с рассвета и до поздней ночи царил необычайное оживление. То не было ежегод-

ным весенним традиционным оживлением, каким привыкли встречать вскрытие Амура мирные рыбаки. Не было и тех особых приветствий и рукопожатий, которыми люди всегда обменивались в эти дни. На этот раз друзья и знакомые встречали друг друга одним вопросом: скоро ли?..

Нервы были напряжены. Ходили слухи о том, что японцы уже высадили десант в Де-Кастри, что Амур перерезан ниже устья Амгуни и проскочить теперь в Амгунь все равно не удастся, что японская эскадра вошла в устье Амура, движется к Николаевску и не сегодня-завтра будет здесь. Чуждые элементы раздували эти слухи, накаляя и без того до крайности напряженное состояние. И все же основная масса населения к отъезду готовилась по-настоящему.

Амур еще не очистился от льда, а наиболее мощные морские катера уже уводили караваны барж с камнем к устью северного фарватера, к месту затопления; там баржи погружались на дно реки.

Вскоре партизанская разведка донесла, что недалеко от устья Амура, около мыса Лазарева, появились японские военные корабли, но южный фарватер, как всегда, забит льдом и туда они не пройдут. Северный фарватер, хотя и очистился от льда, но забаррикадирован, и японцы, зная это, не решатся сразу войти в Амур.

Выше амгуньского устья, у села Софийска, партизаны перегородили Амур минами. Сообщалось, что одна из канонерок с японцами, пытавшаяся проскочить, напоролась на мину и, хотя была повреждена лишь слегка, повернула обратно.

К вечеру 5 мая разведка вновь донесла, что попытка японского корабля войти в Амур со стороны северного фарватера не удалась — не пропустило заграждение из затопленных барж. Японское командование высадило десант пехоты, пытавшийся направиться к городу по берегу, однако, встреченный сильным огнем, десант отошел обратно.

Медлить с эвакуацией нельзя было ни минуты. Посадка людей и отправка транспортов на Амгунь шли теперь полным ходом.

И хотя погрузкой руководила особая комиссия, внешне старавшаяся установить строгий порядок, он нарушался, так как каждый спешил устроиться скорее и лучше. Во всяком случае женщины и детей отправляли в пер-

вую очередь и более быстроходными пароходами. Но перевозочных средств не хватало. Многие из-за переполнения транспорта не могли сесть и шли пешком по берегу Амура в надежде достать лодку и достигнуть берегов Амгуни, где можно было считать себя в сравнительной безопасности.

За пароходами и катерами тянулись караваны барж, переполненные людьми, продовольствием и различным военным имуществом. Но быстрое течение Амура задерживало движение и делало его мучительно медленным. Люди опасались, что проскочить в Амгунь не удастся, оккупанты перехватят караваны судов, и поэтому очень волновались...

Да, река Амгунь была единственным убежищем для населения Николаевска. Уходя почти под прямым углом от Амура в глубь тайги, окаймленная на сотни километров труднопроходимыми марями и горами, она действительно была неприступной. Войскам интервентов оставался для преследования единственный путь — по самой реке, но крупный партизанский заслон, выставленный в устье, надежно прикрывал дорогу спасения.

У японской военщины, кроме канонерок, захваченных в Хабаровске, да двух-трех пароходов, не было других пловучих средств для продвижения от Хабаровска вниз по Амуру. Еще в прошлую навигацию водники предусмотрительно увели остатки сохранившегося от гибели речного транспорта в Благовещенск, где он теперь был в надежных руках амурского Совдепа.

Замедлялись военные действия интервентов и со стороны залива Де-Кастри, самого узкого и удобного пункта проникновения на Амур с моря. Засевшие здесь, в сплошных лесных массивах, партизаны срывали намерения японцев: их передовые отряды долгое время не могли проникнуть к Амуру.

А тем временем караваны судов и барж непрерывно входили в Амгунь.

Вслед за жителями эвакуировались этим путем не только полком, трибунал и другие органы власти.

Накануне тройка в составе Железина, Оцевилли и Перегудова освободила из тюрьмы многих заключенных. Но Ивана Александровича Будрина, вопреки решению ревтрибунала о высылке его за пределы области, расстреляли...

Последним, прикрывая караваны, прорывался в Амгунь буксир с большой шаландой, груженной крепостным орудием «виккерс», однако проскочить ему не удалось. С подошедших из Хабаровска канонерок (минное заграждение задержало врага ненадолго) японцы повели артиллерийский обстрел устья Амгуни. Шаланда была потоплена.

О том, что интервенты сломали преграды и движутся со стороны Де-Кастри и Хабаровска к Николаевску и что партизаны, оборонявшие Де-Кастри, отошли на левый берег Амура, к устью Амгуни, в Николаевске узнали уже после того, как ушли последние караваны судов. В городе оставался лишь штаб с экспедиционным отрядом из партизан и немногие, не успевшие, а также не захотевшие уезжать жители.

Вскоре штабом было получено известие, что интервенты прорвались в Амур и со стороны моря. На Николаевск двигались японские войска с трех сторон — от устья реки, от Де-Кастри и от Хабаровска. Вот тут-то неожиданно появился приказ командующего сжечь город, «оставив интервентам голую землю».

Во время захвата партизанами крепости Чныррах и города враги не успели вывезти взрывчатые вещества: одного лишь пороха в руки партизан попало тогда свыше трех тысяч пудов. Теперь это все использовалось для уничтожения города.

Значительная часть Николаевска, как говорилось уже выше, пострадала в марте 1920 года от японского наступления: враги тогда поджигали специальными бомбами лучшие городские дома. Но многое стояло еще нетронутым. Для взрыва самого большого каменного здания — реального училища, где недавно заседал областной съезд и раздавались речи избранников народа, — заложили огромное количество взрывчатых веществ.

Партизаны обходили все дома, осматривая, не остались ли где-либо еще люди, и там, где находили, требовали немедленно покинуть город. Николаевск опустел. Обнаруживались лишь одиночки, преимущественно старики и старухи, не смогишие выехать на Амгунь. Их направляли в ближайшие деревни и стойбища.

В ночь на 1 июня 1920 года город был во власти огня. Партизаны поджигали строения. С моря дул сильный ветер, и огонь сразу же превратился в бушующий

ураган. От взрыва пороха взлетали вверх кирпичи, клубы черного дыма поднимались на огромную высоту. Горящий город превратился в сплошной яркий факел, озарявший в темной ночи необъятный Амур и далекие горы по ту сторону реки.

Было светло как днем. Пламя отражалось в могучей реке, окрашивало воду в багряно-красный цвет, и казалось, что течет не вода, а кровь нашего народа, призывая к возмездию жестокому врагу.

Три дня и три ночи горел пустой город, дым и копоть застилала на десятки километров окрестности. Враг находился уже вблизи Николаевска, но войти в него не решился. И когда все исчезло в огне, а на месте самого далекого портового города России торчали лишь кирпичные трубы и груды камней, японцы вступили в Николаевск. Но нашли действительно только голую землю — здесь уже не было ни населения, ни партизан, ни остатков отряда Исикава.

В ходе войны с интервентами и белогвардейцами на Дальнем Востоке это был первый случай, когда партизаны, отходя под натиском врага, сами уничтожали свое родное гнездо.

Прямыми виновниками гибели Николаевска являлись интервенты. Но и это горе народа постарались обратить против народа его недруги...

В донесении правительству Соединенных Штатов Америки (от 6 июля 1920 года) о николаевских событиях Дайер — бывший управляющий американской акционерной компанией Орских золотых приисков, что вблизи Николаевска, — сообщил, что прииски были национализированы 27 января 1920 года. Сотрудникам Дайера — американцам, французам, датчанам и другим иностранцам — предложили остаться работать на старых местах. Самому же Дайеру, как специалисту и знатоку горного дела, порекомендовали прибыть в занятый красными Николаевск для составления общего доклада о разработке горных богатств Нижнего Амура. Дайер, прибыв в Николаевск, согласился, якобы под насилием, составить такой доклад. Добившись разрешения на посещение китайского консула, Дайер здесь и обосновался, но уже не для составления доклада, а для козней против красных.

В это время в Николаевске находились китайские канонерские лодки. История их появления небезинтересна.

В июле 1919 года, по приказу китайского милитариста Чжан Цзо-лина, из Шанхая в Харбин, через Владивосток—Николаевск—Хабаровск, были направлены четыре канонерки под командой капитана Чжена.

Под Хабаровском на Амуре калмыковцы приняли их за большевистские и, обстреляв, заставили повернуть обратно. Ввиду приближения рекостава, канонерки вернулись в Николаевск и остались там на зимовку.¹

Во время наступления партизан на Николаевск с канонерок были переданы начальнику белогвардейского гарнизона полковнику Медведеву, с одобрения японского командования, три пушки и один пулемет «гочкис» с полным снаряжением. Оружие это использовалось для отражения партизанских атак. Обрато вернули белогвардейцы орудия лишь накануне вступления красных в город. «гочкис» же партизаны захватили у них в бою под Николаевском.

Однако в дни японского выступления 12—15 марта китайские канонерки соблюдали нейтралитет. С момента же водворения Дайера в китайском консульстве позиция консула и командира канонерок вновь изменилась на враждебную.

22 мая состоялось совещание между Тряпицыным, с одной стороны, и китайским консулом и командованием канонерок — с другой. Ссылаясь на право народа защищать свою территорию от иностранного вторжения, партизанский штаб просил оказать помощь оружием против японцев, которые уже выступили в направлении Николаевска. Китайцы отклонили эту просьбу, заявив, что они будут соблюдать нейтралитет.

Не подействовала на китайское командование и повторная просьба Тряпицына об оружии, когда он заявил, что иначе придется сжечь город, что приведет к гибели и собственности китайцев, проживающих в большом числе в Николаевске. Также отказалось консульство помочь транспортными средствами для вывоза населения.

Тогда, чтобы не подвергать риску иностранных подданных, Тряпицын предложил китайскому консулу и капитану Чжену самим эвакуироваться в район села

¹ Казнь китайскими властями Калмыкова, бежавшего в 1920 году в Маньчжурию, и была произведена в отместку за его враждебный акт против канонерок.

Маго на Амуре, что в тридцати километрах от Николаевска.

После долгого раздумья китайцы, по совету Дайера, согласились на этот шаг, что вскоре и сделали, образовав в районе села Маго нечто вроде «международной зоны». Помимо четырех тысяч китайцев, здесь укрылись американцы во главе с Дайером, а также французы и датчане с Орских приисков. Под крылышком консула нашли свой приют в консульстве и скрывавшиеся от Советской власти белогвардейцы.

Китайский консул и командир китайской флотилии добились от Тряпицына заверения о том, что японцам, взятым в плен, не будет причинено никакого вреда. Командующий заверил, что он намерен забрать своих пленников вверх по Амгуни и позже вернет всех их в Японию.

Осуществить этот план не удалось. Пленные японцы находились в деревянном здании в районе тюрьмы. Во время эвакуации они сами подожгли здание, в котором содержались, подвергнув себя самоуничтожению, то есть повторив тот же самурайский акт, что совершился в японском консульстве в период боев 12—15 марта.¹

По свидетельству Дайера, командование канонерок, очевидно, не без его подстрекательства, чуть было не приняло решение отклонить предложение штаба партизан об эвакуации в Маго, атаковать красных, подвергнув обстрелу из орудий китайского флота, изгнать их из города и передать город в руки наступающих японцев.

Осуществить этот план «нейтральному» командованию помешала якобы боязнь за жизнь многих тысяч китайцев, живущих по приискам, которых партизаны в отместку могли уничтожить. Конечно, не за тысячи китайских рабочих на приисках «беспокоились» чжанцзолиновские офицеры и их советчики дайеры, они боялись, что для нападения у них нехватит сил. При первом же выступлении поражение и гибель ожидали бы китайских милитаристов, выброшенных ныне вон и навсегда волею народных масс из великого Народного Китая. Что же касается самих китайских рабочих приисков, то они уже не нуждались в «защите» со стороны чжанцзолиновского консула; многие сотни из них в партизанских отрядах вместе с русскими рабочими и крестьянами с бою брали свое счастье.

¹ По другим данным, они были расстреляны Тряпицыным. (Ред.)

Дайер и другие американцы отсиделись в так называемом «сэттльменте» в Маго и потом начали во всю мочь своих лживых перьев клеветать на партизан. Но с золотом и другими богатствами нижеамурского края им все же пришлось расстаться навсегда...

3

По тайге, целиной, по проталинам и марям пробирался к Амгуни последний партизанский отряд из Николаевска. С ним двигался штаб: Тряпицын, Лебедева и другие. В этом девственном, совершенно не тронутом лесу никто не хаживал, кроме редких охотников, и потому не было даже признаков троп.

Не имея опытных проводников, отряд вскоре заблудился. Лошади вязли в снегу, проваливались в болотах, выбивались из сил, ломали ноги. Коней пристреливали, а мясо их забирали с собой, так как захваченные из Николаевска продукты быстро таяли. Многие партизаны-кавалеристы шли теперь пешим порядком.

Позади остался пылающий город и коварный, жестокий враг. Где-то впереди спасительная Амгунь, с движущимися по ней потоками беженцев из оставленного города. Но удалось ли всему огромному каравану судов с эвакуированным населением, продовольствием и ценностями прорваться в Амгунь прежде, чем японцы перехватили устье реки, этого в отряде не знали. Была полная оторванность и неизвестность.

После многих дней блуждания по тайге отряд вышел в район Чуринской резиденции на Орских приисках. Здесь уже находилась небольшая группа партизан под командованием бывшего красного коменданта Николаевска Комарова. Еще до последних событий он прибыл сюда для подготовки прииска к эвакуации. Вместе с ним была его жена — молодая, красивая брюнетка, постоянный спутник всех его партизанских походов.

Людям, шедшим с Тряпицыным, устроили привал и отдых. За счет местных продовольственных запасов, которых на приисках оказалось достаточно, были пополнены изрядно израсходованные запасы отряда.

После двухдневного отдыха отряд вместе с Тряпицыным снова двинулся на Амгунь в направлении Удинского

склада. Комаров же со своими бойцами задержался на Орских приисках для организации переброски ценного имущества и главным образом продовольствия. Вскоре сюда явился, уже с Амгуни, Ауссем. Он должен был дожидаться Коренева с гуртами и помочь ему довести скот до Удинска.

Растеряв в пути часть стада, Корнев и Ганимедов добрались до Орских приисков относительно благополучно, но долго оставаться здесь было нельзя: прииски находятся в прибрежной полосе Амура, куда без особого труда могли проникнуть японцы. Решили ускорить отправку скота и продовольствия на катерах и лодках протоками в глубь тайги, ближе к Амгуни.

Накануне ухода партизан на прииске произошел трагический случай. Выстрелом из нагана Комаров убил свою жену и тут же застрелился сам.

Совсем недавно перед этим у него случилась крупная размолвка с Тряпицыным, политику и действия которого он не разделял. Тряпицын приписывал все заслуги себе, всячески умалял роль Комарова в ликвидации японского мартовского выступления, хотя в действительности дело складывалось наоборот: Комаров явился организатором контратак против японцев, а Тряпицын, будучи вначале изолирован японцами в штабе, а затем дважды ранен, лишь под конец принял участие в руководстве боевыми действиями.

В последние дни Комаров часто твердил своему другу — любимой жене:

— Я больше не хочу быть послушным орудием в руках Тряпицына и не хочу нести ответственность за его действия.

Подавленность Комарова особенно увеличилась, когда он узнал от прибывших николаевцев о сожжении города и разгуле террора, против которого он восставал.

И теперь здесь, в тайге, у него родилось это страшное решение. Жена его, женщина с большой силой воли, не раз оказывала на мужа влияние и удерживала от необдуманных действий. Сейчас она, видимо, не стала его отговаривать. Поутру, перед выездом с приисков, Комаровы привели в исполнение свое страшное решение. Это было крайне жестоко и непонятно. Здоровые, нормальные, симпатичные люди, любившие Родину, позволили себе дезертировать из жизни в трудную минуту...

Весть о самоубийстве Комаровых быстро разнеслась по приисковому поселку. Пришли Ауссем и Корнев.

— Как это неправильно, — сокрушался Корнев. — Еще вечером говорил с ним, он шутил, рассказывал, как шли сюда из Николаевска и блуждали тайгой, говорил о своем желании добраться до Благовещенска.

Вместо ответа Ауссем пожал плечами. Он был также потрясен случившимся.

Похоронив Комаровых, Корнев, Ганимедов и Ауссем без особого труда добрались до Амгуни и погрузились с остатками скота на баржу, шедшую с продовольствием в Керби.

...Отряд Тряпицына после выхода с Чуринской резиденции снова заблудился в приамгуньской тайге. В марях было потеряно еще много лошадей, увеличилось число пеших партизан. Люди измучились и уже голодали; ропот и недовольство против Тряпицына и Лебедевой росли. Об их интимных отношениях теперь уже знали все партизаны.

— Точно Стенька Разин с персидскою княжною разбегаются, а мы вот топай по грязи пехтурой...

— Им что, довели до ручки...

Подобные разговоры часто велись среди партизан. Дисциплина расшаталась, раздражение против командира и его окружения увеличивалось. Недовольство нарастало даже среди тех, кого считали тряпицынцами.

Тряпицын знал это — сообщали преданные люди. Это его бесило. Как-то в своем окружении, сильно вскипев, он бросил по адресу недовольных и критикующих:

— Я их заставлю землю есть... Порядок наведу. А за разговорчики кое-кто поплатится...

Вскоре представился случай выполнить это обещание.

Среди неприкосновенных продовольственных запасов отряда имелось небольшое количество шоколада, расходование которого происходило лишь с ведома самого Тряпицына. Партизан Ларич, охранявший продовольствие, самовольно взял плитку шоколада.

Тряпицыну об этом донесли.

Партизан был из числа недовольных. Он как-то сказал среди своих:

— Тряпицына мы скоро не увидим, как своих ушей.

На ближайшем привале Тряпицын учинил Ларичу пуб-

личный допрос и тут же на глазах у всех лично застрелил его.

Такие крайние меры применялись командиром в отношении дезорганизаторов дисциплины и раньше и большинством партизан одобрялись. Но эта расправа уже не укрепила дисциплины и не подняла пошатнувшийся авторитет командующего, а, наоборот, вызвала сильное возбуждение среди партизан.

— Довоевались, достукались... Партизан стал дешево ле плитки шоколада; его убивают, как самую паршивую собаку, — говорили люди со злобой и ненавистью. И хотя открыто против штаба пока не выступали, но условия для такого выступления назревали с каждым днем.

Глава девятая

СНОВА КЕРБИ

1

Как-то незаметно исчез снег. Амгунь вскрылась и стремительно понесла свои полые воды в Амур. Многочисленные островки на правом берегу скрылись под разливом. Река решительно подбиралась под левый берег, угрожая строениям верхней и нижней части кербинского поселка, то и дело откалывая огромные глыбы земли.

Вода совсем подошла под наш дом, и по ночам было как-то не по себе. Из предосторожности мы с Сашей переехали во флигель бывшего золотопромышленника Ельцова — поближе к исполкому.

Уже несколько дней как прекратилась радиосвязь с Николаевском. Было ясно, что там происходят серьезные события. Со дня на день поджидали в Керби пароходов.

— Но придут ли свои? А вдруг проскочат прежде японцы? — этот вопрос мучил нас, кербинцев.

На случай подхода интервентов исполком решил отрядом кербинских партизан занять позиции по дороге на Веселую Горку, откуда можно было получить подкрепления. Бойцы нашего небольшого отряда были хорошо вооружены и обеспечены продовольствием: в ближайших таежных уголках Иннокентий Семенов и бывший член

ревкома, охотник Уткин, организовали продовольственные базы.

В одну из майских ночей дежурную вахту вблизи кербинского причала несли Чибисов и Филин. В предутренней тишине где-то за Немеленом послышался едва уловимый плеск воды и затем более ясный свисток.

То приближался пароход. Вскоре в исполкоме, где я теперь находился почти безвыходно, задребезжал звонок. Звонил Чибисов:

— Степан Петрович, подходит какой-то пароход, будьте наготове.

— Хорошо.

Немедленно были приняты все меры к сбору отряда. Я нетерпеливо ждал дальнейших сведений. Через десять-пятнадцать минут Чибисов позвонил снова, но в голосе его сквозила уже нескрываемая тревога:

— Пароход «Муром» подходит к причалу, много вооруженных людей, есть и русские, но больше нерусских. По одежде — партизаны, по выговору — японцы. Точно в утренней мгле разобрать нельзя. Иду к причалу. Филин остается у телефона. Еще раз позвоним и, если японцы, — немедленно отойдем. Собран ли отряд?

— Жду доклада Петрова о сборе отряда.

На всякий случай я решил забежать домой и предупредить Сашу. В дверях исполкома я встретился с командиром нашего отряда.

— Отряд, Степан Петрович, собран в полной боевой готовности, — доложил мне Петров.

— Хорошо, подежурь у телефона, я на минутку.

Когда я забежал домой, Саша была уже на ногах. Предупредил ее, чтобы была наготове и, если это японцы, — с другими женами партизан немедленно отправляться к Веселой Горке на подготовленных подводах.

— Не бойтесь, — добавил я, — японцев задержим в ближайшем лесу на пути от Керби.

А в исполкоме, куда я сразу же вернулся, собравшиеся уже ликовали. Только что по телефону Чибисов сообщил, что прибыл русско-корейский партизанский отряд Вольного.

Вскоре Вольный, Чибисов и Филин пришли в исполком. Отрекомендовав себя уполномоченным Николаевского штаба, Вольный сообщил:

— Привез золотой запас Николаевского отделения

Госбанка и другие ценности, которые необходимо сохранить в надежном месте.

Немного подумав, я предложил:

— Надо немедленно отправить их на Софийский под надежной охраной.

Прииск Софийский — резиденция Нимано-Буреинской золотопромышленной системы — находился на территории Амурской области и подчинялся Амурскому ревкому. Предлагая отвезти туда золото, я надеялся сохранить его, помня печальный случай ограбления анархистами. (Пережогин и К^о) Читинского банка при отступлении советских войск из Читы в 1918 году. Перевезти золото из Софийского в Благовещенск было бы уже легче.

Вольный согласился.

— У меня имеется такое же указание от штаба, — заметил он.

В тот же день под надежной охраной золото отправили в Софийский.

Из рассказов Вольного и других прибывших партизан мы узнали более подробно о новом вторжении в район Николаевска крупных японских сил, об эвакуации населения по Амгуни в Керби и о том, что Тряпицын с остатками партизан будет пробираться тайгой также на Амгунь, а затем в Керби. Но о расстреле членов исполкома Будрина, Иваненко, Мизина, Любатовича и о сожжении города мы узнали лишь позже. Вольный, выехавший до этих событий, и сам не мог знать, что произошло.

Кербинский исполком уже провел ряд подготовительных мероприятий по приему в Керби и дальнейшей эвакуации беженцев. Но когда выяснилось, что сюда движется почти все население Николаевска и других пунктов области, только тогда мы поняли, какая огромная работа нам предстоит. И так как люди уже в ближайшие дни могли появиться, — медлить нельзя было ни минуты.

В тот же день исполком с участием Вольного тщательно обсудил, что же нам делать.

Возможны были два маршрута перехода из Керби на Благовещенск. Первый: Керби — Веселая Горка — Софийский — Половинка и далее по рекам Бурее (через Чекунду) и Амуру; второй: Веселая Горка — Софийский — Экимчан и далее по рекам Селемдже и Зее. Первый маршрут значительно короче второго, но опаснее, так как в случае движения по Амуру людей могли перехватить

японцы и русские белогвардейцы, бежавшие на правый берег Амура в Маньчжурию после разгрома их в Амурской области. Кроме того, этот путь пролегал по безлюдной и бездорожной тайге. Второй маршрут, хотя был длинней и также проходил через тайгу, хребты и по бурной реке Селемдже, но через приисковые районы Амгуно-Кербинской, Ниманской и Селемджинской золотоносных систем, причем наиболее горно-таежная его часть — Керби—Экимчан (четыреста километров) — была прорезана шоссейной дорогой, хотя и недостроенной.

Выслушав нас, Вольный заявил:

— Николаевский штаб наметил именно второй маршрут: Керби — Экимчан — Благовещенск. Мне поручено уточнить лишь детали. Как обстоит дело с дорожными работами, перевозочными средствами и организацией питательных пунктов?

Я доложил:

— В районе Керби — Веселая Горка приспособлены помещения для приема людей, организованы питательные пункты. Но надо сейчас же поднять все население приисковой тайги на строительство дороги, наводку мостов. В Экимчане на Селемдже придется приступить к массовому строительству лодок; надо мобилизовать весь транспорт, завезти продовольствие; создать по всему пути следования питательные пункты. Вся эвакуация должна быть закончена в течение лета, иначе эвакуируемым угрожает голод и холод. Немедля нужно добиться самой широкой помощи во всех ее видах от Советов Амурской области.

Вольный перебил:

— Николаевский штаб еще до последних событий, зимним путем, командировал в Благовещенск Нигиевича-Случайного. От него есть сообщение, что Амурский ревком уже выделил в его распоряжение пароходы с продовольствием для экспедиции на Селемджу.

— Но независимо от Нигиевича-Случайного, — заметил я, — придется послать сейчас же авторитетную бригаду, чтобы и в Софийском, и на Экимчане, и всюду по пути эвакуации поставить на ноги всех и вся. В Благовещенске не могут знать, сколько идет народа. Надо просить о большой дополнительной помощи.

Меня дружно поддержали все члены исполкома. Вольный согласился с нашим предложением.

— Кого послать? — спросил он.

Почти разом ответили Курьянов и Чибисов:

— Бригаду должен возглавить товарищ Днепровский; он хорошо знает амурские условия, его знают в Благовещенске.

После небольшого раздумья Вольный предложил мне немедленно отъезжать и тут же, как уполномоченный Николаевского штаба, вручил мне грозный мандат на готовом бланке, подписанном Тряпицыным и Лебедевой. По этому мандату выходило, что я имел право «всех не выполняющих распоряжение предать смерти на месте».

Было за полночь. Оставшись одни, я, Курьянов и Чибисов условились, что Сашу и дочь я оставлю на попечение товарищей, и они отправят их на Веселую Горку. Друзья заверили меня, что все будет сделано как надо.

Дома я сказал Саше о предстоящем выезде и показал мандат, полученный от Вольного. За столом, на котором стоял поздний ужин, рассказал и о том, как условился с Чибисовым и Курьяновым в отношении ее отъезда в случае необходимости на Веселую Горку.

— Делай как нужно, о нас не беспокойся, — ответила Саша. Так она всегда заканчивала подобные разговоры.

Мы долго еще обсуждали детали путешествия. Я обещал не задерживаться в Благовещенске и скоро вернуться в Керби. Саша быстро собрала меня в далекий и трудный путь. Я ехал через амгуно-бурейско-селемджинскую тайгу впервые, а она таила много неожиданного.

Заснули только под утро...

Как только над тайгой вышло яркое майское солнце, я и мои спутники уже были в сборе. Со мной ехал к своей семье Вадимов и двое сопровождающих партизан.

Пара исполкомовских лошадей, впряженных в пролетку, стояла наготове.

Когда отъезжали, Саша с дочерью на руках шла вслед по дороге и махала платочком. Потом первый от поселка перелесок скрыл ее от меня. Было как-то особенно грустно, как никогда в прошлые, даже более опасные отъезды. Думалось: «Встретимся ли вновь?» И эти думы не покидали, пока мы не подъехали к первому зимовью Горелое — в двадцати пяти километрах от Керби.

На Горелом уже имелся оборудованный питательный пункт: устроены очаги и столы с навесами. То же было

сделано на Половинке и Ораго — на пути между Керби и Веселой Горкой. Шоссе между этими пунктами почти не требовало ремонта.

На Веселой Горке Худяков и другие представители Советской власти рапортовали о готовности принять эвакуируемых: питательный пункт и помещения для ночлега имелись хорошие. Здесь намечался длительный отдых для николаевцев. Под ночлег были приспособлены пустующие приисковые строения.

На митинге рабочих-горняков я и Вадимов выступили с призывами о помощи. Веселогорские рабочие заверили, что все силы отдадут для оказания помощи своим братьям, оказавшимся в столь тяжелом положении.

И своему слову горняки оказались верны. Через Гонгрин и Керби уже наводились мосты. Благодаря сухой погоде я и мои спутники пока без труда переехали вброд. Но это никого обмануть не могло: горные речки крайне капризны. Лишь стоит пройти хорошему дождю, как вода мигом выходит из берегов, сметая все на пути, забивая берега кучами валежника. И тогда уже нечего думать о переезде или переходе вброд такой реки, как Керби! Надо найти где-либо узкое место с крутыми берегами и повалить высокие прибрежные деревья, чтобы образовать «мостки» для пешеходов. Временные же, устроенные на скорую руку мосты, сносятся водой тотчас же.

Веселогорские горняки заранее наводили устойчивые переправы в узких местах с крутыми берегами и устраивали подьезды к ним от главной дороги.

Через каждые двадцать-двадцать пять километров создавались питательные пункты.

Вскоре мы подъехали к одиноко стоявшему у шоссе дому казенного типа. То было управление дорожного участка «129 верста». Телефонная связь Керби—Софийский, восстановленная кербинским ревкомом еще ранней весной, работала удовлетворительно.

Я позвонил в Керби. Там, в исполкоме, у телефона оказался Курьянов.

— Горячий привет, Иван Александрович, едем хорошо... Что нового у вас?

— Ничего приятного: сегодня ночью люди Вольного изъяли начальника радиостанции Тихомирова с женой и как «гадов» отправили в Амгунь «разгораживать заездки».

— За что?!

Тихомирову мы доверяли. В дни кербинского восстания он активно помогал повстанцам. Ясно, что это гнусное убийство — дело рук анархистских молодчиков. Видимо, кто-то из кербинцев, неприязненно настроенных к Тихомирову, наущничал Вольному.

— А как Саша? — не без тревоги спросил я.

— Отправили на Веселую Горку.

— Спасибо.

Убийство Тихомирова и его жены долго не выходило из головы. Тихомировы были симпатичные, советские люди. Двое их детей учились в Хабаровске. В Керби они проживали одиноко. Очевидно, их сочли за «буржуазный элемент» — и уничтожили...

«Сколько еще натворят гнусных преступлений анархистствующие бандиты, прежде чем их ликвидируем? Но без помощи амурских товарищей, видимо, не устранить Тряпицына и его приспешников», — думал я...

Начались большие перевалы — Кербинский, Буринский, Павловский. Дорога причудливо извивалась — то круто взбираясь вверх, то сбегая вниз при объездах горных низин и оврагов. После весеннего таяния снега почва разбухла и местами на шоссе образовались оползни и пучины. С вершины Кербинского перевала открывалась величественная панорама горной тайги. На десятки верст, до далекого горизонта, тянулись непрерывной цепью невысокие горы, сплошь покрытые лесами.

Всюду, куда ни бросишь взор, — хаотическое нагромождение валежника и бурелома!

В этом году весна выдалась на редкость ранняя, теплая. Хотя был только конец мая, деревья уже покрылись молодой сверкающей на солнце зеленью. Горные утесы и обрывы, обращенные к солнцу, отливали на темном фоне красивым лиловым цветом багульника. Пахло молодой хвоей лиственницы и смолой. Пернатые уже прилетели, и тишина тайги нарушалась звонким щебетом и пеньем.

Насекомые — комары и мошка, — эти страшные властители тайги, ни днем ни ночью не дающие покоя ни человеку, ни зверю, — еще не появились. В тайге было по-весеннему сыро и лесные пожары — частые спутники тепла — еще не начались.

Почти нет признаков человеческой жизни! Лишь внизу, в долинах, между горными перевалами, там, где про-

биваются быстрые таежные речушки и горные ключи, чернеют редкие хижинки и фанзы — жилища приисковых рабочих старателей — русских, китайцев, корейцев.

Могучая приамурская тайга, воспетая в песнях, стояла торжественная, суровая, величественная. И среди этой девственно свежей весенней тайги казалось невозможным, что там, позади, на берегах Амура и Амгуни, в Приморье и впереди — в далеком Забайкалье — еще кипит жестокая борьба с ненавистными кровавыми захватчиками, и русские люди страдают и переносят великое горе и муки...

Очарованные красотами тайги, мы спустились с Кербинского перевала в долину Бурейки — истока реки Бурей, одного из крупных судоходных левобережных притоков Амура. Так как день клонился к вечеру, мы заночевали в придорожном зимовье Бурейка.

До Софийского оставалось еще проехать около семидесяти километров, в том числе преодолеть перевалы Буринский, Павловский и гору Крошку.

Выехали с рассветом. Та же величественная таежная природа. Но по мере движения вперед все явственнее вставали возрастающие трудности эвакуации. Шоссе в долинах, через мари местами не было проложено, и проезд на телегах был здесь невозможен. Почти через все горные речушки не оказалось мостов, проезжали их вброд.

Но главным препятствием явилась гора Крошка с крутым восьмикilометровым перевалом, куда дорога была проложена лишь вчерне.

— Хватят горюшка здесь люди, — заметил Вадимов, когда мы поднялись на гребень горы.

— Да, — согласился я. — Но не забывай, Федор Васильевич, что впереди еще Эзоп.

Об Эзопе нас не раз предупреждали знатоки пути Керби—Экимчан, рассказывавшие об огромных трудностях тамошнего перевала.

К вечеру мы достигли прииска Софийского. Золотой запас из Николаевского Государственного банка уже находился здесь.

В Софийском, как и на Веселой Горке, приостановились приисковые работы, и люди поголовно все заняты были на дорожных работах и на наводке мостов. И здесь население шло на эти работы с большим энтузиазмом. Патриотизм и взаимопомощь советских людей проявлялись как-то сами собой: побудительные меры не требова-

лись. Грозный мандат Тряпицына, врученный мне Вольным, еще нигде не предъявлялся.

Так велико было сознание людей, выполнявших свой долг перед Родиной.

Как в Керби, на Веселой Горке, так и здесь, в Софийском, живут пришлые люди, но живут уже десятками лет. Они любят свободную, привольную таежную жизнь. Тайга постепенно привязывает человека, роднит с ней. И кто провел в тайге кряду несколько лет, тот становится ее пленником, — вырвать его отсюда не легко. В городе ему становится тесно.

Вот старик, белый как лунь. Живет он в небольшой сторожке у переезда через речку Акишму, что вблизи Софийского.

— Откуда дедушка? — спросил я.

— Из-под Томска.

— Один, или есть родные?

— Как же, как же, на родине есть сыны, внуки...

— А тут так один и живешь?

— Так вот и живу.

— А сколько лет, как прибыл сюда?

— Да без малого годков тридцать...

— Почему же не вернешься на родину к сынам, внукам. Небось, хотел бы встретиться?

— Да вот нет дороги... Привык здесь, жалко уезжать. Видать, назад уже не вернешься...

«Нет дороги», — ответ многих таежников, не исключая и людей интеллигентных, культурных. Они влюблены в свою золотую тайгу.

...Оставив сопровождавших нас партизан в Софийском, я и Вадимов верхами отправились на Экимчан. Оставалось еще около двухсот километров самого трудного бездорожного пути.

За рекой Акишмой почти на протяжении шестидесяти километров дорога пролегала по марям, причем то была не дорога, а лишь обозначенный ее профиль. Здесь предстояли крупные строительные работы.

Но куда более сложное препятствие открылось впереди. Предстояло перевалить огромный хребет Эзоп, разделяющий Ниманскую и Селемджинскую водные системы.

Уже у подножья хребта нам представилось прямо-таки чудо природы. Впереди простиралась сплошная каменная россыпь. На всем огромном расстоянии, сколько улавли-

вал человеческий глаз, тянулся невообразимый каменный хаос.

Кругом ни кустика: лишь большие и малые камни, нагроможденные в самом причудливом беспорядке...

Профиль шоссейной дороги здесь также был проложен лишь вчерне. Даже верховые лошади могли продвигаться с большим риском: осторожно, все тридцать километров, пока тянулся перевал, мы вели их в поводу.

— А что, Степан Петрович, через этот Эзоп сумеем проложить тележную дорогу? — спросил меня Вадимов.

— Непременно, Федор Васильевич, и немедленно — в две-три недели. Ведь вся эвакуация должна быть закончена до осени и поэтому надо спешить. В Экимчане и в окружающих приисках мы сейчас поставим всех на ноги.

— А как же с грунтом, ведь без земли дороги не построишь?

— Придется подвозить землю из долины и даже носить на себе каких бы это трудностей ни стоило...

В Экимчане нас поджидал предупрежденный по телефону Михаил Васильевич Долгих — начальник Экимчанского золотоуправления.

Михаил Васильевич, в прошлом ссыльный политкаторжанин, сочувствовал большевикам и пользовался среди рабочих большим авторитетом. Средних лет, высокого роста, с небольшой русой бородкой, открытым приветливым лицом, Михаил Васильевич производил очень приятное впечатление.

У него мы обрели и радушный прием и отдых, так необходимый после утомительного пути. Но отдыхать мы не стали — не могли.

Долгих уже знал о цели нашего приезда и полностью согласился с изложенным мною планом работ. Михаил Васильевич заверил, что дорога через Эзоп будет проложена в короткий срок (от Эзопа до Экимчана она нуждалась лишь в небольшом ремонте); питательные пункты будут организованы; большие лодки вместимостью на тридцать-сорок человек в количестве трехсот штук будут построены.

На митинге рабочие единодушно подтвердили заверение своего начальника.

Я горячо поблагодарил рабочих Экимчана от имени партизан и населения Сахалинской области.

Река Селемджа уже обмелела. Пароходы доходили только до Норского склада, что ниже Экимчана на триста километров. Не задерживаясь в Экимчани и поручив руководить работами Долгих, я и Вадимов отправились на другой день ранним утром по Селемдже на рыбацкой лодке до Норского склада. Мы рассчитывали пересечь там на паром, уходящий на Благовещенск.

2

Крупные японские силы, высадившиеся в заливе Де-Кастри, закрепившись здесь, продвигались вдоль озера Кизи к Амуру. Сверху по Амуру интервенты двигались на захваченных в Хабаровске канонерках и пароходах. Занявшая село Софийск¹ на Амуре, вражеская часть шла на соединение с Декастринской десантной группой.

Декастринским фронтом в это время командовал Лапта. В устье Амгуни и ниже к Николаевску расположились отряды Коцубы. Сюда только что прибыли артиллеристы Бодреева и небольшой партизанский отряд под командованием Леодорского.

Под давлением противника часть партизан отошла от Де-Кастри к поселку Тыр и затем на Амгунь. Оставшиеся на правом берегу Амура небольшие группы партизан, очутившись в тылу противника, производили вылазки из тайги против неприятеля, расположившегося в приамурских селах. Часть декастринских партизан отступила через тайгу к селу Циммермановка, а затем — в район села Верхне-Тамбовского.

Наиболее боеспособными являлись партизанские части, сконцентрированные на Амгуни. Они стремились сохранить свои силы и дисциплину и во что бы то ни стало не пропустить интервентов дальше по Амгуни. На правом берегу Амура среди отдельных партизан была дисциплина упала, появились сомнения и разброд. Часть людей возвратилась по своим селам и приискам. В это время кулацкие элементы и агентура интервентов попытались организовать свои отряды белых добровольцев. Но если кто туда и шел, то только в результате предательства и

¹ Рабочий поселок Софийский расположен в Верхне-Бурейском районе; село Софийск находится на Амуре, в Ульском районе Хабаровского края.

обмана; при первой же встрече с партизанами, со своими прежними соратниками, люди снова переходили к красным партизанам.

Так случилось у деревни Солнцево с белым отрядом, состоявшим из жителей Красного Яра, Мариниска и других деревень. Столкнувшись с партизанским отрядом Чащина, крестьяне — участники белой группы — отказались стрелять и присоединились к Чащину.

Быстро продвигавшиеся вниз по Амуру японские войска имели на своей стороне подавляющий перевес в живой силе и военной технике. Перед лицом такого противника мелкие партизанские отряды, занимавшие позиции у села Богородского, а затем у села Тыр, боя не приняли и отступили на левобережье Амура — к устью Амгуни.

В потере тырских позиций немалую роль сыграл неизвестный Анока, назначенный командиром батареи, прикрывавшей вход в Амгунь. При подходе японцев Анока бросил в полной исправности два орудия со снарядами и попытался перебежать к интервентам. Пойманный, на допросе он признался, что подготовил орудия для удара против красных... Предатель остался предателем. Аноку тут же расстреляли.

От Тыра партизаны отошли по Амгуни в глубину тайги и занимали теперь позиции в девяти километрах ниже Удинского склада. Здесь были установлены минные заграждения. Кроме того, минные заграждения появились на Амгуни — в районе самого Удинска — и в четырех километрах выше его. Но вражеские войска пока не делали серьезных попыток продвигаться вверх по Амгуни.

Прорвавшиеся с моря к сгоревшему Николаевску японские военные корабли высадили в районе города до трех тысяч солдат. Враги заняли крепость Чыырах, полуразрушенную партизанами при отступлении, расположились на прибывших судах и в уцелевших селениях, включительно до села Маго и района Орских приисков.

Командующий японскими войсками генерал-лейтенант Ягомучи и начальник штаба генерал-майор Суно обосновались за неимением жилищ в крепости Чыырах.

Из русского населения в город возвратились в основном лишь те враждебные элементы, которые до этого скрывались в ближайшей тайге и теперь снова вынырнули из своих убежищ.

Тем временем по Амгуни массами прибывало в Керби эвакуированное население из Николаевска. Оно заполнило до отказа небольшой поселок, размещалось в поселковых домах, наскоро устроенных шалашах и сараях. Частично эвакуированные направлялись в район Веселой Горки, где имелось много пустовавших приисковых строений. Всех теперь беспокоила одна забота — как можно быстрее пробраться в Амурскую область, в Благовещенск. Зимовка пятнадцатитысячной массы людей в районе Керби—Веселая Горка ставила их под угрозу голодной смерти. Но дальнейшая эвакуация не была еще подготовлена. Не были закончены дорожные работы; не всюду и не полностью имелись по пути эвакуации питательные пункты. Все с нетерпением ожидали приказа двигаться дальше...

Люди не могли еще очнуться по-настоящему от постигшего их бедствия, причиненного интервентами. Они потеряли личное имущество, а некоторые и близких людей. И теперь среди большого скопления измотанных дальним и крайне тяжелым переходом николаевцев рождались всевозможные слухи и сплетни о том, что никакой дальнейшей эвакуации не будет. Чуждые, контрреволюционные элементы старались еще больше раздуть и накалить и без того тяжелую атмосферу. Наиболее нетерпеливые пускались в далекий путь на свой страх и риск. В основном — это были бездетные и одиночки.

В Керби прибыли уже почти все областные комиссары и члены областного исполкома, а также следственная комиссия во главе с председателем Дылдиным. Находились здесь члены штаба — Ауссем, Перегудов. Но не было Тряпицына, Лебедевой, Железина.

Тряпицын и Лебедева с экспедиционным отрядом партизан продолжали блуждать в приамгуньской тайге. Железин задержался в районе Орских приисков. Власть в Керби сосредоточивалась в руках уполномоченного штаба Вольного, одного из партизанских командиров, человека недостаточно решительного. Кербинский исполком ограничивался решением местных вопросов.

Вольный не обладал достаточным авторитетом, чтобы успокоить народ. Обстановка накалялась. Примазавшиеся к партизанам чуждые и случайные элементы все более распускались. Для них человеческая жизнь словно потеряла свою ценность. Особенно террористически вели

себя в Удинске Сасов-Беспощадный, Боголюбский и Биценко, а в Керби головорезы — Морозов и Вихров.

Сасов — крестьянин деревни Матвеевки Хабаровского уезда, командир отряда — сейчас был назначен Тряпицыным командующим Амгуньским фронтом. Кличку «Беспощадный» он сам добавил к своей фамилии. Боголюбский — в прошлом приверженец Тряпицына — производил плохое впечатление еще в бытность командиром одного из батальонов Будринского полка. Сейчас он совершенно разнуздан и разложился. Но пока не было третьего «героя», неизвестного Биценко, Сасов и Боголюбский особенно себя не проявляли.

Биценко, проштрафившись после ареста Будрина, Мизина и других, попал на Декастринский фронт в качестве рядового и тут же от Лапты получил должность ротного командира и кавалерийский отряд в шестьдесят человек.

После поражения на правом берегу Амура Лапта ушел с остатками отрядов в район деревни Циммермановка. Биценко же со своими кавалеристами «отступает» на Удинск и здесь, выдавая себя за помощника командующего Декастринским фронтом, подчиняет себе Сасова и Боголюбского и наводит ужас и панику.

Вскоре о его похождениях стало известно в Керби. Его туда и вызвали.

Взяв с собой кавалеристов, Биценко прибыл на катере в Керби с намерением арестовать и уничтожить Вольного и председателя ревтрибунала Дылдина. Но последний уже его ждал; Дылдин, получивший указание арестовать Биценко, когда тот появится на берегу, сразу как только катер пришвартовался, пригласил «страшного удинца» с собой.

Биценко понял, что его ведут не туда, куда он хочет. Выхватив наган, он сделал выстрел в воздух с целью предупредить свой отряд. Увидев, что ничего не выходит, он выстрелил в Дылдина, но промахнулся: пуля, пробив фуражку, задела лишь волосы. Не растерявшийся пред-ревтрибунала выпустил из своего браунинга все патроны в бандита.

Валяясь в собственной крови и бешено проклиная всех, Биценко пытался снова стрелять в Дылдина, но безрезультатно. У него, уже мертвого, при обыске нашли за поясом погоны подполковника колчаковской армии.

Так был стерт с лица земли матерый волк, сумевший пролезть в ряды партизан еще во время похода на Николаевск...

Уничтожение Биценко окончательно открыло глаза многим партизанам на происходящие события. «Так вот кто требовал расстрелов, так вот каковы «тряпицыны»... — задумалась не одна сотня голов. Но пока еще не хватало организующего центра, чтобы гнев народа прорвался со страшной для всей этой накипи силой.

...После двадцатидвухдневного блуждания по амгуньской тайге экспедиционный отряд Тряпицына вышел к Удинску. Получив информацию о положении дел на фронте, Тряпицын отдал ряд распоряжений.

Командующим Амгуньско-Тырским фронтом до этого был Коцуба. Там же находились Леодорский — командир роты — и Бодреев со своими артиллеристами. Видимо, не доверяя им, Тряпицын назначил Сасова командовать фронтом, а Лапту утвердил командиром партизанских частей района Мариинск—Хабаровск. Одновременно выпускается обращение к населению: не давать продуктов японцам и доносить о всех их передвижениях; всех, кто помогает интервентам или связан с ними, — расстреливать на месте.

В распоряжении, адресованном командирам, Тряпицын призвал к повышению дисциплины:

«Ни в коем случае не оставлять позиций, хотя бы пришлось умереть на месте. Всех не исполняющих боевые задачи и распоряжения расстреливать на месте, как предателей общего дела рабоче-крестьянской революции».

Но подобные приказы теперь уже не имели той силы, которая спланировала партизанскую армию в ее походе на Николаевск. Очень многие партизаны поняли, что линия Тряпицына, которого они ранее уважали, идет вразрез с линией партии большевиков. Партизаны же из числа неустойчивых пасовали перед сильным врагом. И грозная прежде партизанская армия низовьев Амура постепенно сокращалась. От отдельных командиров поступали жалобы на невыполнение приказов и уход людей по домам и в сопки. Организованней, крепче других оставались партизаны и артиллеристы Бодреева, Леодорского и других командиров-большевиков, защищавшие подступы к Амгуни. Они удерживали позиции и не пускали дальше японцев. Бойцы понимали, что там, позади их, в амгуно-

кербинской тайге, находятся тысячи мирных жителей — амурских рыбаков, женщин и детей, бежавших от кровавых интервентов.

К этому времени относится рейд третьей роты в составе пятидесяти партизан в тыл врага. Командира роты Прохоровича штаб направляет сначала в район Орских приисков, а затем дает задание проникнуть к Николаевску, в крепость Чныррах, разведать там обстановку и захватить командующего японскими войсками генерала Ягомучи.

На трех катерах, вместе со своим помощником Жубиным, Прохорович проник протоками в систему озера Чля, а оттуда тайгой прошел в район Николаевска. Захватить японского командующего ему не удалось, так как крепость сильно охранялась, но зато он выяснил наличные силы оккупантов, создавших линию обороны под прикрытием крейсера, двух миноносцев и двух канонерок.

В пяти километрах от Николаевска Прохорович разыскал оставленные при отступлении в разобранном виде два орудия и надежно упрятал их вместе со снарядами.

...После короткого пребывания в Удинске Тряпицын и Лебедева на пароходе «Амгунец» направились вместе с частью экспедиционного отряда в Керби.

Теперь здесь находились все органы власти. Штаб, а вернее Тряпицын, назначил анархиста Оцевилли-Павлуцкого комиссаром местных приисков и обязал приступить к работе следственную комиссию.

Произошла реорганизация комиссии по эвакуации, председателем которой стал Коренев, а заместителем его Воротников. Но деятельность этой комиссии целиком зависела от материальной поддержки Амурского ревкома в городе Благовещенске. Туда и были обращены теперь все взоры.

Угрюмый, потерявший доверие даже к близким, видя всюду «предательство», Яков Тряпицын вместе с Лебедевой почти безотлучно находились на «Амгунце», где и расположился их штаб. За двадцать дней пребывания в Керби он и Лебедева — все еще начальник штаба — лишь однажды побывали на Веселой Горке, якобы с целью проверки готовности к эвакуации и один раз вместе с комендантом гарнизона Керби Граховым посетили фронт в Удинске.

Их приезд сюда в немалой степени вызывался слуша-

ми о «неблагонадежности» ряда командиров, в частности Леодорского, Бодреева и других. Убийство бандита и провокатора Биценко сильно задело Тряпицына. Но свое недовольство он скрыл, заявив Сасову, что Биценко все равно подлежал расстрелу.

На военном совете, созванном в Удинском 19 июня, Тряпицын поставил задачу — выбить японцев из устья Амгуни, угрожая в противном случае расправиться с некоторыми командирами. Но эта задача теперь была явно не выполнима.

Все шире становились известными намерения Тряпицына и Лебедевой выехать в Благовещенск. Многие это расценивали как преднамеренное бегство, что еще больше роняло престиж командующего среди партизан.

В этот кербинский период близким к Тряпицыну стал В. И. Нечаев. Он и Федор Железин, один кооператор, другой — учитель, попав под тряпицынское влияние, окончательно огрубели и обнаглели.

3

Период весенних предутренних туманов, обычных для верховьев реки Селемджи, закончился. Яркие лучи восходящего солнца озаряли окрестности Экимчана, отражаясь в прозрачной, как хрусталь, реке. Многочисленные островки покрылись свежей зеленью. Птицы, недавно появившиеся здесь, наполняли воздух несмолкаемым трезвоном. Веяло утренней прохладой.

В такое утро я и Вадимов готовились двинуться на небольшой рыбацкой лодке в дальнейший путь на Благовещенск. Мы успели накоротке передохнуть после тяжелого пути Керби—Экимчан и сейчас, бодрые, свежие, собирались тронуться дальше. Михаил Васильевич Долгих — заботливый, гостеприимный хозяин — с группой рабочих усаживал нас в лодку и давал наставления, как плыть по незнакомой, очень капризной реке.

В последнюю минуту перед отплытием прибежал посыльный и вручил мне телефонограмму, только что полученную из Керби от Тряпицына. В ней сообщалось, что командующий требует подробного доклада о положении дел с эвакуацией.

С отплытием пришлось задержаться. Направляясь вместе с Долгих обратно в управление приисков, я обду-

мывал ответ Тряпицыну. Возвращаться для личного доклада, не побывав в Благовещенске, не ознакомив амурских товарищей со сложившейся ситуацией, было явно нельзя.

Я решил ехать дальше, а Тряпицыну послал подробную телефонограмму, в которой, в частности, подчеркнул:

«Эвакуация не обеспечена, требуется немедленная и крупная материальная помощь Амурского ревкома. Поэтому еду туда для личного выяснения и разрешения всех вопросов, связанных с эвакуацией, после чего немедленно вернусь в Керби».

Лодка, подхваченная течением, стремительно неслась по быстрой реке. А на перекатах, которых на Селемдже, не в пример Амгуни, великое множество, она проносилась стрелой. Но были и рискованные моменты. Уже издали мы заметили «гейзеры» бурлящей воды и шум водопада. Приближался самый опасный перекат, о котором особенно предупреждал Долгих, советовавший держаться правой стороны по течению. Русло реки подводным каменным выступом, выходящим на поверхность воды, в этом месте рассекается на две части. Вода скатывается по обе стороны камня и образует кипящий водоворот. И лодка, если особенно она попадает по левую сторону камня, зарываясь носом в воду, может свободно перевернуться. От гребцов требуется большая сноровка, чтобы благополучно миновать опасное место.

Но мы плыли по Селемдже впервые и не знали всех капризов бурной реки. На руле сидел я. Лодка мчалась по перекаату к злополучному месту. Не успев сделать нужного поворота руля, я почувствовал удар. Нас подхватило сильной струей, ударило о камень. К счастью, бросок оказался удачным: мы не перевернулись. Зарывшись носом в воду, лодка вынырнула, и хотя при этом наполнилась водой до краев, но все же своей пловучести не потеряла. Сорвало правую уключину вместе с веслом.

С трудом подрулив к песчаному островку, заросшему молодым ивняком, мы решили устроить ночевку, так как солнце клонилось к вечеру и надо было вычерпать воду, подсушиться и сделать новое весло...

Природа верхней и средней Селемджи еще более дикая, чем на Амгуни. Острова утопают в сплошных зарослях тальника, боярышника и черемухи. Огромные кусты

черемухи разрослись и, причудливо переплетаясь между собою побегами, образовали сплошную непроходимую чашу.

Сейчас, в начале июня, черемуховые острова представляли сплошную белую массу. Воздух до отказа напоен ароматом цветущей черемухи. Позже, в августе — сентябре, здесь будет все черно от крупной переспевшей вкусной ягоды. Ее никто не собирает. На эти острова в течение лета не ступает нога человека. Вокруг, на десятки километров, нет не только поселений, но даже одиночных хижин охотников и рыбаков. Лишь медведи, обламывая ветви, будут лакомиться ягодой.

Ранним утром мы двинулись дальше, решив быть более осторожными на перекатах. И только к вечеру добрались до маленького, в пять-шесть домов, поселка Февральского. Нас радушно встретил начальник почтово-телеграфного отделения Январий Петрович, высокий, статный, краснощекий мужчина средних лет, с большой окладистой рыжей бородой. Всем своим видом он и его жена, такая же статная, дородная женщина, и куча детей свидетельствовали о спокойной, безмятежной таежной жизни. Оба по-русски были рады приезду гостей и без конца угощали крепким чаем со сливками, блинами со сметаной, вареньем, прекрасно сохранившимся еще с прошлого лета.

До Норского склада добрались лишь к вечеру следующего дня. Там, у причала, стоял небольшой пароходик «Пионер». Еще издали мы опознали его как старого «друга», на котором оба, работая раньше в амурской кооперации, неоднократно ездили по рекам Зее и Селемдже. Путь от Норского склада обоим нам был хорошо знаком. «Пионеру» мы очень обрадовались. Зная, что вследствие мелководья он выше Норского не пойдет, мы рассчитывали уехать с ним до Благовещенска.

Но оказалось, что на пароходе прибыл уполномоченный Николаевского штаба Нигиевич-Случайный, тот самый, которого направили из Николаевска в Благовещенск еще зимним путем. Сейчас он ожидал в Норском прибыти воды, чтобы двинуться на Экимчан.

С уполномоченным были продукты, одежда и другие предметы для эвакуируемых из Николаевска. Нигиевича я знал по Николаевску, встретились мы радушно. Он плохо был осведомлен о николаевских делах, видимо, стеснялся о городе и спрашивал обо всем без конца.

— Меня очень беспокоит маленькая дочурка, оставленная в Николаевске, — сокрушенно говорил он.

— Какую помощь оказали амурские власти? — спрашивал я.

— В Благовещенске не вполне понимают сложившейся обстановки, относятся к нам, николаевцам, недружелюбно. Помогли не очень сильно...

Я рассказал Нигиевичу о цели своей поездки.

— Постараюсь убедить амурских товарищей в необходимости самой широкой помощи. Там меня знают и отнесутся с большим доверием.

— Поезжайте, поезжайте... Возможно добьетесь помощи лучше меня, — обрадовался Нигиевич.

Не задерживаясь и пообещав держать с ним связь, мы на своей лодке двинулись дальше, рассчитывая не далее как в селе Мазаново на реке Зее пересечь на пароход.

Течение Селемджи здесь спокойное, берега заселены. Помимо значительного поселка Норского склада, расположенного почти напротив впадения реки Норы, и крупного села Угловое, здесь много других мелких деревень. Это обжитая Селемджа.

Уже в селе Угловом нам пришлось расстаться со своей лодкой, с которой за четырехдневное путешествие по Селемдже крепко сдружились. Пересели мы на пароход «Якут», прибывший рейсом Благовещенск—Угловое и в тот же день возвращавшийся обратно. Удобно разместившись в кают-компании и хорошо закусив, мы заснули крепким после утомительного путешествия сном.

В Благовещенск прибыли лишь утром на третий день после отхода парохода из Углового.

В областном ревкоме меня встретил тепло и дружески его председатель Степан Шилов, старый приятель по работе и совместной жизни в Благовещенске в 1918—1919 годах.

Степан Самойлович Шилов — из крестьян Забайкалья, газетный работник и писатель, в прошлом эмигрант. В 1918 году, после отступления из Читы, под нелегальным именем Бастрикова он был зачислен инструктором Амурского союза кооперативов. Вскоре Степан Шилов становится во главе Амурского партизанского штаба, находившегося в районе села Тарбогатая, редактирует газету «Красный клич», в дальнейшем возглавляет «Та-

ежный областной исполком», а затем, после освобождения области от интервентов в 1920 году, становится председателем Амурского облревкома.

Высокий, широкоплечий, сильный — таков был Степан Шилов по наружности.

— А, паря зараза, жив оказался, — шагнул навстречу мне Шилов и взял в свои могучие объятия.

— Как видишь, паря. А ты-то, ты-то как уцелел? — хлопая по плечу Степана, сказал я.

— Да уж такая моя удача в жизни, — заметил Шилов. — Ну, а как там Митрофановна здравствует? — тут же вспомнил он мою Сашу.

Александра Митрофановна много помогала Степану Шиллову и другим нелегально жившим в Благовещенске советским работникам после их эвакуации из Читы, Иркутска и других сибирских городов. И он относился к ней с большим уважением.

— Хорошо живет, наказывала передать тебе сердечный привет.

— Спасибо, молодец женщина...

Мы разговорились и вспомнили старину.

— А помнишь, Степан, как тебя всю ночь ждали на даче полковника Иванова? — напомнил я.

Мы рассмеялись.

Было это так. С целью конспирации я снял дачу у полковника Иванова в хуторе Верхне-Благовещенском на Амуре, в шести километрах от Благовещенска. Хутор в то время считался контрреволюционным очагом. По соседству с дачей проживал эксправитель области — атаман Гамов; являясь местным жителем, он ранее работал учителем в этом же хуторе.

Дачу посоветовал снять и посодествовал в этом бывший член правления областного союза «Амурский кооператор», местный казак Гавриил Перебоев — добрый, простой русский человек, лояльно относившийся к Советской власти, не раз выручавший отдельных большевиков, попавших в гамовскую разведку. Решив, что со стороны конспирации так будет лучше, к нам, помимо Степана Шилова с женой, перебрались еще несколько живших нелегально товарищей.

Однажды, пообещав быть рано вечером, Степан с двумя товарищами задержались. Время перевалило за полночь, а они не приходили. Нами овладело беспокойство:

на дороге в хутор размещался казачье-офицерский кордон — могли задержать. Прибыли Степан и другие только под утро. Возвращаясь после полуночи, они действительно попали к казакам, но выручила находчивость Степана.

— Кто вы и куда направляетесь? — последовал вопрос офицера.

— Инструкторы союза «Амурский кооператор», идем в хутор Верхне-Благовещенский, — отвечал Степан.

— Зачем туда идете? — еще больше заинтересовался офицер.

— Там живем.

— Где живете?

— На даче полковника Иванова, рядом с атаманом Гамовым, — не моргнув глазом, выпалил Шилов.

Офицеры переглянулись и, видимо, подумали: «Ну, коли живут в Верхне-Благовещенском, на даче полковника Иванова, да еще рядом с атаманом Гамовым, — значит свои, благонадежные». И офицер-хорунжий, обращаясь к Степану, вежливо заявил:

— Вы, господа, свободны.

Когда товарищи пришли на дачу, на них сразу набросились, особенно женщины: «Разве можно так рисковать»... Но после рассказа Степана Самойловича все развеселились и много смеялись.

Смеялись мы и сейчас, вспомнив этот эпизод.

Во время разговора в комнату развалистой походкой, придерживая левой рукой пенсне, вошел очень сухощавый, средних лет мужчина. Это был Петр Николаевич Караваев — редактор областной газеты «Амурская правда» и председатель президиума обкома партии большевиков. Я хорошо знал Петра Николаевича по Благовещенску в период 1918—1919 годов.

Старый партийный работник, костромич, он прибыл в Благовещенск из Иркутска вместе с группой других сибирских партийных и советских работников, еще до падения Советской власти на Амуре. В период гамовщины и колчаковщины в Амурской области жил полулегально, вел подпольную работу и часто приводил ко мне и Николаю Константиновичу Сенотрусову в «Амурский кооператор» партийных работников, перешедших на нелегальное положение, для устройства на работу.

Я и Николай устраивали. В результате почти весь

инструкторский аппарат союза кооперативов составил из бывших сибирских и забайкальских комиссаров — крупных партийных работников. Так и не проведала тогда вражеская разведка, что под вывеской кооператоров-инструкторов скрывались видные комиссары — почти все будущее советское руководство Амура.

Подготовленный марксист, кристальной честности большевик, Петр Николаевич Караваев пользовался любовью и уважением амурских коммунистов еще в нелегальный период. Позже, после восстановления Советов, авторитет его еще больше возрос.

— А, Степан Петрович, вот неожиданно явился, как с неба свалился... А мы уже думали справлять тризну по тебе, — приветствовал Петр Николаевич, называя меня настоящим именем.

Питая к Караваеву особое уважение, я рассчитывал поскорее встретиться с ним, и именно с ним, чтобы подробно рассказать о николаевских событиях, и поэтому очень обрадовался его появлению.

— Несказанно рад, Петр Николаевич, что ты уцелел... Мы все так беспокоились о тебе...

Завязалась оживленная беседа. Подошли Яков Иванович Яковлев — заместитель председателя облревкома и Николай Михайлович Матвеев — крупный революционный работник из Забайкалья, в последующем — председатель правительства Дальневосточной республики, а в этот период — военный комиссар Амурской области. Меня засыпали вопросами про николаевские дела, о которых у амурских большевиков имелись противоречивые и неясные представления.

Коротко я объяснил создавшуюся там обстановку.

— Без вашей широкой и немедленной помощи люди, эвакуированные в Керби, могут погибнуть, если их оттуда своевременно не вывезти. Причем помощь нужна не только материальная, но и военная, чтобы изолировать Тряпицына и его приверженцев, не пропустить японцев в этот район, — добавил я в заключение своей информации.

— Кой-что из продовольствия, обуви, одежды мы уже отпустили Нигневичу-Случайному, хотя сделали это скрепя сердце, потому что человек-то он, видимо, действительно случайный, — сказал Матвеев. — Надо послать нашего уполномоченного, человека надежного во всех

отношениях, конечно, большевика, и отпустить все, что требуется для эвакуации, — предложил он.

Петр Николаевич поддержал:

— Сделать это надо немедленно. Степан Петрович — самая подходящая кандидатура для этого сложного и вместе с тем опасного дела.

— Не только не возражаю ехать обратно, — ответил я, — но даже просил бы об этом. Сейчас Амгуно-Кербинским исполкомом уже много сделано по организации эвакуации; я хорошо знаю местные условия.

— Вот и чудесно, — заметил Петр Николаевич.

— Только обеспечить надо всем необходимым для эвакуации — пароходами, лошадьми, продовольствием и прочим.

— Все будет сделано, — подтвердил Шилов.

Петр Николаевич добавил:

— Все практические вопросы разрешишь в комиссариатах: продовольствия, водного транспорта. Кстати, их возглавляют твои же кооператоры-«инструкторы». Обком даст указания. Твою же информацию о николаевских делах, Тряпицыне и прочем заслушаем на обкоме.

— Ну, Степан, решено и подписано, поедешь в Керби уполномоченным Амурского облревкома, так будет крепче. А сейчас пойдем ко мне, — предложил Шилов.

Но Яковлев задержал меня.

— Тут, товарищ Днепровский, для тебя есть телеграмма из Керби от Тряпицына. Требуется обратного и скорого возвращения, — подавая мне распечатанную телеграмму, предупредил он.

Тотчас же от имени ревкома Тряпицыну был послан ответ, в котором указывалось, что я назначен уполномоченным Амурского ревкома по эвакуации населения Сахалинской области, что в мое распоряжение выделяются необходимые перевозочные средства, а также продовольствие и одежда дополнительно к тому, что везет Нигневич и что я немедленно направляюсь в Керби.

На прощание Петр Николаевич дал понять, что когда обком заслушает мою информацию, то решения политического характера в отношении николаевских событий не примет, так как руководство обкома и облревкома ограничены областью. Но я и не преследовал большего. Мне хотелось рассказать о настоящем лице тряпицынцев.

Поздно вечером, возвращаясь к Вадимову, с которым

условился, что буду это время жить у него, я находился в приподнятом настроении. Радовало, что встретил близких друзей и что дело эвакуации, из-за которого я прибыл в Благовещенск, теперь будет обеспечено. Доволен я был и тем, что еду обратно в Керби уполномоченным Амурского ревкома и что мне обещан хороший, боевой отряд из состава Амурской Красной армии для охраны пунктов эвакуации, и что о моем возвращении в Керби послана Тряпицыну телеграмма от имени ревкома.

Вадимовы меня поджидали. Хорошая старушка-мать, братья, сестра и дочь Вадимова (жена у него умерла) были бесконечно рады за своего Федора, что завялился цел и невредим, когда его уже считали погибшим.

Без усталости они рассказывали о том, что люди выстрадали и вытерпели при интервентах и колчаковцах.

Со дня изгнания из Благовещенска интервентов и восстановления в области Советской власти прошло более пяти месяцев. Японцы вкупе с атамановцами и другими белогвардейскими выродками причинили огромный ущерб народному хозяйству Амура. Некоторые села были сожжены, разграблены, продовольственные запасы городов истощены. Тысячи советских патриотов погибли в суровой партизанской борьбе за независимость Родины, за честь родного Красного Амура. Многие семьи остались без отцов, без крова.

По подсчетам специальной комиссии, убытки водного транспорта области от интервенции составили около тридцати пяти миллионов золотых рублей. Крепко пострадала железная дорога. Общий ущерб других отраслей хозяйства Амурской области (кроме железнодорожного и водного транспорта) составил двадцать пять миллионов золотых рублей.

На Амуре в период интервенции пытались основательно уселиться японские промышленники. Американским капиталистам Паркеру, Буну и другим, изгнанным из амурской золотой промышленности, снова удалось проникнуть сюда сразу же после падения Советской власти в 1918 году. В этом им помог майор американской армии, присутствовавший на съезде золотопромышленников области в ноябре 1918 года; он настоял на сдаче в аренду американским капиталистам многих золотых приисков.

И все же сколь ни велики были разрушения, жизнь освобожденного Амура уже была ключом. Восстанавли-

валась горная промышленность; работало удовлетворительно судоходство.

Амурские большевики, выдвинутые народом к власти, пользовались авторитетом и любовью трудящихся, во всем они проявляли выдержку, деловитость и кипучую деятельность. Здесь не было типичных для анархо-лево-эсеровщины истерики и бреда. Имелись, правда, и такие, что лезли из кожи вон, выступая против буфера. Отдельные из них, например анархист Жуковский, стояли горой за Тряпицына и Лебедеву и были не прочь пересадить их «метод» на амурскую почву. Но не в пример Николаевску, их влияние здесь было ничтожным. Амурские большевики давали им отпор и готовились к переходу на новые формы областной власти в соответствии с директивами ЦК РКП(б) и статутом Дальневосточной республики.

На следующий день в обкоме партии я встретился с Буниным. Он благополучно добрался тогда зимой до Благовещенска и сейчас заведывал агитационно-пропагандистским отделом обкома. С особым интересом он расспрашивал меня, что произошло после его отъезда из Николаевска, и сокрушенно, с тем же надтреснутым смешком сказал:

— А некоторые амурцы в чем-то подозревают нас, николаевцев, даже не прочь оправдать поступки Тряпицына и Лебедевой.

— Ничего, скоро прозреют. Тряпицын со всем своим окружением идет ко дну, в этом вряд ли нужно сомневаться, — ответил я.

Бунин согласился.

Я напомнил, что сегодня на обкоме буду делать информацию о николаевских событиях, но предупредил, что многое о николаевских событиях и сам не знаю еще точно.

Бунин посоветовал:

— Ты дай политическую оценку тряпицынщины, я допущу. А о том, что там произошло, обком знает по информации из Керби, конечно, напыщенным и вздорным. Тут уже известно, что интервенты в Николаевске были разбиты, город сожжен, народ вывезен в Керби.

Информация моя и Бунина о николаевских событиях была заслушана с большим интересом на расширенном заседании обкома партии. В кратком обмене мнениями

руководящие товарищи оправдывали линию большевиков. О расстреле Будрина, Мизина и других, о массовом терроре, похождениях Биценко и других бандитов тогда не было еще известно ни обкому Амура, ни мне. Все это выяснилось позже.

По существу событий никаких оценок обком не принял, но подтвердил необходимость оказать мне, как уполномоченному Амурского ревкома по эвакуации, широкую помощь...

Через несколько дней после заседания обкома, в начале июля, я отправился в обратный путь в Керби. В мое распоряжение выделили шесть пароходов, груженных до отказа продовольствием и всем необходимым. В мандате давалось право на мобилизацию конного транспорта; Нигиевичу-Случайному предлагалось передать полномочия мне и самому вернуться в Благовещенск.

Наша экспедиция двинулась на Селемджу в сопровождении выделенного в мое распоряжение отборного отряда из шестидесяти красноармейцев.

О выезде из Благовещенска я послал телеграмму штабу в Керби.

4

О последнем приезде командующего 27 июня в Удинск, о заседании военного совета, который решил произвести чистку командного состава, если партизаны, прикрывавшие подступы к Удинскому, не выбьют японцев из устья Амгуни, на фронте уже знали. Со дня на день там поджидали «посланцев» Тряпицына.

Видную роль, как уже отмечалось, на фронте играл Бодреев — командир партизан-артиллеристов. По «делу Будрина» Тряпицын не изъял и не «ликвидировал» его тогда, якобы как хорошего артиллериста, но считал его своим врагом и ждал более удобного случая, чтобы расправиться.

Когда Тряпицын после выхода из тайги появился в Удинском, ему еще раз напомнил о Бодрееве «свой человек» — командир первого партизанского полка Амуров-Козадоев, прибывший сюда несколько раньше. Видя популярность Бодреева среди партизан, Амуров-Козадоев настойчиво твердил, что артиллериста надо убрать.

Сейчас Тряпицын решил, что время для расчета пришло. Под видом назначения Бодреева начальником складов в Керби он приказал снять его с фронта.

Заодно решено было снять и командира роты Леодорского, якобы за невыполнение боевого задания, а на деле — как личного врага. Леодорский ненавидел Тряпицына за расстрел своего бывшего командира Ивана Александровича Будрина.

Для выполнения новых замыслов Тряпицына на фронт из Удинска был направлен катер с вооруженным отрядом под командованием Амурова-Козадоева. Но партизаны Амгуньского фронта предвидели действия Тряпицына и готовились.

Артиллеристы Бодреева и бойцы Леодорского были начеку. Амурова-Козадоева, когда он вышел из причалившего катера, встретили на берегу Бодреев и Леодорский с группой вооруженных партизан. Ничего не подозревая, полагая, что его пришли приветствовать как представителя командования, Амуров поздоровался и, обращаясь к Бодрееву, сказал:

— За тобой, Иван Павлович, прибыл. Тряпицын требует тебя в Керби для работы.

— Знаю, для чего требует, ты мне голову не крути, — как бы в шутку произнес Бодреев. И тут же скомандовал своим партизанам:

— Обезоружить и арестовать Амурова!

Как всегда, уверенный в беспрекословном выполнении приказов Тряпицына, Амуров-Козадоев поразился таким оборотом дела и, растерявшись, отдал свое оружие партизану-артиллеристу. Люди Амурова не оказали сопротивления и были также обезоружены.

В тот же день, оставив необходимый заслон против японцев, сильный отряд партизан под командованием Бодреева и Леодорского снялся с фронта и на пароходах и катерах двинулся на Удинск.

— Пора навести порядок... Враги большевиков — наши враги, — говорили возбужденные партизаны о тряпицынцах.

Командующий фронтом Сасов-Беспощадный спал, когда к нему ночью постучались Бодреев и Леодорский с несколькими партизанами. Его арестовали почти спящего, ничего не понимающего. Арестовали и его сподвижников — Куликова, Горелова, Трубочнинова и других. Со-

противления никто не оказал — так велика была растерянность среди «тряпицынцев».

Пополнившись в Удинске парохомом «Муром», флотилия партизан двинулась в Керби. Вечером 3 июля она приблизилась к Керби, но арест Тряпицына решили произвести поутру. Пароходы и катера задержались ниже Керби.

Яков Тряпицын и Нина Лебедева в это время находились на пароходе «Амгунец». На завтра намечался их отъезд вместе с частью экспедиционного отряда в Благовещенск, и они к нему готовились. Теперь они жили как муж и жена, уже не скрывая от других своей близости, установившейся сразу же по приезде Лебедевой в Николаевск, после занятия города партизанами.

Перспективы поездки в Благовещенск были для них неясные, ничего хорошего не сулящие. Они знали, что в Амурской области Советы возглавляются большевиками — людьми, весьма авторитетными в массах. Хотя и там в состав исполнительных органов власти входили кое-где левые эсеры, но можно ли было рассчитывать на них, если они большим влиянием не пользовались?

Ощущая свое бессилие, Тряпицын, Лебедева и их сторонники верещали на все лады, что в Благовещенске власти неактивны, что там мало инициативы в смысле борьбы с японской агрессией и что вот Тряпицын, Лебедева, прибыв в Благовещенск, «поднимут народно-бунтарский дух и в новом революционном натиске сокрушат земский буфер». Но за этими лживыми трескучими фразами ничего, кроме страха перед организованной силой народа, не скрывалось. То была обычная анархистская болтовня демагогов.

Тряпицынцы знали, что весть о расстрелянных ими николаевских комиссарах — Будрине, Мизине, Иваненко, Любатовиче — дойдет до Благовещенска (а может быть, уже и дошла) и что им этого не простят. Тогда появлялась мысль задержаться где-либо на пути, хотя бы в Свободном на реке Зее и, опираясь на свои вооруженные отряды, попытаться в пику Благовещенску создать здесь «Свободненскую советскую республику», — но без большевиков.

С преследованием своих мнимых противников Тряпицын и Лебедева зашли так далеко, что заставили прозреть даже ранее преданных им людей — Дылдина, Аус-

сема и многих других. С ужасом поняли эти товарищи, как далеко завела их вера в николаевского «диктатора». Лишь небольшая кучка разложившихся, потерявших связь с народом личностей типа Амурова, Сасова и им подобных, продолжала верить в своего «вождя» и следовать за ним.

Случайно выдвинутые на авансцену борьбы, Тряпицын и его сподвижники оказались банкротами: они умели лгать, но не строить. Им все казалось не так из того, что осуществляла большевистская организация, во всем видели они измену — и в том, что большевики не объявляют войны Японии, и в том, что большевики вынуждены строить на Дальнем Востоке временное демократическое буферное государство. Не будучи в силах что-либо изменить, тряпицынцы скатывались на путь террора. Злоба, отчаяние и безнадежность довели над ними...

Николаевский «диктатор» и его жена спали, когда в шесть часов утра в каюту парохода «Амгунец» постучал Леодорский.

Он и Бодрев с партизанами только что незаметно высадились в нижнем конце поселка. В то время как Бодрев направился для ареста Железина и других тряпицынцев, Леодорский вызвался задержать самого Тряпицына и Лебедеву.

Он постучал в дверь каюты сначала тихо. Никто не откликнулся. Тогда он застучал сильнее. Дверь каюты открыл Тряпицын.

— Вы арестованы, — с некоторым волнением произнес Леодорский, держа в руке наган. Возле него стояло несколько вооруженных партизан; отдельных из них Тряпицын знал в лицо.

Тряпицына передернуло, но, стараясь не выдать своего волнения, он спросил:

— Кто поднял возмущение?

Вместо ответа Леодорский уже настойчивее повторил:

— Вы арестованы. Отдайте ваше оружие.

Тряпицын взял со стола маузер и отдал Леодорскому.

Проснувшись и Лебедева. Она не раз была в опасных положениях: и когда убегала из калмыковской контрразведки, и в ночь на 12 марта, в момент нападения японцев на штаб. Но сейчас ее охватил страх. Она сразу поняла, что произошло неотвратимое. Ее лихорадило.

Обращаясь к ней, Леодорский сказал:

— Вы также арестованы.

— Дай ей одеться, — попросил Тряпицын.

Вскоре Лебедева вышла одетая. Обоих увели и посадили порознь под арест в трюме парохода. Тряпицын запротестовал, тогда им отвели общее помещение.

Одновременно в поселке происходили розыски сподвижников Тряпицына. Были арестованы Железин, Харьковский, Дылдин, Дед-Пономарев и многие другие. Почти всех захватили спящими, и никто из них не обнажил оружия. Лишь Оцевилли-Павлуцкого, арестованного в тот же день на Веселой Горке и пытавшегося оказать сопротивление, сильно избили.

Всего в Удинске, Керби и на Веселой Горке арестовали тогда свыше четырехсот пятидесяти человек, в том числе многих партизан из тряпицынского экспедиционного отряда. Разоружили и арестовали личную разведку Тряпицына — Морозова, Вихрова и других.

Арест Тряпицына, Лебедевой и их приверженцев партизаны и население встретили с одобрением. Люди свободно вздохнули и восприняли события как свое освобождение. Радость была понятной, если учесть, что многие лишились друзей и близких от руки Биценко, Морозова и им подобных.

Убиралась отвратительная грязь, налипшая на партизанское движение.

В Керби образовался временный большевистский ревштаб во главе с Бодревым (он же командующий Красной Армией) и начальником штаба Аношкиным.

Положительную роль в разъяснении вреда тряпицыщины сыграла издававшаяся в Керби газета «Красный клич», которую редактировал коммунист, бывший председатель Сахалинского островного Совета в Александровске С. И. Слепак.

Напряженно в эти дни работала кербинская партийная организация большевиков, в которой до этого заправляли «леваки» типа Железина. На первом же собрании партийная организация, освободившаяся от Железина и других тряпицынцев, решила срочно провести следствие, избрать народный суд и судить Тряпицына и его сподвижников здесь же, отклонив предложение отправить их для суда в Благовещенск.

6 июля 1920 года гарнизонное собрание в Керби обсудило и одобрило представленный временным ревштабом список народного суда. На другой день распоряжением нового командующего Бодреева было предложено состав суда расширить: дополнительно избрать от каждого пятидесяти партизан и граждан по одному представителю. К выборам приступили немедленно.

Так возник Кербинский народный суд «ста трех» для разбора дела Тряпицына, Лебедевой и их приспешников.

Для проведения следствия выделили особую следственную комиссию под председательством одного из партизанских командиров — Давыдова, которая в спешном порядке приступила к делу.

Шел июль, а эвакуация населения еще не начиналась. Люди все больше томились ожиданием. До начала осенних дождей и заморозков оставалось не более двух месяцев, а на горных перевалах и того меньше. Поэтому с проведением суда приходилось торопиться.

Арестованных по делу имелось свыше четырехсот пятидесяти человек, и предварительное следствие оказалось невозможным. Поэтому решили ограничиться допросом лишь основных обвиняемых.

Потоком текли в народный суд заявления от партизан и гражданских лиц. Одни сообщали факты преследования и издевательства над ними и близкими людьми со стороны обвиняемых. Другие, наоборот, брали под защиту некоторых обвиняемых, выставляли их революционные заслуги и настаивали на оправдании. Но ходатайства касались лишь второстепенных лиц, в защиту главных обвиняемых никто не высказывался.

Следственная комиссия подробно допросила Тряпицына и бывшего председателя трибунала Дылдина.

Предварительный допрос Сасова-Беспощадного, Трубочиннова и одного из командиров — Стрельцова, произведенный в Удинске, ничего существенного не внес. Сасов заявил, что был исполнителем воли и приказаний коман-

дующего Тряпицына, а убийца Трубочнинов, в прошлом бродяга, «не помнящий родства», заявил в свою очередь, что исполнял волю Сасова.

Другие подсудимые к предварительному следствию не привлекались; их допрос решили перенести непосредственно в суд.

Народный суд в составе «ста трех» открылся в Керби 8 июля в 8 часов 45 минут в школе — в самом большом здании поселка, выстроенном на площади. Число желающих присутствовать на суде было так велико, что помещение не могло вместить и половины пришедших. Чтобы удовлетворить желание народа, требовавшего открытого суда, двери и окна школы распахнули настежь.

Тесным кольцом школу окружила тысячная масса людей.

Подсудимых приводили по одному и после допроса снова уводили в трюм парохода «Амгунец» или на баржу. На переднем плане, у окна, положили труп девочки с рассеченным черепом — последняя жертва бандита Биценко. Такая демонстрация была не нужна, и многие из состава суда возражали против нее, но большинство настояло оставить именно так, для того чтобы еще больше подчеркнуть тяжесть преступлений обвиняемых.

Перед судом в первом туре предстали главные обвиняемые — Яков Тряпицын, Нина Лебедева, Федор Железин, Иван Оцевилли-Павлуцкий, Ефим Сасов-Беспощадный, Макар Харьковский, Степан Дед-Пономарев, Трубочнинов.

Первым судили Тряпицына. Его провели из трюма парохода «Амгунец» в школу через огромную толпу народа. Он шел, тяжело передвигая ногами; высокий, мрачный, озираясь по сторонам, как бы нища своих сторонников среди партизан.

Допрос вел заместитель председателя суда Воробьев. Вот наиболее характерные вопросы суда и ответы обвиняемых.¹

Вопрос. К какой принадлежите партии?

Ответ. Анархист-индивидуалист.

Вопрос. Почему и по чьему распоряжению был сожжен город Николаевск?

Ответ. По распоряжению военревштаба и согласно

¹ Приводятся по протоколам суда.

телеграмме из центра следующего содержания: «Вы должны во что бы то ни стало удержать г. Николаевск. Этим вы оказываете неимоверную услугу Советской России. В противном случае ответственность падет на вас». Материал по этому вопросу должен привезти Степан Шери, командированный мною в Иркутск.

Вопрос. По чьему распоряжению уничтожалось мирное население Сахалинской области?

Ответ. Мирное население вообще не уничтожалось. Может быть, зададите вопрос, почему уничтожалась известная часть населения. Уничтожался контрреволюционный элемент.

Вопрос. Почему и по чьему распоряжению уничтожены в Николаевске видные советские деятели Будрин, Иваненко, Мизин и другие?

Ответ. По моему. Зная прежнюю деятельность Мизина, зная, что ему весной на Хабаровской конференции было вынесено недоверие, я... я... я... ну, сами знаете что; Будрин, Иваненко за организацию китайских отрядов с тайной целью судом приговорены к расстрелу не были, а потом расстреляны по постановлению ревштаба и по моему личному распоряжению.

Вопрос. Почему вы окружили себя преступным элементом — Лапта, Биценко, Рыжов, Нехочин и т. д.?

Ответ. О преступлении Лапты знал, но знал его работу в партизанских отрядах. Знал, что он от нас не уйдет, и потому держал. Других не знал. Вообще не окружал себя преступным элементом.

Обвиняемый просит сообщить ему суть обвинения.

Председатель объявляет, указывая рукой на окно, за которым помещен труп девочки с рассеченным черепом: — Вы обвиняетесь как диктатор, жертва налицо.

Обвиняемый отвечает: — Я не отрицаю, что был диктатором, что не шёл по программе большевиков, но прошу объявить, обвиняюсь я как революционер или как контрреволюционер?

Председатель объявляет: — Вы обвиняетесь как диктатор, уклонившийся от основ Советской власти, как виновник уничтожения мирного населения, как виновник сожжения города, расстрела советских деятелей Будрина, Мизина и других.

Собравшиеся на суд люди слушали допрос Тряпицына в напряженной тишине. Глухой басок председателя и

звонкий тенор подсудимого долетали даже в задние ряды. Так велико было внимание людей к судебному процессу.

Последние заключительные слова председательствующего народ встретил гулом одобрения.

Тряпицына уводили из помещения суда. Словно став грузней, он медленно передвигался, прихрамывая на левую ногу, в которую был ранен в момент японского наступления в Николаевске. Его глаза еще более внимательно всматривались в лица людей. Толпа молча проводила вчерашнего грозного диктатора.

Привели Лебедеву. Она осунулась еще больше, чем Тряпицын, лицо исхудало, вытянулось. Как и тогда — в момент ареста, — ее лихорадило. От былой самоуверенности не осталось и следа. Теперь, перед судом народа, она, может быть, впервые почувствовала, что зашла слишком далеко и от ответственности ни ей, ни Тряпицыну все равно не уйти. И все же, вместо чистосердечного признания своей вины, она трусливо увиливала, прикидываясь незнайкой, отвечая на все вопросы как посторонний человек, а не начальник штаба. Между тем суду и всем присутствующим было известно, что Нина Лебедева являлась правой рукой Тряпицына, вдохновляла террор.

Вопрос. К какой партии принадлежите?

Ответ. Социалистов-революционеров (максималистов).

Вопрос. Почему расстреляны советские деятели Будрин, Иваненко, Мизин и другие?

Ответ. На этот вопрос не могу ответить, в военные дела не вмешивалась.

Вопрос. Как вы могли не знать, будучи начальником штаба?

Ответ. У меня были только канцелярские обязанности. Мне ничего не говорили. Даже смеялись надо мной, когда я защищала кого-нибудь, говорили, что я защищаю, потому что я женщина.

Подсудимой предоставляется последнее слово, и она говорит:

— Мои обязанности заключались в заведывании канцелярией, шифровании телеграмм, составлении информации, вообще письменной работе. В военные дела я не вмешивалась, так как ничего в них не понимаю. Об избитии населения ничего не знаю. Вообще не понимаю,

в чем дело, в чем меня обвиняют и за что я подвергаюсь оскорблениям.

Это была жалкая, трусливая ложь. Народ был явно недоволен поведением Лебедевой на суде и знал, что Лебедева не только вмешивалась в дела, но и направляла Тряпицына, и поэтому по-иному реагировал, когда ее уводили из помещения суда. Вслед ей неслись негодующие, возмущенные возгласы и реплики.

Суд коротко допросил Харьковского — заведующего оружейной мастерской в Керби. Он состоял в личной разведке Тряпицына и учинял террористические расправы. Человек без определенных убеждений, примазавшийся к революционному партизанскому движению, он всячески старался уйти от ответственности.

Более определенно вел себя на суде Оцевилли-Павлуцкий. Он совсем почернел, сильно осунулся, потерял голос и стал говорить почти шепотом. Непонимающими, усталыми глазами он смотрел на членов суда и на публику, будучи убежденным в правильности и в безусловной революционности своих поступков.

Между тем все знали, что Оцевилли стал одним из главных исполнителей кровавых расправ над противниками Тряпицына. Он и сам не отрицал, что лично убил коммуниста — члена исполкома Ивана Александровича Будрина.

В последнем слове подсудимый говорил, что действовал согласно велению своей совести во имя великих идеалов. Строго исполнял распоряжения высшей власти, как подобает истинному революционеру. Ни в чем себя не может упрекнуть и ни в каких преступлениях не признает себя виновным.

Допрос Федора Железина занял больше времени, чем других, хотя суд и в отношении его считал дело ясным. Только теперь Железин почувствовал, как его, бывшего народного учителя и кооператора, далеко завело слепое следование за анархистом Тряпицыным.

В своих кратких ответах он стремился уверить суд в своей преданности большевизму и Советской власти. Но все его поведение с тех пор, как он стал председателем областного исполкома, после взятия города Николаевска, говорило о том, что он, называющий себя «большевиком», оказался дубинкой в руках анархистов и левых эсеров. С его именем, как председателя комиссии по разгрузке

тюрьмы, были связаны расстрелы невинных людей; он ничего не предпринял против казни Будрина, Мизина и других коммунистов. Теперь он многое понял, но поздно. В написанном после ареста, еще до суда, письме жене, но переданном ей уже позже, Железин называет себя «жертвой революции».

Вот выдержки из его допроса:

В о п р о с. Признаете ли себя соучастником Тряпицына? Работали ли с ним в контакте?

О т в е т. Нисколько.

В о п р о с. Почему сожжен город Николаевск? По чьему распоряжению?

О т в е т. По распоряжению лично Тряпицына, как опорная база, сожжен и Николаевск и рыбалки.

В о п р о с. Поступало ли на это распоряжение центра?

О т в е т. Ничего не было, то есть мне неизвестно.

В о п р о с. Почему Тряпицын окружил себя преступным элементом и знаете ли вы этот преступный элемент?

О т в е т. Затрудняюсь ответить. Считаю вредным Волкова, прочих не знаю.

В о п р о с. Почему были расстреляны видные советские деятели Будрин, Мизин и другие и по чьему распоряжению?

О т в е т. Считаю Будрина и Мизина советскими работниками. Трибуналом Будрин был приговорен к 2-летнему выселению из пределов области. По соглашению с Дылдиным я предполагал освободить Будрина при эвакуации города, но при докладе Тряпицыну последний наложил резолюцию: «Расстрелять».

В о п р о с. Получались ли и исполнялись ли Тряпицыным распоряжения из России?

О т в е т. Фактической связи телеграфом не имел и не имели члены исполкома, за исключением Тряпицына и, может быть, Лебедевой. Мне же ничего не передавалось.

В о п р о с. Считаете ли вы все ныне случившееся справедливым?

О т в е т. После прочтения вчерашней газеты считаю совершенно справедливым.¹

Не признавал за собой вины Сасов, хотя всем присутствующим было известно, что кличку «Беспощадный»

¹ В кербинской газете «Красный клич» были опубликованы материалы о политическом лице и преступлениях Тряпицына и других.

он оправдал вполне. И напрасно старался он уверить суд, что был большевиком: от анархиста типа Оцевилли-Павлуцкого он ничем не отличался. Всем были известны его совместные с Биценко похождения в Удинске, жертвой которых оказались многие партизаны. Ни у суда, ни у присутствующих веры в его ответы не было никакой.

Вслед за Сасовым перед народным судом предстала фигура бывшего комиссара продовольствия Деда-Пономарева. Он не был в числе лиц, непосредственно связанных с террором, и давно отошел от комиссариата продовольствия.

Его обвиняли сейчас как приспешника Тряпицына, что совпадало с действительностью. Он, Дед-Пономарев, причислял себя к левым эсерам, демагогически нападал на большевиков, осаживавших не в меру зарывавшихся анархо-максималистов. Это он, больше других, в своих выступлениях требовал всех противоречащих ему направлять в Амур «разгораживать заездки». Старая пройдоха, Пономарев умел ловко изворачиваться, прикидываться обиженным, «страдающим» за народ и выходить сухим из воды. Теперь, перед народным судом, приняв позу кающегося грешника, он с нескрываемым страхом отвечал на вопросы председателя и членов суда.

В о п р о с. Какой вы партии?

О т в е т. С 1905 года придерживался соц. революционеро-левых.

В о п р о с. А теперь?

О т в е т. Колыхаюсь немного, но не правую.

В о п р о с. Работали ли в контакте с Тряпицыным?

О т в е т. В отношении развития революции — да, в деспотичности власти — нет.

В о п р о с. Считаете ли вы арест Тряпицына и других справедливым?

О т в е т. Если вы, товарищи, борцы за народ и свободу, то вы справедливы вследствие тех причин, которые мне, быть может, и предъявите.

В о п р о с. Знаете ли вы о терроре и насилии над мирным населением?

О т в е т. Да, темные пятна... Это темные пятна революции, и мне это очень неприятно.

Последним из восьмерки главных обвиняемых допрашивался Трубочников, по прозвищу Оська Крученный, бывший каторжник с Сахалина, прилипший, как сорняк,

к партизанам. На суде он вел себя вызывающе, открыто, с тупым, каменным равнодушием рассказывал, как он убивал и что это ему в привычку.

Допросив подсудимых, суд, не удаляясь, постановил принимать решение о каждом подсудимом тут же всенародно.

Тряпицын. Желаящих высказаться в защиту нет. Против выступают несколько ораторов, заявивших, что всякие прения излишни. Членам суда, как и всему народу, преступления Тряпицына против Советской власти видны, и картина его деятельности яснее, чем любой судебный материал и обвинительные речи. Достаточно вспомнить о трупах, которые вывозились на фарватер в Николаевске и в Керби. Тряпицын был вдохновителем анархистского террора. И всем ясно, что ему может быть вынесено только одно наказание — смерть.

Производится голосование, которое дает следующие результаты:

Виновен — единогласно.

Смертная казнь — единогласно.

Лебедева. Желаящих высказаться в защиту нет. Против говорит несколько человек, утверждающих, что, хотя подсудимая упорно отказывалась от всех предъявленных ей обвинений, но на самом деле как каждый гражданин, так и каждый член суда, все знают, что она во всем действовала совместно с Тряпицыным. В делах имеются фактические доказательства ее участия в преступлениях. Ей также не может быть другого наказания, кроме смерти.

Голосование дает:

Виновна — единогласно.

Смертная казнь — единогласно.

Так поименно решался вопрос о каждом из обвиняемых.

Приговор зачитали на суде в присутствии подсудимых и народа. Заключение часть приговора гласит:

«Народный суд признал Тряпицына, Лебедеву, Харьковского, Железина, Оцевилли, Сасова и Трубчинина в преступлениях виновными, а Деда-Пономарева виновным лишь в активной защите Тряпицына, и постановил: за содеянные преступления, подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар авторитету Советской власти в гла-

зах трудящихся всего мира, граждан — Тряпицына Якова, Лебедеву Нину, Харьковского Макара, Железина Федора, Оцевилли-Павлуцкого Ивана, Сасова Ефима и Трубчинина подвергнуть смертной казни через расстреливание, а Деда-Пономарева Степана подвергнуть тюремному заключению с назначением на общественные работы «вплоть до связи с Благовещенском».

Приговор над осужденными привести в исполнение 9 июля в 10 часов 45 минут вечера».

В течение последующих трех дней судили других обвиняемых, привлеченных по делу Тряпицына. Наиболее активных из них — прямых участников многих убийств — Горелова, Морозова, Волкова, а также видных приспешников Тряпицына и подстрекателей террора — Бориса Амурова-Козадова, Федора Козадова и других (всего десять человек) присудили к расстрелу. Многих осудили к тюремному заключению на разные сроки с назначением на общественные работы «вплоть до связи с Благовещенском».

Огромное количество арестованных, в том числе Гетмана-Гапоненко, Дылдина, Нечаева, Перегудова, Стрельцова, Павличенко (командира партизанского отряда), Цыганка (секретаря исполкома) и многих других, освободили.

Сторонники Тряпицына и Лебедевой — анархисты, эсеры-максималисты и другие «леваки» — позже разносили Кербинский народный суд, называя его самосудом.

Конечно, суд в Керби не был обычным, нормальным судом. Дело слушали без прокуроров и защитников, при открытых дверях, руководствуясь революционной совестью. Но это был грозный, подлинно народный и потому справедливый суд.

Весть о расстреле анархиста Тряпицына, эсерки Лебедевой и их сообщников быстро разнеслась по приамурской тайге и дошла до всех партизан. Подавляющее большинство бойцов и командиров горячо одобрило справедливую эту меру. В отряде Лапты это известие произвело раскол: одна часть, под командованием Лапты, собиралась направиться на Амгунь с целью мести за расстрел Тряпицына, а вторая часть бойцов, под командой Бича, ставила целью пробиться в Амурскую область и там соединиться с амурской Красной Армией.

В Керби носились упорные слухи, что сюда якобы дви-

жется Лапта со своими приспешниками на выручку арестованных тряпицынцев и для возмездия за смерть своего «вождя».

Но эти слухи никого уже серьезно потревожить не могли. Народ готов был защищать справедливость своего приговора, и сторонники Тряпицына оказались почти полностью обезвреженными.

Лапте не пришлось совершить своего похода. События вскоре повернулись против него. В схватке с партизаном, которого он пытался арестовать, провокатор и палач был убит. Произошло это в одном из нанайских стойбищ вблизи Амура.

Глава одиннадцатая

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕВЕРСТНУЮ ТАЙГУ

1

Экспедиция в составе пяти пароходов, груженных до отказа продовольствием, обувью, одеждой и другим имуществом, необходимым для эвакуирующихся, прибыла в село Мазаново на реке Зее. Как только пароход «Труженик», на котором я ехал, подошел к пристани, мне вручили телеграмму из Керби от Бодреева. Последний кратко сообщал: «Тряпицын ликвидирован. Ждем в Керби».

Известие это очень обрадовало. Совершилось то, что казалось мне, да и многим другим большевикам, почти невозможным без серьезного вмешательства Амурского ревкома.

Видимо, мы недостаточно учитывали тогда, что тряпицынщина быстро изживала себя и что гибель ее неумолимо приближалась.

Пока Тряпицын, назначенный Приамурским ревкомом партизанским командиром, вел людей на штурм японо-белогвардейской опорной базы — города Николаевска-на-Амуре, он пользовался популярностью и авторитетом. Но стоило ему сойти с правильной советской дороги, как нашлась для него и его сподвижников крепкая узда.

Своей, в корне порочной, антинародной политикой левые эсеры и анархисты восстановили против себя партизан. И партизаны низовьев Амура собственными силами,

без вмешательства и помощи извне, сумели очистить свои ряды от анархистствующей накипи. В крайне сложной обстановке николаевские и кербинские коммунисты сумели возглавить и организовать борьбу партизан и трудового населения против политически и морально изменившей народу верхушки николаевского штаба.

Получив важное известие и краткое «ждем», я решил форсировать выезд из Мазаново. Лишь только слегка рассеялся утренний туман, «Труженик» отошел на Селемджу.

Общее состояние с эвакуацией в это время было таково. После избавления от тряпицынщины многие из размещившихся в Керби и Веселой Горке жили «праздничными» настроениями и не спешили уходить на Экимчан, хотя время шло и до заморозков оставались считанные дни. Подготовка к эвакуации подходила к концу; оставалось забросить на питательные пункты продукты и начать само передвижение людей.

В Норском складе я снова застал у пристани пароход «Пионер», направлявшийся обратным рейсом в Благовещенск. Но Нигиевича-Случайного на нем уже не было. Узнав об аресте Тряпицына, он скрылся.

Накануне прошли дожди и вода в Селемдже поднялась. Пароход «Пионер», как мелкосидящий, был специально приспособлен для рейса по верхнему плесу Селемджи. Он входил шестым в состав экспедиции. Перегрузив на него с «Труженика» продовольствие, я благополучно прибыл в Экимчан.

Экимчанские рабочие в основном уже выполнили свое обязательство: дорожные работы через хребет Эзоп подходили к концу. Половина лодок была построена. Питательные пункты на пути эвакуации уже имелись.

Горячо поблагодарив Михаила Васильевича Долгих, доложившего об этом, и оставив основную часть красноармейцев на Экимчане для охраны питательных пунктов, в тот же день я и остальные бойцы выехали верхами на лошадах в Керби.

На перевале Эзоп, там, где месяц тому назад простирался каменный хаос, теперь пролегалла дорога, хотя и сделанная вчерне, но позволявшая подвозить к питательным пунктам продукты на телегах. Казавшаяся вначале непреодолимой каменная стихия была побеждена. Экимчанские горняки за короткий срок убрали тысячи тонн

глыб, переместили большое количество грунта и провели трассу.

Не сдержавшись, я восторженно воскликнул:

— Честь и слава горнякам-селемджинцам!

Я рассказал сопровождающим бойцам, что здесь было месяц назад, когда мы ехали в первый раз, и на какие подвиги способны советские люди.

Дальше к Софийскому и к Бурейке дорога через мари местами еще обрывалась. Последние дни перепадали сильные дожди. Горные ручьи и речки, превратившись в бурные потоки, сорвали несколько мостов, построенных на скорую руку и потому не прочно. Это угрожало затормозить эвакуацию, и я передал в Керби просьбу срочно выслать рабочую силу из числа эвакуируемых. Мне ответили, что меры приняты и партии рабочих уже направлены на наводку мостов и на дорожные работы.

Зато питательные пункты и здесь уже имелись. Через каждые двадцать-двадцать пять километров были устроены очаги для варки пищи, сложены простейшие печи из каменных плит для выпечки хлеба. Мука, крупа и другие продукты забрасывались одновременно с Керби и из Экимчана.

В полдень я с красноармейцами подъезжал к маленькому, в три-четыре хижины, поселку Бурейка. День выдался на редкость ясный. Солнце нещадно пекло, было жарко не только в тени лесов, но и на горных перевалах. Лошадей одолевали слепни и пауты и, подгоняемые ими, они часто переходили в рысь.

Спускаясь с Павловского перевала в долину Бурейки, мы еще издали заметили в поселочке необычное оживление. То прибыла одна из первых крупных партий эвакуированных. Она состояла почти сплошь из стариков, женщин и детей.

По мере нашего приближения все сильнее слышались голоса. Взрослые о чем-то шумно разговаривали, дети гоготали.

— Видимо, что-то произошло, — заметил один из красноармейцев.

— Да, что-то случилось, — согласился я.

Когда мы подъехали к поселку и спешили, нас мигом окружила толпа. Старики и женщины начали наперебой рассказывать, что не больше как час тому назад,

на глазах у них были расстреляны два комиссара; их только что закопали.

— Вон, там, у березки, — показали сразу несколько человек.

— Кто расстрелял? — спросил я.

— Какой-то человек, он назвал себя партизаном. Сначала заставил их раздеться и в одном белье идти. Не доходя березы, он выстрелил из нагана в затылок сначала одному, а потом другому. Сам надел кожаный костюм убитого и заявил, что расстрелял тряпицынских комиссаров. Потом он и еще другой с ним верхами ускакали в сторону Софийского, — скороговоркой рассказывали женщины.

— Да вы наверняка встретили их? — спросил рядом стоявший старик.

Мы действительно повстречали не более как в семи-восьми километрах от Бурейки двух всадников, ехавших крупной рысью. Один из них крепкий, краснощекий парень, лет двадцати пяти, остановил лошадь, когда мы повстречались, и попросил прикурить. На нем похрустывал новенький кожаный френч.

— Куда едете? — поинтересовался я.

— В Софийский, послан штабом из Керби, — сказав это, он приложил руку к фуражке, больно ударил лошадь и галопом понесся нагонять своего товарища, ускакавшего вперед.

Это и был «герой» кровавой расправы на Бурейке.

Привязав лошадь, я направился в избушку, где, как мне указали, находится заведующий питательным пунктом. От него, оказавшегося знакомым кербинцем, я узнал подробности кровавой драмы. Убитыми оказались бывший комиссар продовольствия Нечаев и секретарь облисполкома Цыганок.

Нечаев и я участвовали вместе в подпольной работе в Керби, вместе брали власть. Лишь позже, в Николаевске, попав под влияние Тряпицына, Нечаев откололся, стал приверженцем анархиста.

Цыганка я знал мало, но хорошо помнил, что тогда, после занятия Николаевска, в Народном доме в числе первых, вступивших в партию большевиков, был он.

Выяснились и подробности гибели Нечаева и Цыганка. Они вышли из Керби с той группой арестованных и оправданных судом, которая направлялась на Экимчан в

помощь по эвакуации. Группа эта на зимовье «Горелое» подняла бунт, разоружила конвой и ушла в тайгу. Нечаев и Цыганок настаивали на том, чтобы выйти на шоссе и направиться самим без конвоя к месту назначения, в Экимчан. С ними не согласились. Тогда, отделившись от остальных, они двинулись одни. Шли лесом, вдоль шоссе. На переправе через реку Керби вышли к мосту. Здесь их заметили, задержали и передали проезжавшему мимо партизану Пераеву, назвавшемуся представителем нового ревштаба.

Связавшись по телефону с Керби, Пераев получил оттуда указание доставить Нечаева и Цыганка на Экимчан в мое распоряжение. Вопреки этому, Пераев с помощью следовавшего с ним партизана связал задержанных руки и заставил их идти вперед. Те протестовали. Тогда он избил их. И когда окровавленные Нечаев и Цыганок были приведены на Бурейку, находившиеся там люди подняли ропот и потребовали оставить задержанных здесь и препроводить с другой охраной. Не долго думая, на глазах у женщин и детей, расшвырявший бандит произвел дикую расправу. При этом он грозил застрелить каждого, кто посмеет его остановить.

Выслушав этот рассказ, я немедленно сообщил в Софийский, чтобы там задержали Пераева.

Стоя над свежей могилой, я невольно вспомнил статью, написанную Нечаевым как-то в благовещенский период: «Кооперация — путь бескровной революции».

— Вот тебе, Василий Иванович, и «бескровный путь», — произнес я вслух.

Мы очень сожалели, что не успели подъехать часом раньше, конечно, тогда бы этой кровавой драмы не случилось. Когда узнали в Керби, в ревштабе, об убийстве Нечаева и Цыганка, там были до крайности возмущены бандитским поступком Пераева. Но задержать преступника так и не удалось нигде: он скрылся бесследно.

Я рассказал эвакуированным о том, что их примут в Амурской области, как родных братьев и сестер. От них же я узнал, что Саша с дочуркой находится на полустанке «129 верста» и что дочь больна. В надежде прибыть туда засветло я с бойцами двинулся дальше в путь.

Саша встретила меня расстроенная, со слезами на глазах. Она сама была в положении, а дочь болела корью. Тревога за мужа и ребенка сильно изменила ее.

— Если бы ты знал, что я пережила и что это были за кошмарные ночи в Керби и особенно на Веселой Горке, — говорила мне Саша. — Пока не кончили с тряпичницей, я уже думала, что больше не увижу тебя...

Немало пришлось повозиться жене с Ниночкой. Сейчас дочка стала поправляться, корь проходит без заметных осложнений.

Много было сказано в эту встречу.

— Как я радешенька, что ты здоров и вернулся, — повторяла Саша.

Я рассказал подробно об амурских встречах, передал привет от Степана Шилова, говорил, что завершим эвакуацию до наступления холодов.

Ночью мы долго не могли заснуть. Саша подробно, уже не спеша, излагала события последних дней в Керби и на Веселой Горке.

— Почти все дети переболели корью, немало их умерло, — сказала она, когда разговор о суде закончился, и, помолчав, добавила:

— Когда все это кончится и доберемся ли до Благовещенска?

Я успокаивал:

— Доберемся, Саша. Я быстро возвращусь из Керби, и дальше ты поедешь со мной.

— Да, но молодые женщины почти все идут пешком, начнутся разговоры...

— Разговоров не будет: в твоем положении пешком идти нельзя, таких мы всех везем на подводах, — успокоил я.

Узнав о гибели Нечаева, Саша огорчилась:

— Жаль Василия Ивановича. Хотя в последнее время он недолюбливал меня за то, что высмеивала его анархизм... Злился и даже угрожал. И все же жаль его.

С рассветом я простился с семьей и выехал в Керби. За время моего отсутствия там произошли большие перемены. На состоявшемся в последние дни районном съезде Советов был избран исполком. Из прежнего состава в него вошли лишь Курьянов и Чибисов.

Председателем исполкома вместо меня, поскольку я уже не мог исполнять эту должность, избрали другого товарища.

О результатах поездки в Благовещенск я прежде всего доложил партийному комитету. В состав комитета вхо-

дили Слепак, Аношкин, Курьянов и другие. Все были чрезвычайно тронуты большим размахом помощи эвакуируемым со стороны амурских организаций. Но многих мучил вопрос, как в Благовещенске отнесутся к расстрелу Тряпицына, Лебедевой, Железина и других, оправдают ли линию поведения николаевских большевиков?

— В составе амурского ревкома, — сказал я, — есть левые эсеры. Конечно, по поводу расстрела они поднимут шумиху. Есть и среди большевиков такие, кто работал с Лебедевой в благовещенском подполье и считает ее хорошим человеком. Но наша линия правильная.

Меня поддержал Слепак:

— Как же поступать с людьми, которые не понимают законов пролетарской революции и, кичась «сверхреволюционностью», своими действиями срывают ее поступательный ход?

Аношкин вставил:

— Разве можно простить убийство Будрина, Мизина, Иваненко, Любатовича и других товарищей?

— Большевики Амура резко осуждают тряпицынщину, — дополнил я в заключение своего доклада.

В тот же день в Керби состоялся многолюдный митинг.

Неизвестность насчет будущего очень беспокоила людей, заброшенных сюда. И мое выступление, как уполномоченного Амурского ревкома, рассказавшего о предстоящей эвакуации, выслушано было с огромным вниманием. Я поведал о трудностях тяжелого и дальнего пути и настаивал на быстрейшем выходе, говорил о замечательной и щедрой заботе, проявленной Советами Амурской области.

Один за другим брали слово партизаны, а также представители николаевского населения и просили передать благодарность амурским большевикам.

Всю эту огромную массу людей, жителей целого города, оторванных событиями от своих очагов, охватило теперь одно горячее стремление — как можно скорее выбраться из Керби и двигаться вперед, на Благовещенск.

Этим стремлением были охвачены также некоторые партийные и советские работники. А между тем требовались еще большие усилия и настойчивость, чтобы до-

вести и поддерживать дорогу, завершить строительство мостов, обеспечить подвоз продуктов к питательным пунктам, наладить снабжение фуражом, заготовить достаточное количество лодок в Экимчане.

Имелись случаи, когда направленные на дорожные работы люди во главе с бригадирами, не закончив работу, устремлялись вперед, на Благовещенск. И нужно отдать должное проявленному в эти дни трудолюбию и честному отношению рядовых партизан и рабочих — русских, корейцев, китайцев, особенно корейцев-возчиков, которые своей дисциплинированностью во многом обеспечили успех эвакуации.

Постоянное мое пребывание, как уполномоченного Амурского ревкома по эвакуации, устанавливалось в Экимчане. В Керби работала комиссия по отправке беженцев во главе с Корневым и Воротниковым. Тут же для связи и контакта оставался в качестве моего представителя по эвакуации Никифор Чибисов.

Задерживаться в Керби я не мог, надо было спешить в Экимчан. Оттуда поступило сообщение о прибытии с большой водой крупных партий продовольствия, обуви, одежды. Требовался срочный приезд для распределения полученного по пунктам эвакуации.

Я знал, что в Керби больше не вернусь. Как будто совсем недавно — даже года не прошло с тех пор, — я и Саша волею событий оказались заброшенными в этот мирный, по-таежному тихий поселок, вытянувшийся ленточкой по крутому берегу быстрой глубокой Амгуни. А сколько за это короткое время было и радостных дней и тяжелых переживаний!

Уезжая, я навсегда прощался с поселком, ставшим для меня удивительно близким, родным. С утра и до поздней ночи здесь бурлила жизнь людей, которых постигло большое горе. «Да, никогда не забудется пережитое», — думал я, направляясь окрестным лесом на опушку, откуда открывается чудесный вид на Амгунь.

Возвращаясь из леса, в мелком кустарничке я наткнулся на свежие могилы. Это было место расстрела Тряпицына, Лебедевой и их сообщников. На одной из могил был уже водружен деревянный крестик. Говорили, что это мать поставила его своему сыну Амурову-Козадоеву, расстрелянному вслед за Тряпицыным в другой партии осужденных.

Незаметно я подошел к домику Курьяновых. Иван Александрович и Мария Петровна занимались сборами в дорогу, но, увидев меня, бросились навстречу. В немногие месяцы совместной жизни и борьбы в Керби мы так сблизились, как будто были знакомы всегда.

— Собираетесь? А я сегодня уезжаю, — сказал я, пожимая обоим руки.

— Жаль, что не могу так быстро сдать радиостанцию своему помощнику, а то бы составили компанию. Выедем мы, повидимому, послезавтра, хотя, правильнее сказать, поедет Маруся с детьми, а я пойду пешком, — с усмешкой проговорил Курьянов.

— Жаль, что задерживаться мне нельзя. Но мы еще увидимся или в Экимчане, или в Благовещенске. Ведь вы туда?

— Да, пока не ликвидируется читинская «пробка» и не наладится дорога на запад, придется переждать где-нибудь тут, — ответил Иван Александрович.

Курьяновы, прожив столько лет на Дальнем Севере, за Полярным кругом, а сейчас, проработав два года в Керби, стремились на родину, куда-то под Пензу. Но пока в Чите сидели белогвардейцы, проезд для них был невозможен.

— Как Александра Митрофановна и Ниночка? — осведомилась Мария Петровна.

— Ждет на «129 версте», а Ниночка у нас болела.

— Конечно, корь была? Наши детишки тоже переболели. Мы так боялись за них, так переживали, — продолжала жена Курьянова.

— Ну ничего, друзья мои, теперь все трудности позади. Заживем счастливой, радостной жизнью, — обнадеживал я, прощаясь с Курьяновыми.

— Только бы благополучно добраться до Благовещенска, — ответила Мария Петровна.

Я тепло распрощался с Курьяновыми и другими друзьями-кербинцами — Станевко, Аксеновских — активными участниками январского кербинского переворота. Большинство их покидать поселок не собиралось. В тот же день я выехал на Экимчан.

Эвакуация шла уже полным ходом. Бесперывной вереницей тянулись по шоссе на Экимчан люди. На подводах разрешили ехать лишь тем матерям, у которых имелись маленькие дети, да больным и старикам. Осталь-

ные, включая подростков, шли пешком. Вещи особенно не отягощали — еще в Николаевске было разрешено иметь личного багажа не более пуда на каждого, поэтому его имелось немного. Вывезенных из Николаевска коров и прочий скот поели в пути по Амгуни и за время пребывания в Керби.

Между Керби и Экимчаном имелось около двадцати питательных пунктов. Здесь выпекали хлеб из амурской пшеничной муки, завезенной на Экимчан, варили суп из солонины, а чаще из конины, прирезывая выбывших из строя лошадей. Суп из конины хотя и отдавал приторным запахом конского пота, но после тяжелого двадцати-двадцатипятикилометрового перехода по тайге и горным перевалам съедался с большим аппетитом. Позже, в августе—сентябре, в Амгуни и реках Керби и Гонгрени ловили кету и варили вкусную уху. Но были дни, когда подвозка продуктов запаздывала, и тогда приходилось питаться ягодами и грибами, которыми, к счастью, тайга изобилвала.

Всем казалось, что самое трудное и опасное осталось позади. Как спасительный маяк тянул к себе Благовещенск — центр Амурской области, и люди стремились туда в надежде, что все обойдется, все устроится. Несмотря на нелегкие переходы и лишения, беженцы переставали роптать и жаловаться на свою судьбу. В часы отдыха, на привалах, особенно на питательных пунктах, где скапливалось много народа, слышались песни и смех, громким эхом разносившиеся по тайге.

Шел июль, установилась сухая погода, а вслед за ней начались лесные пожары. Тайга горела на огромном пространстве, и воздух наполнялся гарью. По необъятным просторам катилась злобная огненная лавина, пожирая на пути кучи валежника, деревья, траву и голубичник в марях. Жутко было смотреть, когда всепожирающее пламя охватывало густые, нарядные кроны высоких елей и пихт и с шипящим, злобным шумом и треском взлетало фейерверком ввысь, к вершинам деревьев.

Потушить такой пожар в тайге было немыслимо. Лишь речки служили тем естественным барьером, где огонь заканчивал, хотя и не всегда, свое победное шествие. Великим счастьем явилось для нас, что дни стояли на редкость тихие, безветренные. Пересекавшее тайгу широкое шоссе, проложенное хотя и вчерне, было все же хорошей

преградой для пламени. Лесные пожары не приостановили движения людей.

Чтобы в какой-то степени избежать дневной жар и удушье от дыма, эвакуируемые поднимались с рассветом и, пользуясь утренней прохладой, направлялись на запад. Днем, по преимуществу на питательных пунктах, устраивался длительный отдых. А после полудня снова продолжали путь, стремясь засветло достигнуть следующего питательного пункта. После скромной вечерней трапезы утомленные тяжелым переходом люди засыпали где попало и спали крепчайшим сном.

На привалах можно было одновременно встретить лиц самых различных званий и профессий: рыбаков, грузчиков, врачей, учителей, бывших чиновников, торговцев. Все теперь слилось в единую, серую от пыли массу, и лишь по степени усталости можно было догадаться о бывшем положении пешехода.

Отцы и сыновья у многих эвакуируемых семейств продолжали воевать в партизанских отрядах, защищавших подступы к Амгуни. Некоторые оставались еще в Керби и на Веселой Горке, составляя местные гарнизоны. Но многие из бывших партизан — то ли по возрасту, то ли по другим причинам — выбыли из отрядов и двигались теперь со своими семьями. Дети продолжали еще болеть корью и дизентерией, но заметно было, что эпидемия идет на убыль, и это всех радовало. Взрослые почти не болели: тайга действовала благотворно, лишения также переносились сравнительно легко.

Люди всячески приспособлялись к пешим условиям передвижения. Некоторые смастерили небольшие двухколесные тележки и, уложив скарб, а иногда усадив маленьких детишек, тянули их километр за километром.

Вот так, от перевала к перевалу, тянулась вереницею людская лавина.

Ни каменные россыпи грозного хребта Эзоп, ни крутой и длинный Бурейский перевал, ни бесконечные мари Акишмы — ничто так не утомляло людей, как гора с шуточным названием «Крошка», через которую лошадь с трудом вывозила порожнюю телегу. Продукты и иной груз переваливались через «Крошку» вьючно; детей выносили на себе.

Тот, кто прошел в эти дни путь Керби—Экимчан, всегда будет помнить «Крошку»!

Забрав Сашу с дочерью на пункте «129 верста» и устроив их на подводу вместе с другими матерями, имевшими больных детей, я с одним из бойцов уехал вперед на Экимчан. Тревожило промедление со строительством лодок: это могло затормозить продвижение людей по Селемдже. Правда, одинокие могли двигаться полутропой, полудорогой вдоль селемджинского берега до Норского склада, а дальше следовать пароходами. Но для основной массы, особенно для женщин и детей, путь этот был почти недоступен, им оставалось рассчитывать дальше только на лодки. А лодок сделали пока лишь немного больше половины нужного количества, что обеспечивало перевозку только четырех-пяти тысяч человек. Требовалось построить, и как можно скорей, еще почти столько же. К тому же сухая погода вновь вызвала обмеление Селемджи и рассчитывать на пароходное движение по верхней трассе не приходилось.

В Экимчане меня сильно опечалило неожиданное событие: накануне был убит начальник приисков Михаил Васильевич Долгих. Вест о гибели этого замечательного советского человека, хорошего организатора и любимца рабочих, потрясла всех. Убийцей оказался некий Орехов — техник-строитель, направленный из Керби на постройку мостов. Пьяница и забулдыга, он срывал работу. Но когда Долгих сделал ему резкое указание, Орехов, не долго думая, выхватил наган и в упор убил начальника приисков.

За это бандит и сам вскоре поплатился жизнью.

После некоторого перерыва, вызванного трагической гибелью Долгих, строительство лодок возобновилось. Одновременно выяснилось, что при любом напряжении сил в оставшийся до рекостава короткий срок нужного количества лодок не построить, не было и материалов. А в Керби находилось еще большое число людей, подлежащих эвакуации... Нужно было принимать какие-то меры.

Саша прибыла в Экимчан, дочь поправилась окончательно. Забрав их, я вместе с прибывшим сюда командующим Бодревым направился в Благовещенск для доклада ревкому. Ехали мы на большой ладье, переполненной беженцами.

В пути по Селемдже лакомились черемухой, длинные ветви которой под тяжестью спелых ягод свешивались до самой воды. Достаточно было подрулить ближе к берегу и уцепиться за наклонившиеся кусты, чтобы мигом наломать кучи веток, усеянных вкусными черными ягодами.

Перед поселком Февральский мы пересели на подошедший пароход «Якут» и начали спускаться по реке значительно быстрее.

Саша с дочерью сошла в городе Свободном, где проживала ее сестра. Решили, что временно, до окончания эвакуации, она задержится здесь. Бодреев и я немедленно выехали в Благовещенск.

Амурские товарищи быстро нашли выход для ускорения вывода из Керби населения Николаевска. В это время японские интервенты на какой-то срок воздерживались от агрессивных действий против советской Амурской области. Видимо, оккупанты рассчитывали в первую очередь укрепиться в Приморье, в районах Хабаровска и Николаевска-на-Амуре и уже затем снова начать наступление на амурское левобережье.

Как бы там ни было, но возникла некоторая возможность переговоров между амурскими советскими властями и японским командованием в Хабаровске о пропуске из Керби на Благовещенск, через Хабаровск, пароходов с остатками эвакуируемых. После некоторого «упирательства» японское командование в конце концов разрешило пройти пароходам с Амгуни, но поставило условие, чтобы там не было ни одного мужчины (кроме членов команды парохода), потому что, по мнению японцев, каждый русский мужчина — партизан и действовал против японского гарнизона в Николаевске.

По Амуру удалось вывезти свыше четырех тысяч женщин и детей.

Чем можно объяснить этот акт «благожелательства» интервентов?

Конечно, не миролюбием захватчиков, тем более, что они хорошо помнили, как совсем недавно, в январе, героическая партизанская армия Красного Амура изгнала их из пределов области. И уже, конечно, не жалостью к русским женщинам и детям Нижнего Амура; таких же детей и женщин интервенты в марте 1919 года живьем сжигали в амбарах села Ивановки, а 4—5 апреля 1920 года рас-

стреливали на улицах Хабаровска, Никольска и других городов Приморья.

Давая согласие на пропуск пароходов, японское командование намеревалось усыпить бдительность партизан. В этот период уже действовал военно-оперативный план интервентов, в котором уделялось первостепенное внимание новому завоеванию Амурской области, для чего держались наготове войска 14-й японской дивизии, сосредоточенные в Хабаровске.

После вывоза женщин и детей из Керби там оставались лишь те, кто по условиям, продиктованным японцами, не рискнул выезжать через Хабаровск, и те, кто не доверял японцам. Оставались также партизаны. Все они могли выбираться с Амгуни попрежнему только через Экимчан.

Последними из Керби уходили партизаны, сведенные в полк Красной Армии. Часть партизан ушла несколько раньше в Свободный и другие пункты Амура. По решению правительства Дальневосточной республики в области создавалась регулярная народно-революционная армия, сменявшая собой партизанскую форму борьбы с интервентами.

Мероприятие это поддерживалось партизанами, но при роспуске одного отряда в Свободном отдельные партизаны, спровоцированные анархистами, взялись за винтовки, но своевременно были разоружены. Попытка анархистов поднять бунт в Свободном открыла сомневающимся глаза на политическую природу тряпицынщины. Если бы Тряпицын и Лебедева и их приверженцы оказались здесь во главе своих частей, возможно, что они попытались бы повторить николаевский эксперимент и на амурской почве...

Прибыли в Благовещенск и беглецы, разоружившие конвой на Горелом; после долгого блуждания по тайге и голодовки они все, кроме партизана-кавалериста Бровченко, утонувшего при переправе через горную речку, вышли около Чекунды на реку Бурею и уже отсюда направились в Благовещенск на пароходе. Окопавшись около местных анархистов и левозэсеров, они теперь сеяли в Благовещенске недовольство судом над Тряпицыным, Лебедевой и другими.

Наступил октябрь.

Я направлялся в последний рейс на Селемджу, чтобы проследить за эвакуацией остатков беженцев и ликви-

ровать эвакуационное имущество. Рекостав был уже на носу. В горах выпал снег, на перевале Эзоп образовались снежные заносы, и проезд на телегах там стал невозможен.

В это время Чибисов сообщил мне, что из Софийского вышла последняя партия эвакуируемых, в основном мужчины. Значительная часть местных жителей и кое-кто из пришедших приисковых рабочих оставались на месте. Золотой запас был давно уже доставлен в Благовещенск.

Дальше Эзопа я не поехал: не было уже необходимости. Распорядившись по телефону в Софийский и в Керби передать остатки продовольствия и товаров кооперации, а имущество — приисковым управлениям, я возвращался с перевала в Экимчан.

По обочинам дороги часто попадались павшие от бескормицы лошади. Из-за отсутствия овса и трудных условий передвижения они были истощены настолько, что спасти их уже не удалось.

В Экимчане я и Макар Коняшин, заведовавший местным пунктом эвакуации, дождались последних людей из Софийского. Среди них уже были обмороженные.

По Селемдже появились ледяные забереги. Срединой реки шла густая шуга, и о поездке в лодках не могло быть и речи. Но из прибывших никто не пожелал задерживаться в Экимчане до зимнего пути. Беженцы, даже больные, неудержимо рвались вперед и уговорить их было невозможно. Мелкие речушки покрылись прочным льдом, и эвакуированные направлялись лесной дорогой через Стойбу до Норского склада пешим порядком, а те, которые не могли идти пешком, двигались на верховых лошадях. От Норского склада до Свободного люди пробирались на подводах и, наконец, до Благовещенска — по железной дороге. Таков был путь последних николаевских беженцев!

С этой же партией я, Макар Коняшин и Никифор Чибисов окончательно выехали с Селемджи.

В пути на Благовещенск я задержался на несколько дней у Саши в Свободном.

Эвакуация закончилась.

По приезде в Благовещенск я получил новое назначение — комиссаром продовольствия и снабжения Амурской области. Впереди была новая большая работа по снабжению населения области и войск Амурского фронта.

ПОБЕДА

1

Николаевско-Кербинская эпопея вошла в историю как одна из сложных и ярких страниц борьбы советского народа на Дальнем Востоке с иностранными интервентами и белогвардейщиной. Бойцы Николаевска-на-Амуре вышли дважды победителями — в боях с иноземными захватчиками и в схватке с вражеской мелкобуржуазной анархо-эсеровской стихией, пытавшейся свернуть партизан с правильного пути.

Но борьба за освобождение родного русского Дальнего Востока на этом не закончилась. Понадобилось еще немало времени и огромных усилий, чтобы вышвырнуть раз и навсегда подлых захватчиков с советской земли. Наступавшая с запада Пятая армия еще в марте 1920 года вышла на рубеж озера Байкала и очутилась лицом к лицу с японской оккупационной армией. Не желая давать повод к открытой войне с Японией, дальнейшее продвижение на восток, по указанию Советского правительства, было приостановлено.

На фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин в связи с дальневосточными делами, как уже отмечалось, говорил о нежелательности войны с Японией.

6 апреля 1920 года, в связи со сложившейся обстановкой, была провозглашена на территории от Байкала до Тихого океана Дальневосточная республика (ДВР) — красный буфер, призванный предотвратить удары мирового империализма по советской стране с востока. Этот мудрый ленинский маневр дал возможность избежать войны с Японией, выиграть время и накопить все необходимое, чтобы добить белогвардейцев и окончательно изгнать интервентов.

Для осуществления руководства партийными организациями Центральный Комитет партии выделил свое Дальневосточное бюро, ставшее непосредственным организатором и руководителем всей борьбы трудящихся Дальнего Востока против кровавых походов международного империализма. Под руководством Дальбюро ЦК

РКП(б) формировалась Народно-революционная армия ДВР.

Дальневосточная республика состояла из областей: Прибайкальской, Забайкальской, Амурской, Приамурской, Сахалинской, Камчатской и Приморской. Правительство республики находилось в Верхнеудинске. Однако до подлинного объединения Дальнего Востока в единое целое было еще далеко.

В Приморской области у власти стояла областная земская управа. В Амурской области была установлена Советская власть во главе с ревкомом, проводившим постепенно перестройку административных органов в соответствии со статутом ДВР. Город Чита и часть Восточного Забайкалья еще находились под властью атамана Семенова, а точнее, в руках его подлинных хозяев — японских оккупантов. Здесь же скопились разбитые и выброшенные из Иркутска и Прибайкалья остатки капеллевских¹ белых частей численностью до двадцати тысяч человек. В Хабаровске после нового захвата его японской военной в апреле 1920 года создалась марионеточная «власть» монархиста Лихойдова. И, наконец, в низовьях Амура, в Сахалинской области полностью хозяйничали оккупанты.

Большую роль в этот период борьбы на Дальнем Востоке снова играли Советы Амурской области, где в рядах революционной армии насчитывалось около тридцати пяти тысяч бойцов.

Позже совместно с восточно-забайкальскими партизанскими частями создан был единый Восточно-Забайкальский фронт, которым вначале командовал Дмитрий Шилев, а затем общий командующий Амурским фронтом Степан Серышев.

Японские войска, оккупировавшие Забайкалье, оказывались в невыгодном положении. Они были изолированы от своих главных сил, сосредоточенных в Приморье и Приамурье. Между этими двумя очагами интервенции находилась Амурская область со своей регулярной, хорошо организованной и оснащенной армией. Со стороны Байкала японцам угрожали советские вооруженные силы. В самом Забайкалье интервенты несли большие потери в людской силе от партизан.

¹ Белый генерал Капель — сподвижник адмирала Колчака.

Все это, а главное рост могущества Советской республики и неблагоприятная международная обстановка побудили японских оккупантов пересмотреть свои планы. Но вместо признания того, совершенно неоспоримого факта, что военная интервенция против Советской России потерпела крах, японская военщина шла на новые авантюры. После захвата в апреле 1920 года важнейших городов Приморья, после оккупации Сахалина и низовий Амура, японское командование замыслило отбросить красные войска от Амура, вновь захватить Амурскую область.

В мае 1920 года интервенты попытались форсировать Амур, но были отбиты. В боях на Бешеной протоке у Хабаровска Народно-революционная армия ДВР показала свое возросшее боевое умение и твердую решимость защищать каждую пядь советской земли.

Это, казалось, ничуть не поколебало первоначальную решимость оккупантов, но... вместо нового наступления пришлось идти на новое отступление. Авантюристичность замыслов интервентов становилась очевидной.

«Наступление на Амурскую область должно быть не позже конца августа», — такими словами начинался секретный приказ за номером С/2428 от 12 июля 1920 года командующего экспедиционными войсками в Сибири генерала Оой командиру 14-й японской дивизии. А 25 июля 1920 года началась эвакуация японских войск из Читы и Сретенска.

Почувствовавший неминуемую гибель, кровавый палач Забайкалья атаман Семенов завопил о приостановке этой эвакуации. Полученный им ответ гласил:

«Японское императорское Правительство не считает Вас достаточно сильным для того, чтобы Вы великую цель, которая Японскому народу великую будущность обеспечивает, провести могли... Если Вы Вашу цель в другом направлении направить хотите, то мы поддержим это с большим удовольствием... В этом отношении мы можем Вас обнадежить».

Приходилось приостанавливать осуществление плана немедленного нападения на Амурскую область. На секретном заседании 4 августа 1920 года (С/466) японское правительство дало следующую директиву штабу японской экспедиционной армии:

«Настоящее положение вынуждает нас отказаться от оккупационных планов в Сибири на некоторое время, оставаясь укрепленными на тех территориях, где имеются наши войска... Операции против Амурской области должны быть приостановлены, но войска должны быть готовы»...

Последний эшелон японских войск покинул пределы Забайкалья 15 октября 1920 года, а уже на 19 октября было назначено подготовленное предшествующими важными боевыми операциями общее наступление для ликвидации читинского плацдарма белых.

Наступление на Читу разворачивалось стремительно. Врагу не помогли ни семеновские бронепоезда, ни каппелевские — Ижевский и Воткинский — полки, боровшиеся якобы за «Учредительное собрание» и считавшиеся у белых наиболее «устойчивыми». 21 октября 1920 года Чита была освобождена, а Семенов успел бежать на заранее подготовленном самолете. Остатки семеновских и каппелевских частей, вышвырнутые из Забайкалья, укрылись от окончательного разгрома, перейдя за границу на территорию Маньчжурии и Монголии. Здесь они были вне досягаемости Красной Армии, строго уважавшей неприкосновенность соседних государств.

В освобожденной Чите установилась революционная власть, возглавлявшаяся большевиками. Вскоре сюда была переведена из Верхнеудинска столица Дальневосточной республики.

На состоявшейся здесь в конце октября конференции областных правительств Забайкалья, Амура и Приморья было принято решение о созыве Учредительного собрания Дальневосточной республики и произошло избрание Центрального правительства ДВР. Председателем Совета Министров был назначен коммунист П. М. Никифоров. Вслед за этим там же, в Чите, состоялась первая краевая Дальневосточная конференция РКП(б), которая наметила широкую программу партийного, государственного и хозяйственного строительства.

Прошедшие в январе 1921 года выборы в Учредительное собрание Дальневосточной республики показали, что трудящиеся массы полностью поддерживают большевиков и твердо идут за парторганизацией. Выборы обеспечили полную победу большевикам. Ставка международного империализма на то, что к власти в ДВР придут на выбо-

рах контрреволюционные силы, включая меньшевиков и эсеров, оказалась битой.

Не желая окончательно расстаться с планами отторжения Дальнего Востока от России, иностранные империалисты снова призывают белых генералов и сколачивают на маньчжурской и монгольской территориях их войска.

В начале мая 1921 года белогвардейцы одновременно выступают в направлении Верхнеудинска, Семипалатинска, Барнаула, Бийска и других городов. Но Красная Армия быстро ликвидировала белогвардейские банды, пытавшиеся закрепиться на советской земле.

Наиболее сложная ситуация в это время создалась в Приморье. Сконцентрированные здесь остатки белогвардейцев с помощью интервентов совершили 26 мая 1921 года переворот и захватили Владивосток и Никольск-Уссурийск.¹ Было создано так называемое «Приамурское временное правительство» во главе с крупными торговцами-спекулянтами, японскими ставленниками — братьями Меркуловыми.

Марионеточные «меркуловские правители» усиленно сколачивают белоповстанческую армию, главным коотяком которой становятся два каппелевские корпуса, бежавшие из-под Читы, и конный корпус семеновцев.

Хорошо вооруженная и экипированная белая рать под командованием генерала Молчанова в ноябре 1921 года выступила по направлению на Хабаровск. Японцы пропустили белые войска через так называемую «нейтральную» зону, созданную вокруг железной дороги для предотвращения появления там красных сил.

Правительство Дальневосточной республики приступило к организации отпора наступающему врагу и его разгрому. Была прервана происходившая в Чите сессия Народного собрания республики, и депутаты, среди которых имелось много бывших руководителей партизанских отрядов, спешно возвращались по своим местам. Амурская партийная организация мобилизовала половину своих членов на фронт. В спешном порядке из Благовещенска к Хабаровску был направлен отряд особого назначения в составе ста коммунистов и комсомольцев.

На пути у наступающих белогвардейцев оказался всего

¹ Ныне город Ворошилов-Уссурийский.

лишь небольшой заслон из малочисленных частей Народно-революционной армии. Воспользовавшись фактором внезапности, враги быстро продвинулись к Хабаровску. Под станцией Казакевичево белоказачки окружили благовещенский коммунистический отряд. Большинство красных бойцов было убито, лишь двенадцати товарищам удалось вырваться из окружения. Комсомольцы Рудых, Королев, Гартман, чтобы не даться живыми в руки белых, взорвали себя гранатами. Несколько человек, захваченных в плен, подверглись зверской расправе. Среди них погиб товарищ Седойкин, один из первых организаторов комсомола на Дальнем Востоке.

Вслед за взятием Хабаровска белые войска вторглись в пределы Амурской области и продвинулись до станции Ин. Но навстречу им уже двигались амурские и забайкальские полки Народно-революционной армии.

Глубоко запомнилось мне это трудное передвижение красных войск в страшно суровую зиму, при морозах в сорок и выше градусов. Вследствие лютых холодов на многих станциях Амурской железной дороги водокачки не действовали, топлива не хватало. Эшелоны с войсками часто застревали в пути.

Случалось часто и так: пока бойцы пилили в ближнем лесу дрова и разжигался паровоз, иссякала вода. Машинист на полпути бросал состав с бойцами и отправлялся на «ближайшую» — за сорок-пятьдесят километров, а то и дальше — станцию, где еще действовала водокачка. А когда паровоз возвращался с водой, у него уже кончалось топливо. И бойцы снова шли в лес, валили и раздвигали деревья на дрова, вытягивались длинной цепью и по живому конвейеру загружали тендер паровоза топливом... А бывало даже, что бойцам приходилось «на себе» продвигать «замерзнувшие» в пути составы до ближайшей станции.

Первый сильный контрудар Народно-революционная армия нанесла врагу в районе станции Ин. Камский полк белых, проникший в тыл красных, был окружен и уничтожен. Белые потеряли триста тридцать два человека убитыми и ранеными.

Наступление армии Молчанова заглохло. В ее ближайшем тылу действовали партизаны Приамурья. Активизировались партизаны Приморья, где снова был создан штаб партизанских отрядов.

Особенно большой переполюх в стане белых был вызван смелым налетом приамурских партизан под командованием коммуниста Бойко-Павлова. В ночь на 12 января 1922 года партизаны проникли в Хабаровск, причинили значительный урон белогвардейцам и, уничтожив военное имущество, ушли без особых потерь.

Этот набег содействовал деморализации тыла белых и заставил Молчанова снять с позиций часть войск для охраны города.

Народно-революционная армия в это время уже прочно удерживала Инские позиции и наращивала свои силы за счет прибывавших эшелонов с бойцами, вооружением и продовольствием из Благовещенска, Читы и других пунктов.

Сокрушающий удар по белогвардейцам, а вместе с тем и по интервенции был нанесен на дальних подступах к Хабаровску под станцией Волочаевкой 12 февраля 1922 года. Вражеское командование отлично понимало, что здесь решается судьба «белой рати» и всего пресловутого «плана» новой интервенции. Поэтому оно не пожалело сил и средств для создания сильно укрепленного рубежа.

Волочаевские укрепления строились дни и ночи и в период временного затишья и когда обе стороны готовились к решительному сражению. Среди снежной равнины вырос лес кольев, густо опутанных в несколько рядов колючей проволокой. Саперы заплели проволокой также опушку леса на юго-западной окраине деревни Волочаевки и близко прилегающие кусты. За колючей изгородью выросли брустверы из мешков, наполненных землей и заваленных сугробами снега, политого водой. Все подступы к позициям белые пристреляли из пушек и пулеметов.

Защищали позиции ижевско-воткинские полки и другие каппелевские части, считавшиеся у белых наиболее боеспособными.

Наступательные операции народно-революционных войск в направлении Волочаевки развернулись с начала января 1922 года. С боями был занят разъезд Ольгохта. Вслед за этим пошла бой за Волочаевку.

Первый из них кончился неудачей. Попав в засаду, красные войска отступили, понеся некоторые потери. Началась тщательная подготовка решительного штурма.

Наступающие находились в чрезвычайно трудных условиях. На снежной равнине протяжением в сорок восемь

километров между станциями Ин и Волочаевка не было ни одного населенного пункта. Командиры и бойцы поочередно, при сорокаградусном морозе, обогревались в единственной полужаке и в небольшом здании разъезда Ольгохта. Чтобы не замерзнуть, приходилось наматывать на себя одеяла, мешки, на сапоги наматывать пучки сена и обвязывать их проволокой. И все же были случаи, когда отдельные бойцы замерзали. Очень плохо обстояло с продовольствием для людей и фуражом для лошадей.

Штурм Волочаевки начался 10 февраля в 11 часов вечера при сильном морозе.

Наивысшего напряжения битва за Волочаевку достигла 12 февраля. Накануне забайкальская группа бойцов заняла деревню Ново-Спасскую на Амуре и нависла над флангом белогвардейцев.

В 8 часов утра 12 февраля загремела артиллерия красных бронепоездов. Она била по вражеским укреплениям.

И снова бойцы под ураганным огнем противника ринулись на колючие заграждения. Разрывая своими телами проволоку, они продвигались вперед, многие погибали, но никто не дрогнул и не отступил. Крепкие колья и скользкие снежные брустверы не выдержали. В образовавшуюся брешь прорвалась людская лавина. Противник побежал. Славные бойцы взяли Волочаевку — ключ к окончательной победе над интервентами.

Откатившиеся к Хабаровску белые, боясь обхода с юга первой Читинской бригадой, взявшей Казакевичево, оставили город без боя и отступили по Уссурийской железной дороге по направлению к Спасску.

Войска Народно-революционной армии 14 февраля освободили Хабаровск.

Вооруженная иностранная интервенция находилась при своем издыхании. Правда, потребовались еще месяцы битв и многие дни всевозможных дипломатических переговоров, чтобы завершить освобождение Советского Приморья. Не раз еще японские войска устанавливали свои заслоны, чтобы дать белогвардейцам перегруппироваться, собрать последние остатки сил. Красная Армия не поддавалась провокации, она имела твердое указание избегать вооруженных столкновений с японцами. Но что бы там ни было, неизбежно, неотвратимо, в силу роста могущества Советской республики интервенция сходилa на нет.

Командующий японскими войсками в Приморье Тачибана издал, наконец, декларацию о выводе японских войск из Приморья. Начало эвакуации назначалось на 26 августа 1922 года. Но вместе с тем организуется новая авантюра — последняя кровавая вспышка затянувшегося белогвардейского царствия в Приморье.

В день объявления об эвакуации японцев, 24 июня, в Никольск-Уссурийском состоялся так называемый земский собор по «спасению России». Собрание подонков — разбитых революцией классов — создало директорию во главе с черносотенцем Дитерихсом, назвавшим себя «правителем Руси», и объявило «крестовый поход» на... Москву.

Прикрытая от ударов красных японскими войсками, «земская рать» Дитерихса получила от оккупантов вооружение, заняла укрепленные японцами боевые позиции у Спасска и Никольск-Уссурийска и даже перешла в наступление.

7—9 октября 1922 года войска Народно-революционной армии в составе Второй отдельной приамурской стрелковой дивизии, отдельной забайкальской кавалерийской бригады и 104-й пехотной бригады разгромили белую группировку генерала Молчанова и штурмом овладели Спасском. В последующих боях, несмотря на упорное сопротивление, были последовательно разбиты группы белых войск генерала Смолина и генерала Бородин.

Уцелевшие остатки «земской рати» бежали в Корею. Путь к Владивостоку был очищен от белых. Красные войска приближались к городу, где готовилась торжественная встреча освободителей.

Последние войска японских интервентов покидали Владивосток. В порту оставалось только затаившееся как соглядатай империалистов американское военное судно «Сакраменто»; лишь 24 ноября оно окончательно покинуло Владивосток.

25 октября 1922 года в освобожденный Владивосток вступили курсанты дивизионной школы и части Волочаевского полка, а вслед за ними — части первой Забайкальской дивизии и другие.

Иноземные захватчики были навсегда изгнаны с советского Дальнего Востока. Красная Армия и красные партизаны Дальнего Востока закончили на Тихом океане свой славный поход.

По поводу освобождения Приморья Владимир Ильич Ленин прислал свое приветственное слово трудящимся далекой окраины и красным бойцам:

«Чита. Председателю Совета министров Дальневосточной республики.

К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и гор. Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР.

*Председатель Совнаркома РСФСР
В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).*

Москва, 26. X. 1922 г.¹

Вслед за изгнанием иноземных захватчиков Народное собрание ДВР по требованию трудящихся Дальнего Востока 14 ноября 1922 года вынесло постановление: «Объявить на всем русском Дальнем Востоке власть Советов».

Роль временного дальневосточного демократического буферного государства, послужившего заслоном против агрессивного империализма, закончилась. Наступила новая полоса жизни советского Дальнего Востока — эпоха социалистического строительства.

2

После освобождения Приморья продолжалась еще ликвидация отдельных белых банд, рассеявшихся по северным окраинам Дальнего Востока.

В районе Аяна был разгромлен большой белогвардейский отряд генерала Пепеляева. Вблизи Гижиги наступлены банды есаула Бочкарева и генерала Полякова. Палач Бочкарев, руководивший зверской расправой над Ла-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 345.

зо и его товарищами, не ушел от расплаты: его покарала пуля советского бойца.

Не ушел от карающей руки и атаман Семенов. Этого палача с группой других изменников в 1945 году изловили и затем по приговору советского суда повесили.

Как же закончились николаевские события и что стало с беженцами из Николаевска? — спросит читатель.

Установив 12 июня 1920 года свою власть в сожженном городе, японские милитаристы на этот раз не допустили организации даже белогвардейских органов. Лишь позднее японское командование назначило городского старшину с советниками при нем, но и то лишь для связи с японским штабом и осведомления русских граждан о японских мероприятиях.

Вступившую в Николаевск японскую армию сопровождала якобы «случайно» американская киноэкспедиция, которая не преминула состряпать кинокартину под сенсационным названием «Исчезнувший город». В этой киноленте вместо признания интервентами их ответственности за гибель города и нечеловеческие страдания мирных жителей вся вина взваливалась на русских партизан...

Японские войска, заняв опустевший и сгоревший город, убедились, что он уже не может стать их базой. Чтобы разместить войска, требовалось бы развернуть большое строительство, на что японское командование не могло пойти. Начался вывоз в Японию всего, что могло иметь хотя бы малейшую ценность.

Не теряя времени, японские промышленники позахватывали рыболовные участки в лимане и по Амуру. Исключительно хищнический облов лососевых в 1920—1922 годах привел к резкому подрыву их запасов.

Пытались утвердиться в низовьях Амура и капиталисты США. Американские монополисты добивались у правительства Дальневосточной республики предоставления им долгосрочных концессий между рекой Амуром и семидесятым градусом северной широты, включая и значительный участок побережья Охотского моря. В случае успеха этого предприятия капиталисты США закрепили бы за собой не только район города Николаевска, но и обширнейшую область с огромными рыбными ресурсами, богатыми запасами золота, леса, пушнины.

Как известно, ни японским, ни американским капиталистам не удалось закрепиться на Дальнем Востоке. Ос-

вобождение края от интервентов положило конец и иностранному хищничеству на советской земле и всевозможным проектам экономического закабаления советского тихоокеанского побережья...

В 1920—1922 годах основная масса жителей Николаевска находилась в районах, освобожденных от интервентов, — в Благовещенске, Свободном и других пунктах; эвакуированные нашли здесь и приют, и кров, и работу. Небольшая часть николаевцев решила пробираться пароходами обратно, на Нижний Амур, в том же 1920 году; кое-кто так же поступил, как только открылась навигация весной 1921 года. В зиму 1921/22 года в Николаевске проживало не более двух тысяч человек.

подавляющее большинство жителей Николаевска возвратилось в родные места только после эвакуации японских войск в 1922 году и восстановления там Советской власти.

Богатство и приволье Нижнего Амура, рыбная ловля и охота неудержимо влекли людей обратно на свою родину. На старом пепелище в короткий срок вновь возник город Николаевск-на-Амуре.

Николаевск — сейчас крупный морской и речной порт, важный хозяйственный и культурный центр, к которому тяготеют устье Амура, часть Северного Сахалина и юго-западное побережье Охотского моря. В городе построен ряд крупных промышленных предприятий и мастерских, обслуживающих весь прилегающий район.

Ежегодно миллионные ассигнования направляются на капитальные работы и благоустройство города. Немало здесь сейчас учреждений культуры и науки. В педагогическом училище на полном государственном обеспечении обучаются дети народов Севера: нивхи, нанайцы, ульчи, эвены, якуты. Молодые учителя, оканчивающие это училище, несут свет и культуру в самые отдаленные поселения малых народов, где прежде царствовали тьма, дикость, невежество. В городе восстановлено и давно уже работает мореходное училище, в котором когда-то обучался знаменитый русский моряк — адмирал С. О. Макаров.

В центре города высится памятник основателю Николаевска, отважному адмиралу Г. И. Невельскому, открывшему и исследовавшему устье Амура и Амурский лиман. Численность населения Николаевска, по сравнению с

прошлым, увеличилась во много раз. Трудящиеся города живут интересной, созидательной жизнью.

Изменился и кочевой быт малых народов, населяющих прилегающие районы. Созданы оседлые рыболовецкие, сельскохозяйственные, оленеводческие колхозы. Вместо прежних стойбищ с продымленными юртами появились просторные благоустроенные села со светлыми домами. Отсталые в прошлом народы, ныне советские колхозники, широким потоком тянутся к свету и культуре.

До неузнаваемости изменилось и бывшее Керби. Ныне — это крупный, благоустроенный поселок имени Полины Осипенко, в котором имеются средняя школа, поликлиника, Дом культуры.

На одной из улиц поселка, в собственном опрятном домике, и поныне здравствует наш замечательный партизанский друг и помощник негидалец Иннокентий Сидорович Семенов, навсегда теперь расставшийся с кочевой жизнью и со стойбищем «Котелок». Два сына Иннокентия Сидоровича получили высшее образование.

Совсем иной стала Веселая Горка; сейчас — это большой населенный пункт, также имеющий свою среднюю школу и другие культурные учреждения. А на месте одинокого домика-полустанка Орога расположился один из поселков крупнейшего в районе Кербинского присиска. Неподдалеку в долинах речек и ключей круглосуточно кипит работа советских золотонскаателей, вооруженных новейшими золотодобывающими машинами отечественного производства.

А там, где в снежную суровую зиму, в памятный 1919 год, проходили на Нижний Амур приамурские партизаны и освобождали от предателей-изменников и иностранных захватчиков города и села, там, где стояло небольшое село Пермское, возник город юности, город торжества социализма — Комсомольск-на-Амуре.

Пройдут года, не станет современников и участников событий, описанных в этом повествовании. Но память об отважных приамурских, забайкальских и приморских партизанах, отдавших жизнь за родные Советы, за счастье народное, за честь своей Родины, сохранится в веках.

И останутся, как сказка,
Как маящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Забайкалье — Амур	3
Глава вторая. Керби	35
Глава третья. Переворот	50
Глава четвертая. Идут партизаны	63
Глава пятая. Николаевск освобожден	75
Глава шестая. Предательское нападение	109
Глава седьмая. Николаевские дни	125
Глава восьмая. Николаевск оставлен	152
Глава девятая. Снова Керби	164
Глава десятая. Судом народа	195
Глава одиннадцатая. Через тысячеверстную тайгу	204
Глава двенадцатая. Победа	219

Степан Петрович Днепровский

По долинам и по взгорьям.

Редактор А. А. Степанов.
Художник В. Г. Зуенко. Художественный редактор Л. М. Мосейчук.
Технический редактор М. Д. Кайдалова. Корректор П. Ф. Шалаева.

*
Сдано в набор 27/XII-55 г. Подписано к печати 24/IV-56 г.
Бумага 84 × 108₃₂ = 7,25 б. л., 11,9 п. л., 13,16 уч.-изд. л.
Тираж 15 000 экз. ВЛ 05070.

*
Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Ким Ю-чена, 9.
Заказ № 4069. Типография № 5 Госстатиздата, г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3.

Цена 5 р. 45 к.